

ТРАНСГРАНИЧЬЕ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ

**Сборник статей
по итогам международной
научно-практической конференции
БРЯНСК 25 марта 2021 г.**

МИНОБРНАУКИ РОССИИ

Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего образования

**БРЯНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ АКАДЕМИКА И.Г. ПЕТРОВСКОГО
(БГУ)**

Факультет истории и международных отношений
Кафедра отечественной истории

**ТРАНСГРАНИЧЬЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ**

Брянск – 2021

УДК
ББК
Т -

Трансграничье: теория и практика социокультурных контактов. Сборник статей по итогам международной научно-практической конференции 25 марта 2021, г. Брянск, 2021. – 242 с.

ISBN

Сборник статей подготовлен на основе докладов Международной научно-практической конференции «**Трансграничье: теория и практика социокультурных контактов**», проведенной 25 марта 2021 г. на площадке Брянского государственного университета в очно-дистанционном формате. Организаторами конференции выступили факультет истории и международных отношений, кафедра отечественной истории и отдел международных связей и сотрудничества БГУ. Кафедра источниковедения истории России Санкт-Петербургского государственного университета.

Издание предназначено для студентов и преподавателей исторических факультетов вузов.

Рекомендовано к печати редакционно-издательским советом БГУ

Подготовлено на кафедре

© Коллектив авторов, 2021

© РИСО БГУ, 2021

СОДЕРЖАНИЕ

РАЗДЕЛ I СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТРАНСГРАНИЧЬЯ

<i>Лю Лэй</i> (Китай. Санкт-Петербургский государственный университет). ПЕРСПЕКТИВЫ УЧАСТИЯ РОССИИ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ	7
<i>Бронников В.Л.</i> (Россия. Санкт-Петербургский государственный университет). КОПЧУР В МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ, ИМПЕРИИ ЮАНЬ, УЛУСЕ ДЖУЧИ И ИЛЬХАНАТЕ. УЛАГУИДОВ	15
<i>Козловский Д.В.</i> (Россия. Санкт-Петербургский государственный университет). ДОБЫЧА И ТОРГОВЛЯ АРХЕОЛОГИЧЕСКИМИ ДРЕВНОСТЯМИ В ЕГИПТЕ И НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ ВО ВРЕМЯ БРИТАНСКОЙ ОККУПАЦИИ И МАНДАТНОГО ПЕРИОДА	26
<i>Пионтковский А.В.</i> (Россия. Санкт-Петербургский государственный университет). «ТЕЛЕСНОСТЬ» БРИТАНИИ В УНИОНИСТСКОМ ДИСКУРСЕ НАЧАЛА XVII ВЕКА	34
<i>Свиридова А.С.</i> (Россия. Брянский государственный университет). ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ ИСТОКОВ ИМПЕРСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА ВЕЛИКОБРИТАНИИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.	44
<i>Старостенко В.В.</i> (Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова. Республика Беларусь) ХАРАКТЕР И СПЕЦИФИКА РЕЛИГИОЗНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСИ (На примере Могилевской области)	48
<i>Лямцев М.Д.</i> (Россия, Брянский государственный университет). ОСОБЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ПРОВАНСА В ХОДЕ АЛЬБИГОЙСКОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА (ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIII в.)	58

Фельдман П.В. (Россия, Брянский государственный университет). ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП В ХОДЕ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ КАМПАНИИ 1884 г. В США	63
--	----

РАЗДЕЛ II

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

Алферова И.В., Блохин В.Ф. (Россия, Брянский государственный университет). ПРИГРАНИЧЬЕ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (Минский военный округ в годы Первой мировой войны)	68
Николаева Е.В. (Россия, Брянский государственный университет). БЕЖЕНЦЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИИ: ЭПИЗОДЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ	76
Старостенко Э.В. (Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова. Республика Беларусь). ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ МИНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (на материалах Могилевской и Минской губерний)	82
Рудковская М.М. (Россия. Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова). БЕЛЫЕ РУССКИЕ ТУЛОНА: ИСТОРИЯ ВОЕННО-МОРСКОЙ ЭМИГРАЦИИ ВО ФРАНЦУЗСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ АРХИВАХ	88
Василенко В.В. (Республика Беларусь. Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова). ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА И ДОРОГОВИЗНА ПРОДУКТОВ В ГОРОДАХ МОГИЛЁВСКОЙ И ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ В 1915 г.	98
Гришин Н.И. (Россия, Брянский государственный университет). ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1918) В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ	106
Фельдман А.Д. (Россия, Брянский государственный университет). АДАПТАЦИЯ К СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ	115

РЕАЛЬНОСТИ АМЕРИКАНСКИХ СОЛДАТ ВО ВРЕМЯ ВЬЕТНАМСКОГО КОНФЛИКТА (1964–1973 гг.)	
---	--

РАЗДЕЛ III

РЕЦЕНЗИИ. КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

<i>Су Юй-ци</i> (Тайвань. Санкт-Петербургский государственный университет). THE LIFE OF A RUSSIAN SINOLOGIST: IVAN ZHAROV	121
<i>Токарева Ю.А.</i> (Россия. Санкт-Петербургский государственный университет). ОПИСАНИЕ БЫТА МАЛЫХ НАРОДОВ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА В РАБОТАХ МИССИОНЕРА П.А. ПОПОВА	131
<i>Киселев Р.С.</i> (Россия. Санкт-Петербургский государственный университет). И.Я. ФРОЯНОВ И ЕГО КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)	139
<i>Куприянова А.Н.</i> (Россия. Санкт-Петербургский государственный университет). РУССКОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ И СТАНОВЛЕНИЕ СЛАВИСТИЧЕСКИХ ПРОГРАММ В УНИВЕРСИТЕТАХ АВСТРАЛИИ	147
<i>Малнач А.Д.</i> (Латвия. Санкт-Петербургский государственный университет). ХУДОЖНИК В. И. КОЗИН НА ПЕРЕЛОМАХ ИСТОРИИ И ПЕРЕКРЕСТКАХ КУЛЬТУРЫ ОПЫТ «УСТНОЙ ИСТОРИИ» И ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ	155
<i>Богданова Т.В.</i> (Россия. Российский государственный исторический архив). К.Х. ФОН ГИНЦЕЛЬ – ПРАВИТЕЛЬ ВЫБОРГСКОГО НАМЕСТИЧЕСТВА 1785–1793 гг. (ПО ДОКУМЕНТА РОССИЙСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО ИСТОРИЧЕСКОГО АРХИВА)	183
<i>Новиков М.Д.</i> (Россия. Санкт-Петербургский государственный университет). ТРУДЫ А.Г. БРИКНЕРА (1834–1896) В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ	191
<i>Петров Е.В., Дудченко Г.Б., Эльц Е.Э., Рябова Л.К.</i> (Россия. Санкт-Петербургский государственный университет). ОТ НАУКОВЕДЕНИЯ К НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ	198

РОССИЙСКО-ШВЕЙЦАРСКИХ АКАДЕМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ	
<i>Криницина Т.С.</i> (Россия. Санкт-Петербургский государственный университет). РОЛЬ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ ДОГОВОРЕННОСТЕЙ В ДЕЛЕ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И США (1990–2010 гг.)	211
<i>Кунаев А.Г.</i> (Россия. Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина). ХАРАКТЕРИСТИКА ЦИФРОВЫХ КОЛЛЕКЦИЙ И СОБРАНИЙ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ им. Б.Н. ЕЛЬЦИНА	220
<i>Мокшев С.Н.</i> (Россия. Санкт-Петербургский государственный университет). НОВЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ В ДЕЛЕ ИЗУЧЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО И РУССКОГО ДЕРЕВЯННОГО ЗОДЧЕСТВА (Рец. на книгу: <i>Historic Wooden Architecture in Europe and Russia. Evidence, Study and Restoration</i> , edited by Evgeny Khodakovsky and Siri Skjold Lexau. Basel, Birkhäuser, 2015. 184 p.)	226
<i>Сапаров Д.Д.</i> (Россия. Санкт-Петербургский государственный университет). К ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА МУРМАНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ ДОРОГИ (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Н. РАЙНХАРД «МУРМАНСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА (1915–1919): ВОЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СОБРАЖЕНИЯ»). СПБ.: НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2011. 320 с.)	232
<i>Яковлева А.Е.</i> (Россия. Санкт-Петербургский государственный университет). Взгляд из Принстона на современное положение дел в российско-американских отношениях. (Рецензия на книгу американского историка С. Козна «Война с Россией? От Путина и Украины к Трампу и Русогейту»)	236

РАЗДЕЛ I

СОЦИОКУЛЬТУРНОЕ ПРОСТРАНСТВО ТРАНСГРАНИЧЬЯ

Лю Лэй

(Китай. Санкт-Петербургский государственный университет)

ПЕРСПЕКТИВЫ УЧАСТИЯ РОССИИ В РАЗВИТИИ СОВРЕМЕННОГО ШЕЛКОВОГО ПУТИ

(научная редакция и перевод статьи – канд. ист. наук Г.Б. Дудченко)

Аннотация: в статье обобщены и сопоставлены данные исторического маршрута Великого Шелкового пути с современными направлениями развития проекта «Один пояс, один путь». В ней рассматривается история торговых путей и трансграничных территорий. На основе археологических данных автор рассматривает регионы, по которым проходили караванные маршруты в Средние века. В статье определены основные направления деятельности РФ в проекте Нового Шелкового пути.

Ключевые слова: Шелковый путь, Россия, Китай, «Один пояс, один путь»

Понятие «Шелковый путь» впервые возникло во второй половине XIX века, когда немецкий востоковед Фон Рихтгофен использовал данный термин в своей книге «Китай». Изначально он имел в виду торговый путь, соединявший Китай и Запад в период правления династии Хань. Сегодня термином «шелковый путь» обозначаются, как правило, все направления сети торговых путей, связывавших Восточную Азию со Средиземноморьем в древности и в Средние века. Это явление заслуженно привлекает к себе пристальное внимание, поскольку оно сыграло величайшую роль в мировой истории, культуре, экономике, международных отношениях.

В начале третьего тысячелетия, когда так много говорится о глобализации, государствам сложно развиваться самостоятельно, без взаимодействия с другими государствами. Человечеству постоянно приходится искать новые пути сотрудничества.

Комплексное изучение Великого Шелкового пути на предмет его восстановления вполне отвечает данной потребности. Рассматриваемый

через Аравийское море, одно к Персидскому заливу, а другое к – Красному морю. В конечном счете оба направления сухим путем достигали Средиземноморья.

В целом Великий Шелковый путь образовывал разветвленную систему караванных маршрутов, которую принято делить на северный, средний и южный. В настоящее время изучением Великого Шелкового пути в древние и Средние века, исследованием его магистралей занимаются многие специалисты из стран Центральной Азии.

При взгляде на карту нетрудно заметить, что вплоть до Северного Кавказа все караванные маршруты Шелкового пути проходили вне пределов современной Российской Федерации. Принято считать, что в процессе функционирования Великого Шелкового пути не поддерживалось никаких контактов с территорией, расположенной севернее от его основной торговой трассы. Однако к настоящему времени выяснилось, что это не так.

На сегодняшний день отсутствует комплексный анализ источников, но согласно предварительным данным, полученным в ходе археологических раскопок, а также сведениям, извлеченным из раннесредневековых письменных источников, Шелковый путь проходил также и по территории современной Российской Федерации. Можно сказать, что участие регионов, не отмеченных на картах, также имело немаловажное значение для функционирования всего Великого Шелкового пути. Особенно это касается Алтая, Саян и других южных районов Сибири [3, с. 50].

Рассматривая эти регионы, следует отметить три обстоятельства. Во-первых, эти регионы географически занимали приграничное положение. Во-вторых, по сравнению с другими ареалами, в этих районах практически отсутствовала устойчивая инфраструктура для ведения торговли. В-третьих, основные археологические находки, обнаруженные в этих местах, чаще всего представляют собой зеркала, монеты, изделия из драгоценных металлов, для которых характерна иная по отношению к местной культурная традиция.

Материальные свидетельства, найденные севернее основной магистрали, свидетельствуют о прохождении по этим территориям Великого Шелкового пути. Например, китайские монеты «ушу» и художественная бронза хунну имели широкое распространение во время существования державы хунну. Найденные источники указывают на влияние хунну в политической и социально-экономической сферах. Следует отметить, что с территории Минусинской котловины происходит большинство художественных бронзовых изделий хунну, они также найдены к северу, в районе современ-

ного Красноярска, и к западу – при раскопке памятников саргатской культуры Тюменской области и Барабинской лесостепи. Помимо этого, китайские монеты «кайюань тунбао», относящиеся ко второй половине I тыс. н. э. и найденные в древнетюркских погребениях Тувы и Минусинской котловины, также подтверждают функционирование в этих районах Великого Шелкового пути [5, с. 52–55].

Рис 2. Панорама воссозданной столицы Золотой Орды [6]

Доказательством прохождения маршрутов Великого Шелкового пути служат пункты, представляющие собой караван-сарай. Среди них особым образом выделяются города Старый Сарай и Новый Сарай, столицы Золотой Орды [7, с. 124], которые располагались в районе Волго-Ахтубинской поймы.

Используя благоприятное географическое положение, золотоордынские ханы могли открыть транзитную торговлю на пересечении Волжского и Великого Шелкового пути. То есть, во время правления Золотой Орды кочевники принимали участие в торговле на западном

участке Великого Шелкового пути. К тому времени татаро-монголы заложили прочный фундамент экономики, поскольку они создали форпосты на западных рубежах Великой Евразийской степи и выступали защитниками караванных путей между Востоком и Западом. При этом купцы из Западной Европы, Византии, русских княжеств, Булгарии и Крыма имели возможность вести торговлю через нижнее течение Волги с Хорезмом, Бухарой, Самаркандом, Монголией (Каракорумом) и Китаем [2, с. 82–85].

В целом можно сказать, что все эти археологические и антропологические источники свидетельствуют о прохождении в Средние века караванных путей через территорию нынешней Российской Федерации. Конечно, на юге Сибири культурных артефактов, связанных с функционированием Великого Шелкового пути, представлено меньше по сравнению с его основной магистралью. Но все-таки подтверждается, что торговые операции проходили на территории современной России.

В настоящее время, когда говорят о создании нового экономического пространства (Новый Шелковый путь), ситуация сильно изменилась. Вместе с тем сухопутный маршрут «Один пояс один путь» (далее ОПОП), как и в прошлом, разделяются на три трассы:

Северная магистраль: Китай – Казахстан – Россия – Украина – Беларусь – Польша – Германия;

Центральная магистраль: Китай – страны Центральной Азии – Южный берег Каспийского моря – Турция – Европа;

Южная магистраль: Китай – Афганистан – Иран – Аравийский полуостров – Египет – Северная Африка [8, с. 10].

Следует отметить, что более конкретные маршруты еще находятся в стадии формирования. Возможно, будет проложен четвертый сухопутный маршрут, пролегающий через Мьянму, Лаос, Таиланд, Вьетнам, Камбоджу, далее вдоль Малайского полуострова в Малайзию, Сингапур и через Малаккский пролив на территорию Индонезии [9, с. 238]. Это позволит усилить региональную экономическую интеграцию и расширить связи между Китаем и Юго-Восточной Азией.

Морской путь Нового Шелкового пути предположительно пройдет по прежнему маршруту, он берет свое начало от Гуанчжоу, затем проходит вдоль берегов стран Юго-Восточной Азии (Вьетнам, Таиланд, Малайзия, Сингапур и Индонезия), затем через Индийский океан его ответвления пройдут в Персидский залив и к Африканскому континенту, а также через Суэцкий канал в Средиземноморье.

В России на начальном этапе проект Нового Шелкового пути вызвал неоднозначную реакцию. Основной работой, объединившей российский дискурс об ОПОП, стал сборник статей, в котором отражены разные мнения касательно этого проекта.

С одной стороны, данный проект, возможно, будет иметь отрицательное воздействие на российское экономическое и гуманитарное пространство, его транспортную систему, поскольку эта инициатива создает конкуренцию идее создания Евразийского экономического союза и порождает противоречия в отношениях России со странами Центральной Азии. С другой стороны, авторы выделили возможность сотрудничества, сочетающего участие в проекте ОПОП и в ЕАЭС. Там же описываются перспективы развития с помощью Китая транспортной системы на Дальнем Востоке России, которая повысит потенциал Транссиба и БАМа. В связи с этим долгое время с российской стороны не следовало никаких определенных официальных высказываний и решений по участию в данном проекте.

Однако 8 мая 2015 года, после продолжительных обсуждений специфики проекта ОПОП, в Москве было подписано Заявление о сопряжении ОПОП и ЕАЭС [4]. Это событие явилось официальным знаком вступления России в проект ОПОП. Стратегии проектов во многом схожи: модернизация инфраструктуры, в том числе внедрение новых технологий, выстраивание логистики и т.д. Можно предположить, что оба эти проекта способны принести значительную выгоду.

Существуют три позиции в отношении сопряжения ОПОП и ЕАЭС: а) полной невозможности такого сопряжения; б) частичного сопряжения; в) возможности полноформатного сопряжения. В настоящее время наиболее вероятным представляется вариант частичного сопряжения. Это означает, что между Россией и Китаем будет углубляться сотрудничество в тех сферах, которые не являются проблемными, тогда как сферы, в которых имеются проблемы, сохранятся на какое-то время. Можно сказать, что сопряжение ОПОП и ЕАЭС создает огромную по масштабам транзитную зону для грузов из Европы в Азию, оно расширяет рынки сбыта не только на территории Китая, но и в других странах Азии. В свою очередь, Китай также получает расширение рынков сбыта своей продукции. Таким образом, в рамках сотрудничества двух стран в проекте ОПОП четко проявлена тенденция к учету политико-экономических особенностей взаимодействия России и Китая.

При реализации ОПОП ярко выраженный акцент может быть сделан на строительстве Китайско–Монгольско–Российского экономического коридора. Построение экономического коридора означает соединение ОПОП и ЕАЭС с монгольской идеей «Степного пути».

Таким образом, интересы России в ОПОП имеют два направления, а именно развитие национальной экономики и международной транспортной инфраструктуры. Можно сказать, что эти два аспекта оказывают влияние друг на друга, они взаимосвязаны и взаимозависимы. Строительство новых транспортных магистралей даёт возможность развивать экономику, а улучшение экономической ситуации стимулирует инвесторов вкладывать средства в новое строительство.

Маршруты Нового Шелкового пути, как и в прошлом, разделились на три ветки, однако к настоящему моменту значительная часть северного направления проходит через территорию России. В развитии нового Шелкового пути в связи с международной ситуацией и обстоятельствами экономического характера Россия играет и будет играть существенную роль в реализации проекта «Один пояс один путь».

Если в древнем Шелковом пути роль России была не так велика, то в развитии Нового Шелкового пути она достигла большого значения, как по географическому положению, так и в геостратегическом плане. Развитие партнерства имеет большие перспективы.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Великий час кораблей пустыни. [Электронный ресурс]. – URL: <http://dergachev-va.livejournal.com/51854.html> (дата обращения: 01.02.2021).

2. Калан Э. Городская культура и торгово-экономические отношения Золотой Орды (на примере Сарай ал-Джадида – Нового Сарая) // Ученые записи Казанского государственного университета. 2009. Т. 151. Кн. 2. Ч. 1. С. 82–85.

3. Савинов Д. Г. Северный/сибирский вариант Великого шелкового пути. Торговля в этнокультурном измерении // Материалы XIV Международных Санкт-Петербургских этнографических чтений. СПб., 2015. С. 50.

4. Совместное заявление Российской Федерации и Китайской Народной Республики о сотрудничестве по сопряжению строительства Евразийского экономического союза и Экономического пояса Шелкового пути. [Электронный ресурс]. – URL: <http://kremlin.ru/supplement/4971> (дата обращения: 06.02.2021)

5. Тишкин А. А., Серегин Н. Н. Китайские изделия из археологических памятников раннесредневековых тюрок Центральной Азии // География и практика археологических исследований. 2013. № 1. С. 52–55.

6. Золотая Орда. Сарай-Бату. [Электронный ресурс]. – URL: <https://dergachev-va.livejournal.com/27835.html> (дата обращения: 07.02.2021).

7. 马锦, 李发源, 庞国伟, 李晨瑞, 刘玮. 古陆上丝绸之路复原及沿线基本地理特征分析//地理与地理信息科学. 2017. № 4. С. 124. [Ma Цзинь, Ли Фа Юань, Пан Го Вэй, Ли Чэнь Жуй, Лю Вэй. Восстановление Великого Шелкового пути на древней земле и анализ основных географических особенностей маршрута//География и географическая информатика. 2017. № 4. С. 124.]

8. 郭立宏.任保平.丝绸之路经济带上的经济发展.中国经济出版社. 2015. С. 10. [Го Ли Хун, Жэнь Бао Пинь. Экономическое развитие вдоль экономического пояса Шелкового пути. Китайское экономическое издательство. 2015. С. 10.]

9. 谭岳衡.谢涌海.香港如何带路.中華書局. 2016. С. 238. [Тань Юе Хэн, Се Юн Хай. Гонконг в «Один пояс один путь». Китайское книгоиздательство. 2016. С. 238.]

PROSPECTS FOR RUSSIA'S PARTICIPATION IN THE DEVELOPMENT OF MODERN SILK ROAD

Abstract: The article analyzes Russia's area role in the development of the Great Silk Road in the past and in modern times. On the basis of archaeological finds, the author considers the regions through which caravan routes passed in the Middle Ages. Also the main directions of Russia's activity in the project of the New Silk Road are determined in the article.

Keywords: Silk Road, Russia, China, "One Belt One Road"

Лю Лэй, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, liulej@yandex.ru

Liu Lei, postgraduate student, Saint Petersburg State University, Russia, liulej@yandex.ru

Исследование выполнено при финансовой поддержке CSC

Бронников В. Л.

(Россия. Санкт-Петербургский государственный университет)

КОПЧУР В МОНГОЛЬСКОЙ ИМПЕРИИ, ИМПЕРИИ ЮАНЬ, УЛУСЕ ДЖУЧИ И ИЛЬХАНАТЕ ХУЛАГУИДОВ

Аннотация: В статье анализируется история налога копчур в Монгольской империи и государствах, появившихся после её распада (империи Юань, Золотой Орде, и ильханате Хулагуидов). Рассматриваются истоки появления института копчур у монгольских племен в рамках обычного права, направленного на поддержание беднейших соплеменников и институализация налога в правление каанов Угэдея и Мунке, преобразование его в десятину.

Ключевые слова: Монгольские завоевания, ильханат, Золотая Орда, Угэдей, Мунке, Газан-хан.

Феномен копчура впервые был исследован французским востоковедом Э.-М. Кармером при издании Джамии' ат-таварих («Сборник летописей») персидского историка и государственного деятеля Рашид ад-Дина (ок. 1247–1318). Слово копчур, по объяснению Э.-М. Кармера, первоначально обозначало пастбище¹. Появление налога он отнес к периоду правления хана Мунке (каан Монгольской империи в 1251–1259 гг.), который повелел выплачивать от каждых ста голов лошадей, коров и другого скота одну. Вскоре копчур приобрел денежный характер, но название осталось прежним. Также исследователь привел примеры употребления термина в «Сборнике летописей» [3, с. 30; 21, с. 256–257].

В российской историографии вопрос о копчуре и калане был впервые поднят В.В. Бартольдом во время изучения указа Абу Саид Бахадур-хана, ильхана государства Хулагуидов (правил в 1316–1335 гг.). Им была разобрана терминология, относящаяся к монгольской налоговой политике. Из текста указа было понятно, что он был направлен на защиту населения от чрезмерного налогообложения. Сам текст указа был выбит на

¹ Перевод слова копчур, как пастбища долгое время был общепринятым среди исследователей, только в последнее время Р. П. Храпачевский предложил объяснение происхождения термина от монгольского *qubciri* – «подати» [20, с. 144].

стене мечети Мануче в городе Ани (впервые был обнаружен в 1848 г. Н.В. Ханьковым).

В.В. Бартольд попытался найти более ранние примеры употребления понятия копчур, а также встречающегося параллельно с ним понятия калан. Ученый изучил жалобу, полученную Туглук-Тимуром, первым ханом Могулистана (правил в 1347–1362/3 гг.), после его выделения из Чагатайского улуса, от садовладельцев. Жалобщики писали хану, что в прошлое время со времен даже предшествовавших завоеваниям монголов калан не собирался с владельцев садов, а теперь их обложили этой податью в двойном размере [3, с. 30]. Слово калан также дважды встречается в «Сборнике летописей» персидского ученого и государственного деятеля Рашид ад-Дина (ок. 1247–1318), исходя из чего, В.В. Бартольд сделал вывод, что «в делопроизводстве монголо-персидского государства это термин, по-видимому, употреблялся редко». В первом случае термин калан употреблен вместе с интересующим нас термином копчур – Газан-хан (ильхан государства Хулагуидов в 1295–1304 гг.) издал в 1304 г. ярлык, согласно которому от копчура и калана освобождались кадии, ученые и потомки халифа Али. Во второй раз термин упомянут в рассказе, как были упразднены лишние ловчие, а те люди, кто до этого были под покровительством ловчих, отныне также были обязаны выплачивать калан [3, с. 31].

В.В. Бартольд сопоставил объяснение В.В. Радлова понятия калан, как «дань, подать, ясак», с информацией из жалобы Туглук-Тимуру и пришел к выводу, что изначально значение термина было «подать с возделанных земельных участков, вообще с оседлого населения», а в определении понятия копчур он был согласен с определением данным Э.-М. Катрмером — «пастбища и налог с пасущихся стад, в размере 1%». Таким образом, копчур еще до появления Монгольской империи был данью с кочевников и впоследствии оставался обязательным сбором в том числе и для монголов [3, с. 32]. Азербайджанский советский историк Абдулкерим Али оглы Али-Заде считал, что копчур должен был выплачиваться как обычными кочевниками, так и представителям аристократии за право использования пастбищ [3, с. 33; 1, с. 118].

Б. Я. Владимирцов обратил внимание на упоминания о налоге похожем описанием на копчур тексте монгольской хроники 1240-ых гг. Юань-чао би-ши «Сокровенного сказания» и китайской династийной истории Юань ши [6, с. 113–114]. Говоря о первых шагах только заступившего на престол сына и наследника Чингисхана Угэдея (каан Монгольской империи в 1229–1241) авторы отмечают именно Угэдеем был уста-

новлен порядок внесения одной головы скота на вспомоществование бедных соплеменников. В первом случае анонимный монгольский автор отмечал: «Затем Огодай-хан (*Угэдэй*. – **В.Б.**) сообщил на одобрение брата Чаадая (*Чагадай*. – **В.Б.**) о нижеследующем: Не будем обременять государство, с такими трудами созданное родителем нашим и государем Чингисханом. Возрадуем народ тихим благоденствием, при котором, как говорится, ноги покоятся на полу, а руки – на земле. Получив все готовое от государя родителя, введем порядки обременительные для народа. Пусть взнос в государственную продовольственную повинность – шулен – будет отныне в размере одного двухгодовалого барана со стада. Равным образом по одной овце от каждой сотни овец пусть взимают в налог в пользу неимущих и бедных» [13, с. 197]. Об этих же событиях сообщается и в китайской династийной истории «Юань ши». Хронисты Сун Лянь (1310–1381) и Ван Вэй (1321–1372) отметили, что осенью, в восьмой луне (период с 21 августа по 19 сентября) 1229 г. великий хан созвал курултай в местности Кудэу-арал на р. Керулен. Во время этого собрания знати в том числе «был издан указ [каана]: “Тем из монгольского народа, кто имеет 100 лошадей, – отдавать одну кобылу, тем, кто имеет 100 коров – отдавать одну корову, тем, кто имеет 100 овец – отдавать одного белого барана. [Это] делается постоянным установлением”» [11, с. 163; 2, с. 172].

А.М. Хазанов, изучив представленный фрагмент из «Сокровенного сказания», пришел к выводу, что упомянутый в тексте натуральный налог шужн (шулен), выплачиваемый аратами, включавший одного двухгодовалого барана от стада, дойных кобылиц для двора каана и одну овцу от каждого ста в пользу неимущих, это и был копчур. Угэдэй не ввел новый налог, а узаконил существовавшую ранее (по мнению Н.Н. Крадина, со времен родоплеменных отношений) норму обычного права, придав ей редиистрибутивную форму. По словам Рашид ад-Дина, «раньше, когда существовали их обычаи и правила, со всего монгольского войска выделяли ежегодно обедневшим ордам и дружинам копчур лошадьми, овцами, волами, войлоком, крутом и прочим». В 1233 г. было внесено уточнение, что одна голова с поголовья берется и в том случае, если их число в хозяйстве не достигает ста [19, с. 377]. Исследователи Б.В. Базаров и Ц.П. Ванчикова также полагают, исходя из сообщения Рашид ад-Дина, что изначально копчур выплачивался для поддержания обедневших соплеменников, выплачивался в казну каана и четырех царевичей для дальнейшего перераспределения верховной властью. Исследователи различают налоги копчур и шулен (по их объяснению, шулен был ежегодной повин-

ностью, распространявшейся только на монголов для продовольствия каана от каждой тысячи по одному двухлетнему барану и с каждой сотни по одному барану для помощи бедным). Этот налог также был введен на курултае 1235 г. [2, с. 172–173]

Мнение Н.Н. Крадина на появление копчура в основном совпадает с идеями А.М. Хазанова с той разницей, что он разделял понятия шулен (передача одной овцы от стада в пользу бедных и одного двухгодовалого барана), ундан (передача стад дойных коров) и копчур (кроме них араты облагались ямской повинностью, повинностью поставок кумыса и участия ханских облавных охотах) [12, с. 120].

В 1235 г. курултай установил нормы податей (10% с урожая оседлого населения с каждых 10 тагаров зерна полагалось платить 1 тагар (10% урожая) и 1% копчур с кочевого населения) и учредил почтовое сообщение на имперских землях. Примечательно, что собранный копчур шел на содержание неимущего населения [4, с. 535–536].

А.А. Али-Заде указывал, что первоначально термин существовал вместе традиционными наименованиями налогов. Так, например, в работе иранского историка и поэта Хамдаллаха Казвини (ок. 1281 – ок. 1350) Тарих-и гузидэ («Избранная история») наравне с термином копчур встречается и традиционный персидский термин алафхар (также переводится как пастбище), и, по мнению А.А. Али-Заде, обозначавшим похожее понятие (более того в списке «Избранной истории», который изучал Э.-М. Катрмер вместо алафхар употреблено слово копчур). Отличие в значении слов копчур и алафхар, как предполагал исследователь, исходя из текста ярлыка Газан-хана, заключается в том, что алафхар был налогом, собираемым исключительно с сельского населения, а копчур мог собираться и с горожан [1, с. 114, 123].

Отличную от других исследователей позицию на появление копчура занял Р.П. Храпаческий. Во-первых, он был склонен отделять копчур от бытовавших ранее форм податей, таких как шулен, которые не имели общего установленного размера, а определялись с помощью росписи на каждую кибитку. Копчур, как указывал исследователь, ссылаясь на сообщение Ала ад-дина Джувейни, также изначально не имел определенного размера и был впервые установлен не Угэдеем, а Махмудом Ялавачи после завоевания Хорезма. При Угэдее копчур получил только установленный размер в 1% от общего размера поголовья, но постепенно размер ставки вырос до 10% [20, с. 144].

По мнению В.В. Бартольда, А.А. Али-Заде, Р.П. Храпачевского постепенно происходило изменение значения слова копчур, что видно из

текста хулагуидского государственного деятеля и историка Ала ад-дина Джувейни (1226–1283). Уже в правление каана Мунке (правил в 1251–1259 гг.) слово приобрело новое значение, как подушная подать с покоренного населения, десятина (сначала выплачивавшаяся зерном, а потом перешедшая в денежную форму). В этом же значении термин встречается и в стихотворении Доулатшаха Самарканди (между 1435 и 1438 – между 1491 и 1507), поэта и историка персидской литературы, а также в упомянутом выше указе Газан-хана от 22 февраля 1304 г. (приведенном у Рашид ад-Дина). В ярлыке содержались сведения о видах налогообложения с непривileгированных территорий. Всего, согласно указу, существовало три типа налогов:

1) «копчур и поступления с жителей селений, оплачивавшиеся два раза в год»;

2) «копчур и поступления со степняков, оплачивавшиеся один раз в год, именно в начале года»;

3) «тамга, величина которой особо определялась для каждой местности, где взымались такие сборы, и обозначалась на дощечке, которая должна была быть прикреплена к воротам данного места».

То есть к концу XIII в., по мнению В.В. Бартольда, словом копчур стали обозначаться все прямые налоги с кочевого и оседлого населения (тамга обозначала косвенные сборы, собиравшиеся в городах) [1, с. 115, 118; 3, с. 33; 20, с. 145]¹. А.А. Али-Заде полагал, что превращение копчура из налога на кочевников в подушную подать с покоренного населения связана с включением в состав Монгольской империи большого количества земледельческого населения, как, например, на иранских территориях. Окончательное формирование института копчура произошло при каане Мунке, установившем порядок, по которому кочевники были обязаны ежегодно выплачивать по 1% от поголовья, а с оседлого населения была установлена выплата 7 динаров с состоятельных крестьян и горожан и по 1 динару с бедных. Как отмечал Ала ад-дин Джувейни, к началу правления Мунке не было четко установленной нормы выплаты копчура, что приводило к частым злоупотреблениям на местах. Для исправления ситуации в 649 г. х. (1251–1252 гг.) эмир Аргун в сопровождении меликов

¹ Исследователи Б.В. Базаров и Ц.П. Ванчикова считают, что до реформы Мунке на территории Ирана, Грузии и Армении действовали старинные домонгольские системы налогообложения и только благодаря Аргуну был введен копчур [2, с. 173].

(представителей знати) прибыл к каану и рассказал о бедственном положении податного населения (раият), страдающего от непосильных поборов. Эмир предложил установить систему выплаты копчура уже установленную в Мавераннахре Махмудом Ялавачи, по которой состоятельные люди ежегодно платили 10 динаров, а бедные 1 динар. В результате каан принял предложение Аргуна: была установлена прогрессивная норма обложения копчуrom, назначена специальная комиссия для переписи населения и установления нормы выплаты. Впоследствии при увеличении государственных расходов в ильханате происходило также и увеличение размера копчура на богатых (в период наместничества Аргуна размер налога был увеличен до 500 динаров в год на богатых, при том, что бедные продолжали выплачивать 1 динар) [1, с. 119–120].

О факте проведения по инициативе эмира Аргуна реформы копчура в правление каана Мунке на переднеазиатских владениях империи остались упоминания в сочинениях средневековых армянских историков. Так в сочинении Григора Акнерци (инока Магакии ок. 1250 – ок. 1335) «История народа стрелков» говорится: «После этого бедствия (*нашествия саранчи в 1252–1253 гг.* – В.Б.), по велению Менгу-хана прибыл в нашу страну один татарский начальник, именем Аргун, и произвел перепись в стране восточной с целью изыскать на будущее время подати по числу голов, вписанных в Давтар (*книга ростиси налогоплательщиков.* – В.Б.). И разорили они восточную страну еще более тем, что в малейшей деревне насчитывали от 30 до 50 человек, начиная с 15 летних и кончая 60-летними; и с каждой головы, попавшей в запись, брали по 60 белых. Бежавших или укрывшихся ловили, безжалостно связывали им руки назад, секли зелеными прутьями до того, что все тело обращалось в одну болячку, покрытую кровью. После того они выпускали на истощенных и истерзанных христиан свирепых собак, приученных к человеческому мясу» [10, с. 23–24]. Об этих же событиях писал и Вардан Аревелци (ок. 1198–1271): «В 701–1252 году появилась саранча в Верхней Армении и причинила вред многим провинциям. В 702–1253 году Мангу-хан дал повеление учинить ревизию во всех землях, находившихся под его властью, через знаменитого мужа Архуна и назначить поголовную подать с мужчин, за исключением женщин, дряхлых стариков и грудных младенцев» [5, с. 183].

Однако из сочинения истории Киракоса Гандзакеци (ок. 1203–1271) «История Армении» видно, что копчур (хапчур) в отличие от введенного Хулагу тагара, не был столь обременительным: «Много бедствий причиняли они всем странам своими податями и грабежом, нескончаемыми требованиями пищи и питья и довели все народы до порога смерти. И наряду

со многими другими [повинностями], наложенными Аргуном, – малом и хапчуром – пришел приказ Хулагу о взыскании повинности с каждой души, которую называли тагаром, что и было внесено в казенные списки. [В уплату его] требовали сто литров пшеницы, пятьдесят литров вина, два литра очищенного и неочищенного риса, три мешка, две веревки, одну монету, одну стрелу, одну подкову, не считая иных взяток. С двадцати голов скота – одну голову и двадцать монет, а у кого не было [скота], отбирали по [их] требованию сыновей и дочерей. И так была притеснена и страдала вся страна» [7, с. 227].

По мнению исследователей Б.В. Базарова и Ц.П. Ванчиковой реформа по введению традиционных монгольских форм налогообложения копчура и тамги¹ коснулась не всей территории Монгольской империи. Область распространения локализуется ими как скотоводческие районы Армении, Грузии, Ирана, Китая, Монголия и, возможно, некоторые другие территории [2, с. 172].

Исследованием судьбы копчура в различных улусах бывшей Монгольской империи посвящены сочинения А.А. Али-Заде (о копчуре на землях ильханата Хулагуидов), Ч. Далай и Н.Н. Крадина (на территории империи Юань), Б.Д. Грекова, А.Ю. Якубовского, В.В. Трепавлова, Г.А. Федорова-Давыдова, А.П. Никитина (на территории улуса Джучи).

На землях империи Юань, включавших и сами земли Монголии размер копчура (установлен указом Угэдея 1229 г. 1 голова со 100 голов скота лошадей, коров, овец) не был обременительным для рядового монгольского населения аратов-харачу. С 1233 г. указ перестал соблюдаться, и до начала XIV в. минимальная норма владения поголовьем скота для сбора копчура могла меняться в большую или меньшую сторону (так по данным династической истории Юань ши в 1302 г. была принята норма сбора 1 овцы с хозяйства арата, владевшего поголовьем в 130 овец).

Монгольский историк Ч. Далай считал, что размер копчура напрямую зависел от условий жизни рядового населения в тот или иной период, если араты «были не в состоянии уплатить государственные

¹ В период правления каанов Гуюка и Мунке копчур был распространен на все оседлое население, но позднее горожане были обложены специальным налогом тамга, а копчур выплачивался городами, относящимися к дивану или находившихся во владении ильхана или правящей фамилии (инджу) [1, с. 122].

налоги, вероятно, правители уменьшали размер налогов с них и соответственно увеличивали поступление потребного количества продуктов за счет китайского населения». Однако, несмотря на эпизодические периоды облегчения налогового бремени, все равно объем выплат в империи Юань был значительно выше, чем во времена Чингисхана и первых трех каанов. Новая норма была введена только в правление Тэмур (внук Хубилая, император династии Юань в 1294–1307 гг.) в 1304 г., установившего минимальный размер поголовья для сбора копчура в 30 голов. Юаньский чиновник Ма Цзучан в работе Шитянь цзи («Собрание сочинений Ши-тяня») указывал на тяжелое положение, в котором оказалось население Монголии в результате высоких налогов: «В Северной стране постоянно берут с семей налог со скота. Прекращают на время взимать налог лишь тогда, когда у семьи ничего не останется» [12, с. 120–121; 9, с. 110–111]. Также необходимо отметить, что положение осложнялось тем, что араты были обложены большим количеством сборов помимо копчура [9, с. 111–115].

На золотоордынских территориях история института копчура складывалась по-другому, однако в отличие от ситуации на территории ильханата сохранилось малое количество источников. А.Ю. Якубовский и Б.Д. Греков не видели изменений института копчура даже в источниках конца XIV в. (анализировался текст ярлыка Тимир-Кутлуга золотоордынского хана в 1395–1399 гг.). Копчур они трактовали в первоначальном смысле, как противоположностью термину калан, понимая под первым «налог с пасущихся стад в размере 1%», а под вторым – «подати с оседлого населения» [8, с. 111].

В настоящее время такой трактовки копчура в улусе Джучи придерживается большинство авторов. Так, например, В.В. Трепавлов, говоря о золотоордынском копчуре, отмечал, что «основной податью для кочевого населения был копчур, состоявший в выплате 1% от поголовья скота и скотоводческой продукции» [17, с. 211]. Другой исследователь Р.Ф. Набиев разводит бытовавшие в улусе Джучи 1% налог в пользу бедных и копчур, который шел в казну и равнялся 1 голове от ста голов скота. При этом исследователь, за отсутствием источников, относящихся непосредственно к золотоордынским территориям, был вынужден действовать методом аналогии, проводя параллели с порядками, установленными в ильханате. Ссылаясь на сообщение Киракоса Гандзакеци, ученый предположил, что все налоги, существовавшие на начальном этапе в Золотой Орде, не были обременительными (за исключением тагара) [14, с. 169]. Больше сведений о копчуре на

золотоордынских территориях привел Г.А. Федоров-Давыдов. По его мнению, на поволжских землях копчур также со временем стал превращаться в подушную подать, оседлое население было обложено большим объемом повинностей, чем кочевое (с оседлого населения собиралось в рамках копчура 10% от общего числа поголовья, а от кочевого в том числе монгольского 1%). К такому сбору с кочевых стад относится и упоминание, сделанное итальянским путешественником и дипломатом Джованни дель Плано Карпини (ок. 1182–1252) о выплате кобылами в пользу императора: «Как вожди, так и другие обязаны давать императору для дохода кобыл, чтобы он получал от них молоко на год, на два или на три, как ему будет угодно, и подданные вождей обязаны давать то же самое своим господам, ибо среди них нет никакого свободного» [16, с. 46; 18, с. 39–40].

Менее убедительной представляется точка зрения А.П. Никитина пытавшегося связать копчур с мусульманской традицией закята. Традиция закята является одним из пяти столпов ислама, частью мусульманского религиозного права. «С помощью религиозного налога производится перераспределение ресурсов и социальная поддержка малообеспеченных слоев населения», – отмечал исследователь. Выплаты закята допускались в том числе в виде скота (с третьего года налогообложения мусульманин жертвовал в пользу общины 1% от имеющегося у него поголовья скота). Автор, пытаясь объяснить, почему термин закят не встречается в относящихся к истории Золотой Орды источниках, пытался указать, что после принятия ислама функции закята перешли к копчуру, также бывшему изначально налогом для помощи бедным соплеменникам [15, с. 65–67].

На территории Ирана, по словам А.А. Али-Заде, копчур собирался лишь на отдельных вилайетах, получивших название вилайят-е купчари (копчурные вилайеты, термин упомянут у Рашид ад-Дина). На остальных территориях была сохранена старая, сложившаяся до монгольских завоеваний система налогового обложения. Исследователь полагал, что реформа затронула лишь те земли, на которых было широко распространено кочевое скотоводство. В ильханате на территории копчурных вилайетов, введенные завоевателями налоги, копчур и тамга получили название эмвал вэ хокук-е (налоги и обязанности перед диваном) [1, с. 121].

Проведенная кааном Мунке реформа не принесла результатов – копчур часто собирался по несколько раз в течении года, что приводило к обеднению населения. По сообщению Хамдаллаха Казвини, разорению подверглась большая часть иранских городов, а в его родном Казвине

даже были прекращены пятничные богослужения. Лишь благодаря мудрому сахиб-дивану Садр ад-Дину в правление Газан-хана удалось добиться установления точного размера и сроков сдачи копчура (согласно ярлыку Газан-хана, жители деревень должны были выплачивать налог дважды в год – первый раз в течение 20 дней от новруза, второй раз в течении 20 дней после мизана, кочевники же были обязаны выплачивать копчур один раз в начале года, а население, проживающее на землях дивана и инджу помимо копчура облагалось также поземельным налогом харадж). Причины отхода от копчура А.А. Али-Заде видел в постепенном распространении частного владения на землю (земли ильхана и дивана), постепенный переход кочевников к полукочевому образу жизни и распространение ислама [1, с. 114, 123].

Копчур со времен правления Газан-хана начинает вытесняться хараджем и рядом других упомянутых историком Мухаммедом Нахичевани (XIV в.) налогов сэр шумар («поголовный»), хане шумар («приусадебный»), баг шумар («сбор с садов»). После смерти Газан-хана в 1304 г. при последних ильханах Олджейту (1304–1316) и Абу Саид (1317–1335) издавались указы об освобождении от копчура, что видно из анализа надписи на камне у основания минарета Джума-мечети в Баку (возведена в правление Олджейту). Окончательно упоминание о копчуре на землях Ирана исчезает в XV в. [1, с. 115, 123–126].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Али-Заде А.А. К истории феодальных отношений в Азербайджане в XIII–XIV вв. // Сборник статей по истории Азербайджана. Баку, 1949. Вып. 1. С. 109–126.
2. Базаров Б.В., Ванчикова Ц.П. Экономическая система Монгольской империи // Власть. 2015. № 6. С. 170–175.
3. Бартольд В. В. Персидская надпись на стене анийской мечети Мануче. СПб., 1911. 44 с.
4. Бартольд В. В. Туркестан в эпоху монгольского нашествия // Сочинения. М., 1963. Т. I. С. 39–688.
5. Всеобщая история Вардана Великого / пер Н.О. Эмина. М.: тип. Лазаревского ин-та восточных языков, 1861. 218 с.
6. Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Монгольский кочевой феодализм. Л.: Изд-во АН СССР, 1934. 223 с.
7. Гандзакеци К. История Армении / пер. Л.А. Халнаряна. М.: Наука, 1976. 357 с.

8. Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1950. 478 с.
9. Далай Ч. Монголия в XIII–XIV веках. М.: Наука, 1983. 233 с.
10. История монголов инока Магакии, XIII века / пер. К.П. Паткапова. СПб.: Тип. Императорской Академии Наук, 1871.
11. Китайская династийная история «Юань ши (Официальная история [династии] Юань)» // Золотая Орда в источниках. М.: Наука, 2009. Т. III. С. 121–251.
12. Крадин Н.Н. Кочевые общества (проблемы формационной характеристики). Владивосток: Дальнаука, 1992. 240 с.
13. Монгольский обыденный сборник // Сокровенное сказание. Монгольская хроника 1240 г. под названием *Mongrol-un Niruca tobciyan*. Юань Чао Би Ши. Монгольский обыденный сборник. М. ; Л.: Изд-во АН СССР, 1941. Т. I. С. 79–199.
14. Набиев Р.Ф. Государство Джучилов в XIV веке: проблемы политического и экономического развития. Диссертация на соискание ученой степени доктора исторических наук. Казань, 2014. 619 с.
15. Никитин А.П. «Закят», «копчур» и налог на «вспомоществование тем, кто слишком беден» в улусе Джучи // Вестник ВГУ. Серия: история, политология, социология. 2017. № 4. С. 65–67.
16. Плано Карпини Дж., дель История монгалов // Путешествия в восточные страны Плано Карпини и Рубрука. М.: Государственное издательство географической литературы, 1957. С. 23–86.
17. Трепавлов В.В. Степные империи Евразии: монголы и татары. М.: Квадрига, 2015. 368 с.
18. Фёдоров-Давыдов Г.А. Общественный строй Золотой Орды. М.: Изд-во МГУ, 1973. 180 с.
19. Хазанов А.М. Кочевники и внешний мир. Алматы: Дайк-Пресс, 2002. С. 377.
20. Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М.: АСТ ЛЮКС, 2005. 557 с.
21. Histoire des Mongols de la Perse, écrite en persan par Raschid-Eldin, publiée, traduite en français, accompagnée de notes et d'un mémoire sur la vie et les ouvrages de l'auteur, par M. Quatremère. Paris: Imprimerie royale, 1836. Т. I. P. 450.

***QUBCUR IN THE MONGOL EMPIRE, GREAT YUAN STATE,
ULUS DZHUCHI AND ILKHANAT***

Annotation: The proposed analyzes the history of the tax of qubcur in the Mongol Empire and the states that appeared after its collapse (the Yuan Empire, the Golden Horde, and the Ilkhanate). The origins of the emergence of the institution of kopchur among the Mongolian tribes within the framework of customary law, aimed at supporting the poorest tribesmen and institutionalizing the tax in the ruling of the Kaans of Ögedei and Möngke, turning it into tithe, are considered.

Keywords: Mongol conquests, Ilkhanate, Golden Horde, Ögedei, Möngke, Ghazan Khan.

Бронников Виталий Леонидович, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия,

V-Bronnikov12@yandex.ru

Bronnikov Vitaly Leonidovich, Postgraduate Student, Saint Petersburg State University, Russia.

Козловский Д. В.

(Россия. Санкт-Петербургский государственный университет)

**ДОБЫЧА И ТОРГОВЛЯ
АРХЕОЛОГИЧЕСКИМИ ДРЕВНОСТЯМИ В ЕГИПТЕ
И НА БЛИЖНЕМ ВОСТОКЕ
ВО ВРЕМЯ БРИТАНСКОЙ ОККУПАЦИИ
И МАНДАТНОГО ПЕРИОДА**

Аннотация: В статье даётся описание рынка археологических древностей Египта и Месопотамии в годы оккупации Британской империи до и после первой мировой войны. Анализ зарубежных исследований, заметок российских археологов, а также некоторых архивных данных позволяет сделать вывод, что торговля археологическими древностями была чрезвычайно распространена и прибыльна. А исследователи из разных стран получили возможность пополнять экспозиции музеев, которые они представляли. Британские власти предпринимали различные меры по борьбе с незаконной добычей и экспортом древностей, в то же время предоставляя преимущества своим собственным учёным.

Ключевые слова: Египет, Великобритания, Месопотамия, торговля древностями, археология, зарубежная историография

Во второй половине XIX века Египет становится элитным курортом для зимнего отдыха. Между Италией и Александрией постоянно курсировали пароходы. Из Каира и Александрии туристы по Нилу отправлялись в Асуан и другие города, где посещали все значимые достопримечательности. В 1870 году в Каире было зарегистрировано 300 американских путешественников [9, с. 178]. Туристы представляли огромный интерес торговцев древностями, которые наладили стабильный бизнес.

Купить древности предлагали на улицах, возле отеля, за городом курсировали ослы, гружённые мелкими находками. Как правило, это была всякая мелочь ценой в несколько фунтов. До начала 1880-х можно было встретить продавцов мумий и погребального инвентаря прямо на улице неподалёку от гробниц. Наиболее ценные вещи продавались в антикварных магазинах. Запасы древностей казались неисчислимыми. Хедив Мухаммед Тавфик в 1880 году издал указ, запрещающий вывоз любых древностей из страны и объявляющий собственностью государства все памятники и предметы древности, обнаруженные на государственных землях. А полиции Луксора поступил приказ усилить контроль за местными антикварами [Там же, с. 291–294].

А в 1882 году, в результате спровоцированной Великобританией англо-египетской войны, Египет был выведен из-под юрисдикции стамбульского правительства и в стране был установлен британский колониальный режим, а власть хедива была ограничена настолько, что страной фактически управлял британский дипломатический агент и генеральный консул [7, с. 23]. 16 мая 1883 года Хедиват Египта по настоянию Совета министров издал указ согласно которому: «Все новые музеи и хранилища, которые могут быть созданы в будущем и всё их содержимое также является собственностью государства. Ст. 3. Все памятники и предметы древности, определённые как таковые, признаются собственностью государства». Но это по-прежнему касалось только государственных земель [12, с. 176]. Лорд Кромер и Гастон Масперо совместно реорганизовали, существовавшую с 1859 года, Службу древностей (Antiquities Service), которая стала влиятельной организацией с пятью региональными инспекторами. В её полномочия входил контроль за проведением раскопок в Египте.

Иностранцы теперь работали под контролем инспекторов, хотя незаконные раскопки и торговля древностями по-прежнему процветали. Обычно исследователям приходилось выплачивать землекопам премии за находки, чтобы они их не крали с целью продать ближайшему торговцу антиквариату. Например, в 1885 году Флиндерс Петри (Flinders Petrie) для

раскопок в Навкратисе нанял 107 чернорабочих из местных и двух европейских бригадиров, чтобы они приглядывали за ними. Но мелких находок было настолько много, что проще было их покупать у рабочих. Петри установил твёрдые цены на разные категории находок. Но, нашедший, мог отказаться от сделки и продать находку самостоятельно [9, с. 295–296]. В 1888 году крупный российский исследователь-египтолог и коллекционер В.С. Голенищев приобрел в Луксоре бронзовый наконечник копья, привезенный царем Аимесом I; ритуальные лук и стрелы из черного дерева и другие ценные древности, которые были переданы в Эрмитаж [6, с. 8–9]. Купленный в Александрии фрагмент папируса с остатком еврейского текста был передан В.С. Голенищевым крупному русскому гебраисту А.Я. Гаркави, а приобретенные тогда же в Каире две клинописные таблички он предоставил для издания английскому ученому Сэйсу [5].

Закон 1897 года за незаконные раскопки на государственных землях карал штрафом в размере 50–100 фунтов или арестом сроком от 3 дней до недели. А согласно закону 1905 года погрузка древностей на транспорт не допускалась без разрешения уполномоченного сотрудника Службы древностей и без специального сертификата Службы древностей, удостоверяющего пункт назначения. Это правило распространялось как на египтян, так и на иностранцев [12, с. 178–180]. В начале 1900-х выходили десятки газет и журналов, посвящённых египтологии – интерес к египетским древностям только возрастал. По мнению директора египетского отделения, Королевского музея в Берлине профессора Эрмана, за последние годы цены на египетские древности выросли более чем в 5 раз, потому что многие специалисты в начале 1900-х считали, что их запасы находятся на грани исчерпания [4, с. 9].

Наиболее комплексным был закон 1912 года, включавший в себя все предыдущие акты. Его действие распространялось на все виды археологических находок движимых и недвижимых, а все древности, найденные под землёй или на земле, объявлялись собственностью государства. Но статья 4 данного закона, гласила: «Древности, принадлежащие нашедшему, получившему разрешение на раскопки, как и древности, принадлежащие частным лицам, могут поступать в продажу». Но государство получило право отчуждать частные земли, на которых расположены недвижимые памятники древности. Стоимость же земли возмещается из казны, но не стоимости находки, а каждый нашедший движимые древности, «не считая таковых из незаконных раскопок может претендовать на 50% от найденного, или выплату половину их стоимости». Закон запрещал проводить самовольные раскопки даже на частной земле [12, с. 181–183]. Закон

1912 года также регулировал и торговлю древностями. Он делил торговцев на два класса (владельцев магазинов и прилавков) и обязывал их всех становиться на учёт. Владельцы магазинов не могли торговать на улице, а вторые в помещении. Торговцы за прилавками могли торговать только древностями, чья стоимость не превышает 5 египетских фунтов. Разрешение торговать в магазине было необходимо получать у директора Службы древностей, тогда как разрешение на уличную торговлю нужно получать у местных сотрудников Службы. Все владельцы магазинов обязывались вести журнал и ежедневно записывать все проданные и приобретённые древности дороже пяти египетских фунтов. Если кто-то владел более чем одним магазином, то транспортировка древностей между ними также должна была регистрироваться в журнале. И статья 8 гласила: «Инспектор Службы древностей совместно с уголовным розыском или самостоятельно может в любое время потребовать журнал для проверки и провести инвентаризацию. Торговец обязан оказывать полное содействие». Итоги проверки заносились в журнал [Там же, с. 186–187]. В таком состоянии египетский рынок древностей существовал и после Первой мировой войны.

В 1919–1920 годах американские исследователи из Чикагского университета во главе с Джеймсом Брэстедом отправилась в экспедицию в Египет и на Ближний Восток. Торговцы древностями сами ходили за Брэстедом как только поняли, что он серьёзный покупатель. «Я добыл несколько замечательных вещей. Я отобрал несколько бронзовых предметов из многих сотен подобных, скопившихся в руках торговцев за годы войны», – он писал о приобретениях у крупного египетского торговца Мориса Намана (Maurice Nahman) [8, с. 46]. Его приобретения в Египте обошлись в \$5000, и перед тем как отправится в Месопотамию он получил от своего университета ещё \$25000. А совет Института искусств выслал ему ещё дополнительные \$10000. «Приобретения, которые Брэстед совершил во время экспедиции имели огромное значение для коллекции Восточного института (Oriental Institute) и Института искусств Чикаго (Art Institute of Chicago). Качество покупок не идёт ни в какое сравнение с покупками во время его первого посещения Египта в 1894 году», – писал Джеофф Эмберлинг [8, с. 102].

После окончания Первой мировой войны влияние Британской империи распространилось также и на новообразованные Палестину и Ирак, за которые она прежде конкурировала с Германией. Когда в 1893 году Анатолийская железная дорога дошла до Анкары и началось строительство линии к Персидскому заливу, известной как Багдадская железная дорога, которую немецкая печать называла дорога «Трёх Б»: Берлин–

Босфор–Багдад [2, с. 124]. А археологам вместе с этим открывались огромные территории для исследования. Чем дальше железные дороги тянулись от Анатолийского полуострова вглубь империи, тем стремительнее сокращалось присутствие государственной власти. Некому было проконтролировать исполнение существующих законов.

В 1895 году в Константинополе открылся Русский археологический институт. В отчёте за его первый год работы отмечалось: «С открытием института <...> постепенно открывались сношения с собирателями и продавцами древностей; этими сношениями нельзя было не дорожить, так как путём частных сведений получают справки и о важных в археологическом смысле местностях, и о предметах, обращающихся в частных руках. Таким путём институту удавалось узнавать о местонахождении весьма важных и редких предметов, которые или предлагаются к покупке или ждут благоприятных условий, чтобы быть проданными. В большинстве случаев подобные сведения сообщаются под секретом, и на самом деле оглашение их могло бы быть преждевременно» [3, с. 23–24]. Авторы отчёта заключают, что «на древности есть спрос, и что крестьяне даже на месте имеют скупщиков» [Там же, с. 28].

Лига Наций в начале 1920-х предоставила западным государствам мандат на управление странами, образованными на территориях бывших провинций Османской империи. Великобритания получала под контроль Палестину и Месопотамию, а Франция Сирию и Ливан. Новые власти, помимо своих основных функций, брали ответственность за охрану культурного наследия на этих территориях. Ещё в 1898 году директор Британского Музея послал в Имперский музей письмо, в котором выразил озабоченность резко возросшими предпочтениями, которые Османское правительство предоставляет Германии. Немецким исследователям были переданы права на раскопки в Нимруде, невзирая на то, что английские археологи их уже вели с 1882 года [13, с. 178–180]. Новый баланс сил позволил Великобритании занять место Германии, доминировавшей в Османской империи.

В 1918 году Великобритания издала «Прокламацию древностей» (Antiquities Proclamation), которая отмечала важность культурного наследия региона. В июле 1920 года был создан Департамент древностей (Department of Antiquities), уполномоченный контролировать все археологические раскопки в регионе [10, с. 25]. Задачей Департамента древностей была также защита археологических раскопок и контроль рынка археологических древностей. В продажу поступали все древности, которые не представляли интерес для государственных хранилищ. Департамент также

выдавал разрешения на торговлю, а Лига Наций требовала предоставить археологам из стран Лиги проводить раскопки [11, с. 88].

Незадолго до этого в Багдад прибыла экспедиция Джеймса Брэстеда, и прежде всего он встретился с высокопоставленными британскими офицерами: командующим британскими силами в Месопотамии генералом Айлмером Холдейном и генерал-майором Персивалем Хамбро, который контролировал все грузоперевозки в стране. Незадолго до Брэстеда с Хамбро согласовывал свои действия знаменитый археолог лорд Карнарвон. Брэстеда также принял американский консул, который и познакомил его с крупнейшими торговцами древностями в Багдаде, а британское военное командование заверило его, что приобретённые древности беспрепятственно покинут подконтрольную Великобританию территорию. На своём пути вглубь Месопотамии Брэстед встретил и других американских исследователей, одним из которых был сотрудник Йельского университета Альберт Клэй. А в ливанском городе Сайда Брэстед встретил американского миссионера Джорджа Форда, который предложил Брэстеду выкупить свою коллекцию финикийских скульптур и саркофагов за \$25000 [8, с. 79]. Экспедиция в главе с Джеймсом Брэстедом в 1920 году объехала весь британский Ближний Восток, постоянно скупая различные древности.

Процветала как легальная, так и нелегальная торговля. Уже в 1925 году во время своей следующей экспедиции Брэстед купил и незаконно вывез в США статую авторства древнеегипетского зодчего Сенмута. «Я убедил торговца, что статуя попадёт в музей Каира и все необходимые договоры были вскоре заключены, по которым её можно было вывезти из страны, без риска быть схваченным чиновниками из Департамента древностей. Они какое-то время колебались, прежде чем разрешить, но в итоге все необходимые бумаги были подписаны», – вспоминал Брэстед [9, с. 87].

В 1920-е годы именно египетское законодательство взяли за основу новообразованные Палестина и Ирак. По регламенту о древностях, принятому в Сирии 26 марта 1926 года, все предметы, найденные в земле, признаются собственностью государства, однако для отдельных находок предусматривается право преимущественной покупки. Тем самым делалось возможным приобретение их для иностранных музеев, представители которых осуществляли раскопки. Таким образом, постепенно шел процесс перехода от принципа свободного производства раскопок иностранцами и признания за ними права собственности на находки к системе ограничений и разрешений, а затем и к утверждению полного и

неотъемлемого права собственности государства на культурные ценности, находящиеся на его территории [1, с. 33].

В 1929 году Верховный комиссар по делам Палестины (High Commissioner for Palestine) выпустил «Указ о древностях» (Antiquities Ordinance), который регламентировал защиту всех древностей на территориях Израиля и Палестины. Он чётко определял торговлю древностями, как «осуществление покупки или продажи древностей в целях торговли», а торговцем считался всякий, кто вовлечён в эти действия. В 1930 году вышли расширенные правила торговли и экспорта древностей. Так статья 4 определяла правила выдачи лицензий на торговлю, её длительность и обязанности властей по надзору за торговлей. Также каждый торговец был обязан уведомить покупателя, что ему необходимо разрешение на экспорт древностей [11, с. 88].

Эти законы и указы лишь регулировали давно существовавший рынок, а масса торговцев, для которых это было семейным бизнесом, теперь должны были платить за лицензию, получать разрешения и хранить отчёты о продажах. Однако не смотря на все принятые меры по защите древностей от вывоза посторонними лицами, по всему Ближнему Востоку эффективно действовали контрабандисты. Ещё в 1905 году власти Османской империи рапортовали о возросшей активности контрабандистов [13, с. 178–180]. Их сети действовали в Иордании, Ливане, Палестине и Сирии, просуществовав до развала Османской империи и сохранившись в 1920-х годах.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Богуславский М.М. Международная охрана культурных ценностей. М.: Междунар. отношения, 1979. 192 с.
2. Крюкова А.А., Левчук А.П. Экономическое положение Османской империи накануне Первой мировой войны // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 1. С. 121–126.
3. Известия Русского Археологического Института в Константинополе Вып. I., Одесса: «Экономическая» типография, 1896. 270 с.
4. О приобретении в государственную собственность коллекции египетских и восточных древностей у С.С. Голенищева // РГИА. Ф. 1158. Оп. 1. Д. 112.
5. Солкин В.В. Памяти Владимира Семеновича Голенищева, 2013 [Электронный ресурс] – Режим доступа: <http://novostinauki.ru/news/118667/> (дата обращения 13.03.2021).

6. Струве В.В. Значение В.С. Голенищева для археологии // Очерки по истории Русского востоковедения, 1960. Сборник 3. С. 1–69.
7. Хазриев А.Х. Египет в политике великих держав в 50 – начале 80-х гг. XIX в. // Омский научный вестник. 2007. Номер 18 (94). С. 20–23.
8. Emberling G. *Pioneers to the past: American archaeologists in the Middle East, 1919–1920*, Chicago, IL: Oriental Institute of the University of Chicago, 2010. 160 p.
9. Fagan B.M. *The Rape of the Nile: Tomb Robbers, Tourists, and Archaeologists in Egypt*, Revised and Updated Publisher: Gardners Books, 2004, 320 p.
10. Kersel M. *The Trade in Palestinian Antiquities*. Chicago: The Jerusalem quarterly. № 33. 2008, 1–48 p.
11. Kersel M. *The changing legal landscape for Middle Eastern archaeology in the Colonial Era, 1800–1930*, Chicago: The Oriental Institute Museum Publications. № 5. 2010. 85–90 p.
12. Merryman J. H. *Imperialism, Art and Restitution*, Cambridge; New York. Cambridge University Press, 2006. 267 p.
13. Shaw W. *Possessors and Possessed. Museums, Archaeology, and the Visualization of History in the Late Ottoman Empire*, University of California Press, 2003. 283 p.

EXCAVATIONS AND TRADE OF ANTIQUITIES IN EGYPT AND MIDDLE EAST UNDER THE BRITISH OCCUPATION AND DURING MANDATE PERIOD

Abstract: The article gives a review of the antiquities market in Egypt and Mesopotamia under the British occupation before and after World War I. Analysis of the foreign studies, notes of Russian archeologists and archival data shows that trade of antiquities was extremely widespread and profitable. Archeologists from various states had an opportunity to fill up expositions of the museums they represented. British authorities enforced multiple laws prohibited illicit excavations and export of antiquities. On the other hand British authorities provided benefits to their own scientists.

Keywords: Egypt, Great Britain, Mesopotamia, trade of antiquities, archeology, foreign historiography

Козловский Дмитрий Вячеславович, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, st063838@student.spbu.ru

Kozlovsky Dmitry Vyacheslavovich, postgraduate student, Saint-Petersburg State University, Russia, st063838@student.spbu.ru

«ТЕЛЕСНОСТЬ» БРИТАНИИ В УНИОНИСТСКОМ ДИСКУРСЕ НАЧАЛА XVII ВЕКА

Аннотация: Статья посвящена исследованию «телесной» риторики в трактатах и королевских парламентских выступлениях в период дискуссии об Унии корон. В статье выявлены основные риторические топосы, прослежена частота их употребления и их распространённость.

Ключевые слова: Уния корон, унионистские трактаты, дебаты об Унии, Великая Британия

Восхождение на английский престол в 1603 году короля Шотландии Якова VI было чрезвычайно значимым событием для современников и, к сожалению, в течение долгого времени недооценённым исследователями [1]. Порождённая этим событием длительная дискуссия аккумулировала широчайшие круги англо-шотландской интеллектуальной элиты, но не ограничивалась ею [2]. Несмотря на все противоречия, порождаемые Унией Корон, практически все авторы, писавшие о ней, сходились в одном – это событие положит конец многовековой англо-шотландской борьбе. В этой связи, в унионистских произведениях повсеместно начинают выходить на первый план топосы, связанные с представлением о едином теле Британии – Англии и Шотландии и о единой его главе – короле Англии, Шотландии, Ирландии и Франции. Цель данной статьи – выявить, какие основные нарративные сюжеты использовались авторами, пишущими и рассуждающими об Унии Корон, в том числе и самим королём, который воспринимал свои парламентские речи как политические трактаты, и проследить динамику использования метафоры «британского тела» в унионистском дискурсе начала XVII века.

Переход от дуалистического принципа властвования, регальной унии, к унифицированному королевству представлялся королю Якову VI, ставшему после восшествия на английский престол, также Яковом I Английским, чрезвычайно важным, это идея, помимо религиозной полемики внутри множественной монархии и замысла созыва экуменистического собора для достижения религиозного мира в Европе [3], занимала короля на первом этапе его правления до 1608 года, но sporadически возникала и позднее. Стремление к построению единой монархии, как справедливо отметил Конрад Рассел, в первую очередь было продиктовано

уязвимым положением Якова и его потомков в качестве правителей Англии [10, р. 4–6]. Уния, основанная исключительно на персональном союзе монархий, не могла гарантировать королю уверенности в том, что его потомки также займут монаршие престолы одновременно в двух монархиях. Рассел отмечает стремление короля к акцентированию идеи наследования английской короны сообразно Божьему помыслу, в противовес решению парламента и шире – любому человеческому действию [10, р. 4]. Именно единое государство, в котором будет устранена внутренняя вражда, может обеспечить надежное управление и контроль со стороны короны. Монарх заостряет на этом внимание в акте о наследовании короны от 1603 года, начиная с того, что уния корон является естественным продолжением союза Йорков и Ланкастеров. Король красноречиво благодарит англичан, за то, что они признали его в качестве своего единственного законного правителя «единым переполенным (любовью) голосом языка и сердца» [11, р. 126–127]. Тем не менее, радость, выражаемая добрыми подданными короля, не может отразить грандиозность осуществляющихся преобразований. Уния, по мнению монарха, не может быть осмыслена человеком до конца, ибо не является творением человеческих рук, а Божьей благодатью, которая была возложена на Якова Стюарта. Монарх, действующий сообразно с Божьей благодатью, творит унию, которая выходит за пределы компетенции его подданных.

Идея общего англо-шотландского тела, именуемого «Великая Британия» зазвучала практически одновременно с отъездом Якова из Эдинбурга в Лондон. Поэт Сэмюел Дэниел посвятил королю хвалебные стихи, в которых описывал день его восшествия на престол как «величайший день», когда Англия «наиболее ярко проявила признаки своего могущества» [14, р. 323]. Далее поэт провозглашал: «Ныне ты являешь собой всю Великую Британию и ничего больше / Ни Скота, Ни Англичанина ныне нет, ни их спора / Нет границ, но (только) Океан и Берег / Никакая стена Адриана не служит разделению нашей взаимной любви, ни (против) нашего подчинения (единому королю)» [Ibidem]. Торжественный въезд Якова в Лондон в марте 1603 года был представлен как триумф единой англо-шотландской монархии. Для этого торжества были сооружены восемь арок, первая из которых служила наглядной репрезентацией общebritанского политического тела. Изображенная аллегорическая фигура Британии располагалась под коронами Англии и Шотландии, неся земную сферу с надписью «Orbis Britannicus, Divisus ab orbe» [3, р. 4], как символ особой роли Британии в мировой истории. Судя по всему, концепция этой торжественной арки была разработана Беном

Джонсоном, который следовал в ней за сформулированным Уильямом Кэмденом образом отделённого от остальной Европы и Римской империи острова, славящегося своим плодородием, ввиду мягкого и умеренного климата. Идея о благоприятном климате и природном богатстве Британии не была новой, являясь глубоко укоренившейся в английской и шотландской хронистике Высокого средневековья, однако для английского топографического сознания встраивание в этот идеализированный образ Шотландии были непростым актом, поскольку для многих английских интеллектуалов, в том числе и самого Кэмдена, Британия являлась Англией и ничем другим.

Первым символическим актом конструирования политического тела Британии стало упразднение особого статуса англо-шотландского пограничья и его трансформацию из зоны действия особого права марки [4], в подконтрольную королевской судебной системе территорию. Гринвичская прокламация от 19 мая 1603 года полностью посвящена этому вопросу, монарх указывает на необходимость осуществлять правосудие на этих территориях сообразно с существующей в Англии и Шотландии юстиции в связи с непрекращающимися англо-шотландскими конфликтами в пограничье, не видя иного способа для их устранения, как в ликвидации самого пограничья: «Поскольку Его Королевское Величество, в своём высочайшем стремлении к справедливости, всегда проявлял особую заботу и внимание к искоренению кровопролития, разбоя и прочих гнусных явлений, которые были столь часты на границах этих королевств, а также к покорению и умиротворению упомянутого выше пограничья до полного его послушания и для успокоения мирных подданных Его величества. Положение, осложненное прежде различием границ, английской и шотландской, существовало до того момента, пока Всемогущему Богу не стало угодно даровать великую благодать этому острову, дав право Его Величеству наследовать имперскую корону Англии, дабы он смог не только устранить существовавшие преграды, но и обладая достаточно властью и силой преследовать *(нарушителей мира на границе. – А.П.)* в судах Его величества <...> (Пограничье) не должно быть окончательными (королевства), но должно стать его серединою» [1]. Король использует традиционные репрезентативные формы – образ хранителя мира и проводника божественной идеи объединения королевства. Фактически закон марки перестал действовать уже к 1603 году, хотя окончательно был упразднён решениями шотландского и английского парламентов лишь в 1607 году [8, р. 126]. Первостепенное внимание короля к пограничью отнюдь не случайно. Учитывая распространённый в среде

английской элиты кемденовский образ британского тела, король акцентировал внимание своих подданных на противоестественности и абсурдности существования границ между монархиями, делящими единое тело. Конструируемый Яковом образ британских островов, в конечном итоге, всегда преследовал именно эту цель. Более того, король стремился донести этот топос не только своим английским подданным, во многом готовым к восприятию подобного рода образов, но и шотландцам. В письме короля тайному совету Шотландии от 12 января 1604 года, монарх пишет об объединении королевств в «единый общий дом, ранее разобщенный на этом великом континенте мира (*fra the great Continent of the world*)» [13, p. 596]. В этой метафоре мы видим развитие высказанного королём в *Basilikon Doron* топоса простирающихся на едином острове королевств. Но также король следует и за Беном Джонсоном и Уильямом Кэмденом, имплицитно указывая на особую роль Британии в христианской истории, которую теперь предстоит реализовывать именно ему.

Статус англо-шотландского пограничья волновал также и крупнейших интеллектуалов яковитской эпохи. В рамках данной статьи рассмотрение этой проблемы не представляется возможным, но тем не менее ряд моментов стоит обозначить. Так для Френсиса Бэкона именно пограничье являлось «одним из величайших символов разделения королевств» [2, p. 126], ровно, как и для Джона Доддериджа, считавшего, что для достижения мира и любви внутри множественной монархии Якова I и VI, пограничье должно быть немедленно ликвидировано, поскольку «злоумышленники и преступники избегают соответствующего наказания, которого они заслужили своими преступлениями и перебегают с одной области в другую, где они полагают, что меч правосудия не сможет их достать» [6, p. 144].

Представление о едином теле острова наглядно репрезентировалось картографическими материалами, создаваемыми при непосредственной поддержке монарха. В 1611 году, уже после окончания активной юнионистской дискуссии, английским картографом Джоном Спидом создаётся первый географический атлас Британии, озаглавленный им «Зрелище империи Великой Британии, представляющей точную географию королевства Англии, Шотландии и Ирландии, а также прилегающих островов». Это название, судя по всему, было позаимствовано Спидом у фламандского картографа Абрахама Артелиуса, озаглавившего свой знаменитый атлас *Theatrum Orbis Terrarum* [4, p. 135]. На общей карте Британских островов представлены панорамы Лондона и Эдинбурга, как

двух центров британской империи Якова I, а также женская фигура Британии, широко распространённого на раннем этапе правления монарха образа, репрезентирующего тело единой монархии [Ibid, p. 136]. В своей недавней статье, Кристофер Ивич выдвинул новую концепцию прочтения атласа Спида. Как полагает исследователь, панорамы двух столиц Якова служат имплицитным напоминанием о раздельном статусе королевств [Ibid, p. 137]. Таким образом, как полагает учёный, картография Спида, являясь по сути своей проюнионистским произведением, могла быть воспринята как напоминание о региональной идентичности. Такая точка зрения не представляется парадоксальной. Как представляется, она вполне вписывалась в логику поведения Якова I, который должен был прогнать парламентской «идеальной унии», предполагавшей унификации по валлийскому образцу. В этом смысле, изображение Лондона и Эдинбурга на одной карте должно было служить подтверждением равного статуса Англии и Шотландии в составе объединённой монархии.

Идею телесной унии Яков неоднократно будет повторять в своих речах перед парламентом. Во вступительной речи к парламентской сессии 1604 года, король использует ряд «телесных» метафор. Все эти метафоры подчёркивали исключительно королевское происхождение унии, заложенной в самой персоне монарха и в его теле. Яков подчёркивает, что «уния была сооружена в его крови» [5, p. 271] и эта метафора здесь неслучайна. Как было показано выше, в придворных масках король не раз уподоблялся солнцу. Кеннет Ольвиг подчёркивает закономерную связь, существовавшую в естественнонаучных представлениях интеллектуалов позднелудовиковской и раннестюартовской эпох, между солнцем и наполняющей организм жизненной энергией кровью, которая отчасти восходит к пифагорейским представлениям о небесном светиле, которое, подобно крови, приносит жизненную энергию и плодородие в Британию [9, p. 69]. В ранней яковитской «Маске черноты» Бен Джонсон особенно подчёркивает эту идею. Таким образом, Яков I, уподобляемый солнцу, насыщает всех своих подданных теми благами, которые приносит уния и которые он сам перечисляет далее в своей речи. В этом смысле, метафору крови дополняет часто используемая королём метафора фонтана, источника всяческих благоденствия.

Вторая метафора, соседствующая с первой, была призвана, в очередной раз, напомнить об отведённой королю роли в сотворении юнионистской монархии. Желая познакомить членов парламента с теми благами, которые несёт уния для двух королевств, Яков полагает себя наиболее осведомлённым в этом вопросе, так как именно он «является головой,

в которой объединено это великое тело» [5, р. 271]. Король умело сочетает метафорику с «логичной» аргументацией, которая должна была показать объективные выгоды от унии, такие как увеличение численности и усиление боеспособности армии, рост международного престижа королевства. В развитие этой аргументации, король возвращается к топосу единого острова, но использует его в несколько иных семантических коннотациях. Если ранее идея единого острова использовалась преимущественно как метафорический конструкт, то в парламентской речи 1604 года король использует эту идею для логичного обоснования унии корон: «Разве Господу не было угодно изначально объединить эти два королевства в (единстве) языка, и религии, и подобия манер? Действительно, разве он не создал всех нас на одном острове, окруженным единым морем, и настолько неделимым по своей природе, что практически все, кто сами являлись жителями пограничья на более поздних границах, не могут определить, узнать или разделить собственные границы? Эти две страны ни отделены, ни морем, ни великой рекою, горой или какой-либо другой силой природы, а лишь крошечными ручьями или развалившимися маленькими стенами, так что скорее они были разделены в (людском) понимании, лишь затем в действии» [Ibid, р. 271-272].

Вопрос о том, насколько отчётливо монарх представлял общую идентичность британского тела, представляется дискуссионным. Большинство из рассмотренных нами метафор и топосов репрезентируют Британию в географическом смысле, подчёркивая могущество и международную значимость композитарной монархии Стюартов. Эта черта юнионистского дискурса короля позволила Дженни Уормалд предположить, что сам Яков далеко не стремился к конструированию британской идентичности в полной мере. Идея «Великой Британии» и её единого тела должна была отразить личные амбиции короля [16, р. 160]. Эта точка зрения была косвенно поддержана Сарой Уоречен, которая предположила, что уния мыслилась королём исключительно в династической сфере, предопределившей наследование Яковом английской короны, и, таким образом, входило в сферу королевской прерогативы [15, р. 580].

Телесная метафорика находила свой определённый отзвук также и в трактах эрудитов. Как мы уже видели, вопрос единого тела был напрямую связан с вопросом о едином названии, которое это тело должно было получить – «Великая Британия». Сама дискуссия о смене названия представляет собой отдельную исследовательскую проблему, однако ряд важных черт необходимо выделить в рамках избранной нами темы. Одним

из первых, высказавшихся по поводу топонима объединённой монархии, стал сэр Роберт Коттон. Буквально через два дня после восшествия Якова на английский престол, он опубликовал трактат, в котором подчёркивал, что Уния Корон носила естественный характер и была обусловлена природными, телесными причинами: «оба королевства имеют единое происхождение по крови и единому языку (*курсив наш* – А.П.) <...> их религия полностью одинакова, их муниципальные законы похожи друг на друга» [10]. Тем не менее, за исключением приведённых нами выше примеров, телесная метафорика всё же является не столь частым явлением в трактах эрудитов, как в риторике короля. В целом, писавших об Унии шотландских и английских интеллектуалов в первую очередь интересовали практические вопросы, такие как историческое и правовое единство, а рассуждение о природе британское тело выступает в их дискурсе сугубо как иллюстрация возможности или невозможности унификации.

Такая точка зрения полностью подтверждается, когда мы обращаемся к проповедям об Унии, задача которых сводилась именно к мистической и метафизической репрезентации тела Британии. Наиболее репрезентативными представляются проповеди бывшего епископа шотландского Галлоуэя Джона Гордона. В проповеди «*EnŌtikon or a Sermon of the Union of Great Brittainaie, in antiquitie of language, name, religion, and Kingdome*» Гордон подчёркивает естественное стремление человека к союзу-унии, т.е. к браку: «И поскольку я до сих пор показывал вам, что начало всего общества на этой земле – это Уния и сочетание вместе мужчины и женщины, я (по милости Божьей) раскрываю вам два образа королевства, заключённых как внутри человека, так и исходящих вовне. <...> Посему гармония всех этих элементов заключена в самой структуре и строении человека, в соединении с которой человек может сохраниться, так как их разделение привело бы к гибели» [7, р. 8]. Метафорика тела занимает в проповеди Гордона весьма значительное место, при этом он не раз обращается к изложенным королём телесным дискурсам объединённой монархии: «В этом маленьком внешнем королевстве человека, голова – это король и верховный правитель всего тела, ибо посредством головы в тело попадает пропитание и еда, и, как в королевстве много членов, являющихся подданными, стоящими под одним королём, так и в этом внешнем человеческом королевстве заключены множество членов, таких как руки, ладони, ноги и ступни, которые являются офицерами и низшими правителями по отношению к голове, своему королю. Благодаря их управлению голова и распределяет в равной степени пропитание

и еду для всех своих членов. <...> Но давайте применим это учение конкретно к самим себе. Глава этого острова, его Королевское Величество, объединил в своей монаршей персоне руки, ладони и ноги этого тела, которое является этим королевством Великая Британия, то есть Юга и Севера в едином подчинении и услужении, чья мощь и питание исходят из этой головы, как из их фонтана. Итак, имея перед собой это соображение, рассудите и подумайте сами, какое это было бы жалкое и опасное состояние, при котором одна рука, ладонь или нога тянет к себе всю ту пищу, которая исходит из головы, не позволяя при этом своему собрату принимать в этом участие. Поэтому не позволяйте рукам Юга, я имею в виду офицеров и крупных правителей на Юге, присваивать только себе все блага и всю пищу, которая исходит из головы, я говорю о продвижении на (королевской) службе, должностях и достоинствах, как церковных, так и мирских, исключая из этого другую руку, руку Севера: и с другой стороны, пусть рука Севера, которая является другой рукой этого тела, не отойдет от принадлежащих ей должностей, которые в равной степени должны касаться их обеих.<...> Пусть обе руки в равной степени будут участниками тех благодеяний, которые исходят от главы» [Ibid, p. 8–9]. Таким образом, как мы видим, Гордон подчёркивает необходимость равного сосуществования частей тела единой монархии.

Итак, мы видим, что телесный дискурс играл в риторике короля Якова I и VI значительную роль, однако он также был призван подчеркнуть саму природу монархии и королевской власти. Подробное обращение к телесной метафорике мы видим также и в проповедях об Унии, задача которых, тем не менее, не была практической, а скорее суггестивной. В это же время, рассуждение о Британском теле редко занимает правоведов и антикваров, сосредоточенных в основном на практически историко-правовых коллизиях, сопровождавших унификацию композитарной монархии Якова I и VI.

[1] Прорывной в этом отношении стала работа Брюса Галлоуэя, выведшая исследования Унии корон на новый исследовательский уровень. См.: Galloway B. *The Union of England and Scotland, 1603–1608*. Edinburgh, 1986.

[2] Проблеме обыденного восприятия шотландцев в Англии была посвящена недавняя диссертация Сары Уоречен. См.: *Talking Scot: English Perceptions of the Scots During the Regal Union*. Unpublished PhD. Queen's University. Kingston, 2011. P. 31-83.

[3] Об этом см.: Patterson W.B. *King James VI and I and the Reunion of Christendom*. Cambridge, 2000.

[4] Первая кодификация права марки датируется 1249 годом. Она предусматривала, что преступник, совершивший правонарушение на приграничной территории должен быть осужден судом той марки, которая отражала его национальную принадлежность. К середине XVI в. эта практика меняется. Согласно договору от 1563 г., преступник должен быть осуждён как подданный того королевства, в котором он совершил преступление и должен быть выдан властям этого королевства в случае бегства, однако такая практика соблюдалась отнюдь не всегда. См.: *Neville C. J. Violence, Custom and Law. The Anglo-Scottish Border Lands in the Later Middle Ages* Edinburgh, Edinburgh University Press, 1998.; *Bruce M. P., Terrel K. H. (ed.) The Anglo-Scottish border and the shaping of identity, 1300–1600*. New York, NY Palgrave Macmillan, 2012.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. A Proclamation for the uniting of England and Scotland. [Greenwich 19 May 1603] // *Stuart Royal Proclamations: Vol I, Royal Proclamations of King James I, 1603–1625*. Larkin, James F., and Paul L. Hughes, eds.: New York and London: Oxford University Press.

2. Bacon, F. Certain Articles or Considerations touching the Union of the Kingdoms of England and Scotland // *Bacon F. R. Letters and Life of Francis Bacon including all his occasional works /Collected by J. Spedding*. London, 1868. Vol. III.

3. Graham P. *The golden age restor'd: the culture of the Stuart court 1603-42*. New York and Manchester. 1981.

4. Ivic C. Mapping British identities: John Speed's "Theatre of the empire of Great Britaine". // *Baker, D; Maley, W. (eds). British identities and English Renaissance literature*. Cambridge: Cambridge University Press. 2002.

5. James VI and I, Speech to Parliament, 19 March 1603. / *The Political Works of James I / Ed. by C.F. I. Macillwain*. Cambridge (Mass.), 1918.

6. John Dodderidge. A breif consideracion of the Unyon of twee kingedomes // *The Jacobean Union. Six tracts of 1604 / ed. by B. R. Galloway, B. P. Levack*. Edinburgh: Scottish History Society. Vol. 21. 1985.

7. John Gordon. EnŌtikon or a Sermon of the Union of Great Brittainaie, in antiquitie of language, name, religion, and Kingdome. London: Georgii Bishop. 1604.

8. Kesselring K.J. Marks of Division: Cross-Border Remand after 1603 and the Case of Lord Sanquhar // *Butler S., Kesselring K.J.* (ed.) *Crossing Borders: Boundaries and Margins in Medieval and Early Modern Britain. Essays in Honour of Cynthia J. Neville* Leiden : Brill. 2018.

9. Olwig K.R. *Landscape, Nature, and the Body Politic: From Britain's Renaissance to America's New World.* Foreword by Yi-Fu Tuan. Madison: Uni-versity of Wisconsin Press. 2002.

10. TNA/SP 14/1/4. Robert Cotton. *A Discourse of the descent of the King's majesty from the Saxon.*

11. Russell C. 1603: The End of English National Sovereignty // *The Accession of James I: Historical and Cultural Consequences*, ed. Burgess G., Wymer R., and Lawrence J. New York. 2006.

12. *Succession to the Crown Act 1603 // Halsbury's Statutes of England*, second edition, London: Butterworth. 1948. Vol. 4.

13. *The Register of the Privy Council of Scotland*, Vol. VI, A.D. 1599–1604. David Masson (ed). Edinburgh: H. M. General Register House, 1884.

14. *The Poetical Works of Mr. Samuel Daniel, Author of the English History; to which is prefixed, Memoirs of his Life and Writings.* London. 1718. P?

15. Waurechen S. *Imagined Polities, Failed Dreams, and the Beginnings of an Unacknowledged Britain: English Responses to James VI and I's Vision of Perfect Union.* // *Journal of British Studies*. Vol. 52. Issue. 3. 2013.

16. Woormald J. *James VI, James I and the identity of Britain.* // *Brendan Bradshaw; John Morrill* (eds.). *The British Problem, c. 1534–1707. State Formation in the Atlantic Archipelago.* Macmillan Education.

The "Physicality" of Britain in the Union Discourse at the Early 17th Century

Annotate: This article is devoted to research of the "corporeal" rhetoric in treatises and King James's parliament speeches in the period of the Union of the Crowns debate. The author addresses the main rhetorical topoi, considers the frequency of its using and spread of these.

Keywords: The Union of the Crowns, Union Treatises, The Union Debates, Great Britain.

Пионтковский Андрей Валерьевич, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, Kalter160993@yandex.ru

Piontkovskiy Andrey Valerievich, postgraduate student, Saint-Petersburg State University, Russia, Kalter160993@yandex.ru

**ПОЛИТИКО-ИДЕОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ
ИСТОКОВ ИМПЕРСКОГО НАЦИОНАЛИЗМА
ВЕЛИКОБРИТАНИИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX в.**

Аннотация: Статья посвящена исследованию истоков идеологии британского имперского национализма с точки зрения политической теории и практики развития Великобритании во второй половине XIX века. В статье анализируется соотношение понятий имперского национализма и колониализма, их взаимосвязь и практическая реализация.

Ключевые слова: Великобритания, империализм, колониализм, идеология, нация

Идея имперского национализма Великобритании тесно связана с идеей и практикой колониализма, которая, в свою очередь, представляет собой систему территориальных захватов более развитыми в экономико-политическом, техническом, военном отношениях государствами стран с неразвитой государственностью или вовсе без таковой, а также основанная на этих захватах система политического господства и экономической эксплуатации. Империализм же, как правило, подразумевает не только процессы территориального передела и экономического преобразования мира, но и включает в себя идеологический аспект экспансионистской политики и проявляется в распространении имперской ментальности в метрополии, что подразумевает пренебрежительное отношение колонизированным странам и народам.

Идеология Великобритании со второй половины XIX века была направлена на конструирование империализма на основе принципов национальной идентичности и исключительности англичан.

Период «имперской паники» 1869–1871 гг. положил начало новому развитию имперской идеи в Великобритании во второй половине XIX века. Дело в том, что из-за действий министра колоний либерального правительства лорда Гренвилла возник вопрос о направлении развития колониальной политики Великобритании. Претендентом для возникновения этого вопроса стал форсированный вывод английских войск лордом Гренвиллом из Новой Зеландии в разгар восстания местного племени

маори. Обеспокоены этими действиями министра колоний были и члены парламента, и английская общественность [5, с. 120].

В ходе парламентских дискуссий палата лордов потребовала у правительства отказа от политики «расчленения империи», а представители колоний в свою очередь настаивали на проведении лондонской конференции, целью которой виделось обсуждение имперских отношений. Реализация цели распространения имперской идеи поддерживалась и Королевским колониальным обществом, члены которого «обязались способствовать консолидации различных обществ и интересов, в настоящее время беспорядочных и хаотических, которые и составляют Британскую империю» [2, с. 45]. В целом же, несмотря на то, что «имперская паника» носила краткосрочный характер, она, тем не менее, продемонстрировала глубокий уровень «имперского инстинкта» англичан.

В 1860-е гг. британская идея имперской федерации как политического объединения самоуправляющихся государств Британской империи вновь стала актуальна и получила новое звучание. А фундаментальном труде политика Ч. Дилка «Великая Британия» имперская идея получила развитие, в результате чего автором было сформулировано опорное сюжетное понятие «белой империи», то есть совокупности динамично развивающихся обществ, родственных Англии по языку и крови [3, с. 362].

Следующим толчком для распространения имперской идеи стало создание профессором истории Дж. Сили курса лекций. Основная авторская идея Дж. Сили состояла в отождествлении Англии и переселенческих колоний, придавая Британской империи статус «расширенной английской национальности» [4, с. 22]. Профессор полагал, что, поскольку культурные и языковые особенности, нравы и традиции в разных странах «белой империи» были весьма различны, то данные факты свидетельствовали об уже существовавшей Британской имперской федерации.

Проекты имперского объединения Великобритании популяризировались в последней трети XIX века. Членами Лиги имперской федерации, основанной в 1884 г. представителями либеральной и консервативной партий страны, лорд Розбери, Э. Грей, Г. Асквит, разработали собственный проект имперского объединения. Стоит отметить, что эти проекты символизировали новый подход к империи как к единому целому, как к «организму, который имеет возможности для развития и экспансии» [2, с. 196].

Одним из возможных препятствий на пути реализации имперской идеи мог стать обострившийся в начале 1880-х гг. ирландский вопрос. Не прекращавшиеся волнения в Ирландии, бурные дискуссии в парламенте,

выступления представителей обеих политических партий по ирландскому вопросу привлекли внимание к проблеме развития внутримперских отношений в целом. Представители консервативной партии и группы либерал-империалистов выступали за сохранение унии Англии и Ирландии. В требованиях ирландских националистов они видели угрозу целостности Британской империи. Потеря Ирландии, по мнению Дж. Чемберлена, продемонстрировала бы слабость метрополии, нерешительность ее руководителей, дала пример национальным движениям в других зависимых странах. Согласно высказыванию лорда Солсбери, британские руководители должны были продемонстрировать присутствие «имперского инстинкта», забыв о котором, можно было утратить не только Ирландию, «но и более крупные и намного более дорогие драгоценные камни в короне этой страны» [2, с. 199].

Базовой проблемой при проведении интеграционных процессов было определение и создание единого органа для представителей всех членов федерации, полномочия которого постепенно бы расширялись. Выдвигались проекты постоянного представительства правительств самоуправляющихся колоний в составе Королевского тайного совета или британского кабинета, преобразования Британского парламента путем включения колониальных депутатов в одну из его палат, создания Информационного совета из специально уполномоченных представителей колоний, который имел бы консультативные функции. Значительную роль имело традиционное нежелание англичан допускать колониальных представителей к решению каких-либо проблем метрополии [5, с. 201].

Весомое значение в реализации имперской идеи Великобритании имела состоявшаяся в 1886 г. лондонская колониальная выставка и конференция сторонников Лиги имперской федерации, однако, на тот момент времени, британские власти все же не были готовы к решению вопроса об образовании имперской федерации. Позднее, лорд Розбери на собрании членов Лиги имперской федерации заявил, что данная колониальная конференция тождественная реализации идеи имперской федерации.

Последняя в XIX в. попытка реализации проекта имперской федерации была предпринята министром колоний Дж. Чемберленом, ставшим своего рода харизматичным лидером приверженцев идеи имперской интеграции. Согласно его взглядам, интеграцию «белой империи» должны были в неразрывном единстве обеспечивать политический союз, система имперских преференций и военное сотрудничество [1, с. 1030]. Центральной темой большинства выступлений Чемберлена стала идея единства англо-саксонской расы, этого «гордого, стойкого, самодостаточного

и решительного рода», которому «предназначено судьбой стать преобладающей силой будущей истории и мировой цивилизации» [2, с. 205].

Итак, имперская идея второй половины XIX в. существенно обосновывала необходимость применения авторитарных методов правления Британской Индией и коронными колониями. Подавляющее преимущество англо-саксонской расы, «отсталость» народов Азии и Африки, по мнению британцев, обусловили их право на господство и безраздельный контроль над зависимыми территориями. В то же время осознаваемые сложности политического реформирования, с которыми англичане сталкивались в Британской Индии, заставляли постоянно подчеркивать предпочтение, отдававшееся косвенному контролю Великобритании над туземными странами, системе протекторатов.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Амоглонова Д.Д., Симонов А.В. Имперская идеология и британский национализм в XIX и XX вв. // Journal of Siberian Federal University. Humanities & Social Sciences. 2012. № 5. С. 1028–1035.

2. Глеб М.В. Имперская идея в Великобритании (вторая половина XIX в.). Минск: Белорусская наука, 2007. 190 с.

3. Симонов А.В. Имперская идеология в Британских средствах массовой информации в конце XIX – начале XX века // Диалог со временем. 2015. № 52. С. 360–368.

4. Богомолов С.А. Имперская идеология как система коммуникаций // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. 2010. № 1 (13). С. 19–26.

5. Богомолов С.А. Государственное управление в империях: Великобритания и Россия в XVI–XIX веках. Ульяновск: УлГУ, 2007. 335 с.

A.S. Sviridova

Political and ideological aspect of the origins of imperial nationalism in Great Britain in the second half of the 19th century

Abstract: *The article is devoted to the study of the origins of the ideology of British imperial nationalism from the point of view of political theory and practice of the development of Great Britain in the second half of the 19th century. The article analyzes the relationship between the concepts of imperial nationalism and colonialism, their relationship and practical implementation.*

Keywords: *Great Britain, imperialism, colonialism, ideology, nation.*

Свиридова Алина Сергеевна, аспирант Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, Россия, alinasv.17@yandex.ru

Старостенко В. В.

(Республика Беларусь. Могилёвский государственный университет имени А.А., Кулешова)

ХАРАКТЕР И СПЕЦИФИКА РЕЛИГИОЗНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ НАСЕЛЕНИЯ РЕГИОНОВ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСИ (на примере Могилевской области)

Аннотация: В статье рассматриваются характерные черты и особенности, тенденции современной религиозной и конфессиональной самоидентификации населения Могилевской области в контексте вероисповедных ориентаций населения республики в целом и ее регионов. Показаны преимущественная декларативность и религиозно-мировоззренческий эклектизм современных «верующих», доминирование культурной, традиционно-обыденной «религиозности».

Ключевые слова: религия, религиозность, религиозная самоидентификация, конфессиональная самоидентификация, мировоззренческий эклектизм, формальная религиозность.

Одна из наиболее важных характеристик религиозных процессов – состояние религиозности населения. Материалы социологических опросов в Беларуси постсоветского периода указывают на десекуляризацию социума, формальное снижение числа неверующих и рост манифестации своей религиозности. По данным Института социологии НАН Беларуси и БГУ, если в первой половине 1990-х гг. о своей религиозности заявляло 33% опрошиваемых, то в конце 1990-х – начале 2000-х гг. – около 50% [1, с. 7, 23; 2, с. 48]. Материалы исследования 2006 г. указывают на 58,9% носителей религиозной (вера в Бога) самоидентификации [2, с. 48]. Выявляются и конфессиональные ориентации населения: по обобщенным данным, около 80% «верующих» относят себя к православию, около 10-15% – к римо-католицизму, от "менее 1%" до 2% – к протестантизму, от 0,1% до 0,3% – к иудаизму и к исламу, около 3% – к другим религиям [3, с. 75; 2, с. 50].

При этом социологические материалы фиксируют преимущественную декларативность религиозной веры. Так, регулярность посещения богослужений в конце 1990-х гг. была характерна лишь для 5% верующих, 55,3% делали это изредка. В религиозных обрядах и таинствах регулярно участвовали 5,5%, иногда – 37% [4, с. 42; 5, с. 92]. По результатам социологических исследований первого десятилетия 2000-х гг. Института социологии НАНБ, только 19,9% жителей Беларуси старались в определенной степени соблюдать все ритуалы своей религии. Церковь, костел, синагогу и т.д. регулярно (один раз в неделю) посещали только 6% населения страны [6, с. 134]. Материалы социологических мониторингов 2012-2017 гг. Информационно-аналитического центра при Администрации Президента Республики Беларусь показывают, что в «религиозной идентичности белорусов происходит постепенное снижение числа респондентов, называющих себя верующими». Мониторинг 2017 г. свидетельствует «о преобладании номинального религиозного сознания у большинства респондентов с пассивной культовой практикой»: среди опрошенных, отнесших себя к какой-либо конфессии, постоянно принимают участие в богослужении 5,5%, в отправлении всех обрядов и таинств 3% (для сравнения: в 2010 г. – 6% и 4,5% опрошенных соответственно) [7, с. 57-58]. При этом степень «церковной дисциплины» различна у приверженцев разных конфессий. Так, о постоянном посещении богослужений в 2006 г. заявляло лишь 18% декларируемых православных и 50,5% католиков [1, с. 52]. Отчетливо выявляется и мировоззренческий эклектизм современных белорусских «верующих»: среди «верующих в Бога» лишь 27,1% считают, что религия помогает обрести смысл жизни, при этом 27,9% верит в переселение душ, 57,3% – в ворожбу, порчу, сглаз [1, 33, 36]. Лишь 38% католиков и менее 25% православных (но более 90% протестантов) верят во второе пришествие Христа [8, с. 62-63] – один из основополагающих догматов христианства.

Эти и другие социологические данные под сомнение степень манифестируемой респондентами религиозной веры, свидетельствуют о преимущественно «культурной религиозности» современных «верующих». Эклектизм религиозного сознания большинства «социологических верующих» обусловили появление понятия «секулярный верующий» для обозначения лица, декларирующего себя верующим, но не живущего церковной жизнью. Схожая ситуация формирования «парадоксального верующего» наблюдается в молодежной среде [9, с. 126-128; 10].

Обратимся к религиозно-географическому аспекту социологии религии Беларуси. Социологические исследования 2000-х гг. показывают,

что наиболее высокий уровень формальной религиозной самоидентификации демонстрируют респонденты Гродненской (65,5%) и Брестской (64%) областей, а в восточной Беларуси – жители Витебской области (64%). Напротив, в Могилевской области 52,5% и в г. Минске лишь 50% респондентов заявляло, что «верят в Бога», в Гомельской – 61,6%. Наиболее высокий удельный вес «колеблющихся» в отношении религии социология отмечает в г. Минске (28,2%), Гродненской (25,9%) и Могилевской (25,7% респондентов) областях. Наибольшее число «неверующих» – в Витебской области (20,3%), г. Минске (16,2%) и Могилевской области (14% респондентов). Совокупную категорию «неверующих» и «колеблющихся» в своем отношении к религии образуют 44,4% респондентов г. Минска, 40,6% – Витебской области, 39,7% – Могилевской области; 33,6% – Минской области, 31,9% – Гомельской области, 31,6% – Гродненской области и 31,1% – Брестской области [11, с. 52] [Таблица 1].

Таблица 1 – Самоидентификация респондентов в отношении религиозной веры в областях Республики Беларусь, в %

Регион	Да, я верю в Бога	Да, я верю в сверхъестественные силы	Не могу ответить однозначно	Нет, я неверующий
Витебская область	64	4,9	20,3	20,3
Гомельская область	61,6	6,5	23,6	8,3
Могилевская область	52,5	7,8	25,7	14
Минск	50	5,6	28,2	16,2
Минская область	62,5	3,9	20,5	13,1
Брестская область	64	4,9	20,3	10,8
Гродненская область	65,5	2,9	25,9	5,7
Всего в Республике	58,9	4,9	23,9	12,3

С точки зрения конфессиональной самоидентификации в части «православной ориентации» в республике лидируют респонденты Гомельской (87,3%) и Могилевской (82,1%) областей, тогда как на Витебщине православие имеет только 66,2% конфессиональных предпочтений, меньше лишь на Гродненщине (56,9%). В части «католической ориентации» выделяются жители Витебской области (8,9%), традиционно уступая Минщине и Гродненщине. О том, что не принадлежат «ни к какой» конфессии, заявляло 22,9 % респондентов Витебской области, что является наиболее высоким показателем в Республике Беларусь в целом. Лишь Витебщине и г. Минску (18,8%) в этом отношении уступает Могилевщина (15,6%). Третья область восточной Беларуси – Гомельская, – имеет наиболее низкий в стране показатель конфессиональной индифферентности, наряду с Гродненской областью (8,3% и 6,9% соответственно) [11, с. 52] [таблица 2].

Таблица 2 – Конфессиональная самоидентификация респондентов в областях Республики Беларусь, в %

Регион	Православие	Католицизм	Протестантизм	Христианство в целом	К иным конфессиям	Ни к какой
Витебская область	66,2	8,9	0,5	1,0	0,5	22,9
Могилевская область	82,1	1,7	0	0	0,6	15,6
Гомельская область	87,3	1,3	0,9	1,8	0,4	8,3
Минская область	70,3	11,8	0,9	2,2	1,3	13,5
Брестская область	76,1	8,1	0,4	2,3	0	13,1
Гродненская область	56,9	29,9	0	2,3	4,0	6,9
Минск	69,2	6,8	1,1	2,6	1,5	18,8
Всего в Республике	72,9	9,3	0,5	1,8	1,2	14,3

Специализированные исследования по тематике социологии религии в 2000-х гг. наиболее активно проводились в Могилевской области. В 2012 г. проект по изучению вероисповедных ориентаций населения был реализован Могилевским институтом региональных социально-политических исследований (далее – опрос 2012 г.) [12; 13; 14], а в 2018 г.

Отделом социологических исследований и информационно-аналитической работы КИУП «Информационное агентство “Могилевские ведомости”» (далее – опрос 2018 г.) [15; 15, с. 38-40]. Опрос 2012 г. показал весьма высокий уровень формальной религиозной самоидентификации: абсолютное большинство респондентов (79,8 %) заявило, что считает себя верующими (20,5% «веруют и соблюдают религиозные обряды» и 59,3% «веруют, но обрядов не соблюдают»). 14,5 % «не веруют, но уважают чувства верующих», 4,9 % «безразлично относятся к религии», 0,6 % «считают, что с религией нужно бороться» и 0,3 % «затруднились с ответом».

Опрос 2018 г. демонстрирует снижение формальной религиозной самоидентификации: 73,4% заявило, что считает себя «верующими» (19% «веруют и соблюдают религиозные обряды» и 54,4% «веруют, но обрядов не соблюдают»); 17,9 % «не веруют, но уважают чувства верующих», 6,3 % «безразлично относятся к религии», 0,5% «считают, что с религией нужно бороться» и 2,0% «затруднились с ответом» [15, с. 17].

Одновременно с выявлением значительной группы «верующих» социологи выявляют свойственную современному социуму Могилевщины ярко выраженную декларативность религиозной веры. В 2012 г. из числа заявивших о своей «религиозности» (79,8 %) лишь 16,4 % сообщили, что «веруют и соблюдают религиозные обряды», тогда как 63,4 % респондентов – что «веруют, но обрядов не соблюдают». В 2018 г. 19,0 % показали, что «веруют и соблюдают религиозные обряды», тогда как 54,4 % респондентов – что «веруют, но религиозных обрядов не соблюдают» [15, с. 20].

При ответе на более детальный вопрос «Как часто Вы участвуете в совершении религиозных обрядов, богослужений, таинств (причастие, исповедь и др.)?» 39,2 % всех респондентов заявило, что «не участвуют», 37,3 % – «по праздникам», 20,5 % – «по зову души». Об ежедневном участии в богослужениях сообщили 0,5 % опрошенных, а «один раз в неделю» – 2,5 % респондентов. По опросу 2018 г. о своем ежедневном участии в богослужениях сообщили 1,4 % опрошенных, «раз в неделю» – 3,6 %, «от случая к случаю» – 46,2 % респондентов, а 11,7% не посещают религиозные учреждения вовсе. [15, с. 39]

Сравнительно более низкую степень церковной дисциплины демонстрируют «православные» верующие. 39,9 % из них в культовых практиках не участвуют вовсе, «по праздникам» и «по зову души» – 36,9 % и 20,7 %, «один раз в день» – 0,5 % и «один раз в неделю» – 2 %. По данным 2018 г., 11,5 % из них в храм не приходят вообще, «ежедневно» – 1,4 % и «раз в

неделю» – 2,6 %. [15, с. 39] Лишь в 18,9 % в 2012 г. и 7,4 % случаев в 2018 г. [15, с. 39] мотивом посещения православного богослужения являются «религиозные убеждения», чаще всего – «уважение к религиозным традициям». Показательно также отношение респондентов Могилевщины к такому виду культовой практики, как молитва. На вопрос, «Как часто Вы молитесь?» 45,9 % считающих себя православными ответили, что «от случая к случаю»; 11,2 % – «один раз в день»; 3,5 % – «один раз в неделю»; 6,2 % – «несколько раз в день»; 22 % – «не молюсь, не знаю молитв» и 11,2 % – «не молюсь, но молитвы знаю» (опрос 2012 г.).

Отчетливо выявляется и мировоззренческий эклектизм жителей Могилевщины: лишь 20,1% (12,7% в 2018 г.) считали, что религия помогает обрести смысл жизни, 6,9% (6,0% в 2018 г.) – что она помогает понять и объяснить мир. То, что люди сохраняют веру, поскольку религия дает ответы на вопросы о смысле жизни, считают лишь 9,6 % респондентов. То, что религия дарит надежду на воскрешение после смерти, считают лишь 4,4 % респондентов (4,6% в 2018 г.). При этом 28,8% (11,7% в 2018 г.) опрошенных верит в способности экстрасенсов, 26,7 % (18,1% в 2018 г.) – в астрологию и гороскопы, 21,2% – в гадания и предсказания, 20,4% (7,3% в 2018 г.) – в колдовство (ворожбу, порчу, сглаз). Лишь 24,8% (11,4% в 2018 г.) верят в существование ада и рая, 22,5 % – в бессмертие души – один из основополагающих догматов христианства. Респонденты, идентифицирующие себя с верующими людьми, демонстрируют главным образом поверхностное знание вероучительных текстов (Библия, Коран и т.д.) своей религии. О знакомстве с ними «в подробностях» («неоднократно читали их и думали над их смыслом») заявило 16,3 % «верующих» (12,8% в 2018 г.). О том, что «знакомы в общем (один раз читали, но над их смыслом не задумывались)» – 42 % (43,4% в 2018 г.), о знакомстве «понаслышке» – 31,6 % (32,3% в 2018 г.); о том, что «не знакомы вообще» – 10,1 % (9,8% в 2018 г.).

Определяясь с вопросом о наиболее значимых ценностях жизни (можно было выбрать не более трех), респонденты Могилевщины называли прежде всего семью и детей, крепкое здоровье, дружбу и преданность, материальный достаток, справедливость, честь и совесть, свобода и независимость (от 75,5 % до 16,5 % в 2012 г. и от 78,9 % до 18,2 % в 2018 г.), и лишь затем «религию, веру в Бога» (13,8 % в 2012 г. и 10,1% в 2018 г.), которые заняли 8 место из 11 в списке наиболее значимых ценностей в 2012 г. и 9 место из 13 в 2018 г. Меньший рейтинг в 2012 г. набрали только такие ценности, как «образование, знания» (9,6 %), «продвижение по карьере» (6,9 %) и «познание смысла жизни» (5,3 %), а в

2018 г. – «любовь к Родине» (10,1 %), «охрана природы» (6,3 %), «движение по карьере» (5,7 %) и «познание смысла жизни» (5,6 %). При этом значимость ценности «религия, вера в Бога» в 2012 г. для молодого поколения составила 9,2 %, для среднего – 11,8 %, а для старшего – 24,2 % (в 2018 г. – 5,6%, 10,5% и 15,1% соответственно). Но даже для старшего поколения вера в Бога заняла лишь 7 место в 2012 г. и 10 в 2018 г. в списке наиболее значимых ценностей, тогда как для молодого поколения – 10 (в обоих опросах).

В трудной жизненной ситуации способом ее преодоления не многие видят обращение к религиозной вере (14,5 % ответов), в три раза больше число респондентов (46,9 %) «решают все вопросы, полагаясь только на себя», или обращаются к близким родственникам (57,5 %), или к друзьям (32,2 %). Оценивая важность религии, лишь 21,2 % респондентов Могилевщины полагает, что она важна в их жизни, столько же – в жизни общества, а 17,1 % – что важна в жизни современного человека (данные 2012 г.). Это показывает прагматизм мировоззренческих установок людей в повседневной жизни, узкую социальную базу сегмента собственно верующих граждан.

Приведенные социологические материалы свидетельствуют также о преимущественно «культурной религиозности», а не религиозности в собственном смысле этого слова, так как последняя наряду с регулярным исполнением культовых практик предполагает обязательное знание и принятие определенного вероучения.

Обращают на себя внимание социально-демографические характеристики мировоззренческих типов, выделяемых на основе отношения жителей Могилевщины к религии, выявленного в 2012 г. По сравнению с другими выделяемыми возрастными группами наиболее высокую «религиозность» («веруют и соблюдают религиозные обряды») заявляют респонденты «50 и старше» (28,7%), а самую низкую (10,4%) – молодежная группа («до 30 лет»). Данный показатель в группе «30-49 лет» также невысок – 14,5 %. Удельный вес «неверующих» («не веруют, но уважают чувства верующих») больше всего среди респондентов старшего поколения (17,8 %), у среднего поколения – 14,5 %, у молодежи – 12,4%. В то же время среди респондентов до 30 лет больше всего (69,3%) тех, кто «верует, но религиозных обрядов не соблюдает». В гендерном отношении более высокую «религиозность» демонстрируют женщины (18,9 %), нежели мужчины (12,1 %). Среди мужчин значительно больше «неверующих» (22,1 %, тогда как среди женщин – лишь 9,8 %) и безразличных к

религии (7,5 % против 3,3 % у женщин). Выявляется также связь декларируемой религиозности с уровнем образования респондентов. Среди респондентов, относящих себя к православию (а это абсолютное большинство «верующих»), наиболее значительные группы имеют «среднее» (27,3 %), «среднее профессиональное» (27,3 %) и «среднее специальное» (25,8 %) образование, тогда как «высшее образование» – только 17,5 %. К этому можно добавить, что более высокий уровень религиозности («веруют и соблюдают религиозные обряды») характерен для жителей сельских населенных пунктов (23,7%), а для наиболее низкий (13,4 %) – для населения крупных городов [12].

Таким образом, более высокая «религиозность» характерна прежде всего для респондентов Могилевщины четырех категорий: 1) старшего возраста («50 и старше»), 2) женщин, 3) имеющих более низкий уровень образования и 4) проживающих в сельских населенных пунктах. Это соответствует как общетеоретической модели «верующего», так и, в своих наиболее значимых аспектах, результатам общереспубликанских исследований.

Обращают на себя внимание и выявляемые в ходе социологических исследований конфессиональные ориентации населения Могилевщины. В 2012 г. 88,7 % считавших себя «верующими» и отнесших себя к той или иной религии отождествляли себя с православием, 1,6 % – с римо-католицизмом, 2,2 % – с протестантизмом, 0,9% – со старообрядчеством, 0,2% – с исламом, и столько же – с буддизмом. В 2018 г. были получены весьма близкие результаты: к православию себя отнесли 86,7%, к католицизму – 1,6%, к протестантизму – 0,9%, к иудаизму – 0,5%, к ХВЕ – 0,1%, к исламу – 0,1% [15, с. 28-29]

Существенная и парадоксальная особенность социологической картины современной религиозности в Беларуси – более высокие показатели конфессиональной самоидентификации в сравнении с показателями общей религиозной самоидентификации респондентов.

Опрос 2012 г. показал 79,8 % «верующих» от общего массива респондентов, и одновременно 93,4 % опрошенных отнесли себя к той или иной религии, в том числе 88,7 % – к православию (в 2018 г. – 73,4%, 89,9% и 86,7% соответственно). Иначе говоря, фиксируется очевидный парадокс: декларирующих конфессиональную принадлежность, прежде всего к православию, оказывается больше, чем «верующих в Бога» и соблюдающих религиозные традиции. Это подчеркивает феномен не столько собственно религиозной, сколько традиционно-обыденной самоидентификации большинства респондентов.

Выявляемые преимущественная декларативность и религиозно-мировоззренческий эклектизм современных «верующих», доминирование культурной, традиционно-обыденной «религиозности» населения соседствуют с ярко выраженной поликонфессиональной структурой Беларуси, функционированием общин 25 религиозных направлений. В условиях активизации клерикальных тенденций особую актуальность приобретает осуществление научно обоснованной государственной политики в области свободы совести, подразумевающей реализацию закрепленного в национальном законодательстве права граждан как на свободу вероисповедания, так и на свободу атеизма. Особое значение имеет строгое соблюдение принципа светского характера образования, не преследующего цели формирования у обучаемых того или иного отношения к религии, в государственных образовательных учреждениях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Новикова Л.Г. Религиозность в Беларуси на рубеже веков : тенденции и особенности проявления: социологический аспект. Минск : БТН-информ, 2001. 132 с.
2. Пирожник И.И. Беларусь после «религиозного бума»: что изменилось? // Социология. 2006. № 4. С. 46-55.
3. Безнюк Д.К. Религиозная ситуация в Беларуси (опыт комплексного описания) // Социология. 2003. № 2. С. 72-78.
4. Верещагина А.В. О некоторых тенденциях современной конфессиональной ситуации в Беларуси // Социология. 1998. № 2. С. 41-45.
5. Землякоў Л.Е. Рэлігія ва ўмовах сацыяльных пераменаў на Беларусі // Народная асвета. 1999. № 8. С. 89-94.
6. Котляров И.В. Какая дорога ведет к храму: социологические аспекты // Религия и общество – 6: сб. науч. статей / Под общ. ред. В.В. Старостенко, О. В. Дьяченко. Могилев : МГУ им. А.А. Кулешова, 2011. С. 132-135.
7. Республика Беларусь в зеркале социологии: сборник материалов социологических исследований / Информационно-аналитический центр при Администрации Президента Республики Беларусь. Минск : 2018 180 с.
8. Безнюк Д.К. Государственно-конфессиональные отношения в Республике Беларусь (социологический анализ). Минск : РИВШ, 2006. 216 с.
9. Юдин В. В. Особенности религиозности молодежи восточных регионов Беларуси. Минск : Изд. центр БГУ, 2009. 150 с.

10. Старостенко В.В. Особенности самоопределения в отношении религии в современной молодежной среде (на примере студенчества Могилевщины) // *Веснік МДУ імя А.А. Куляшова. Серыя А. Гуманітарныя навукі (гісторыя, філасофія, філалогія)*. 2016. № 1 (47). С. 70-73.

11. Конфессии и культовые сооружения Беларуси: атлас / Белорус. гос. ун-т, геогр. фак.; под рук. И.И. Пирожника. Минск : БГУ, 2007. 56 с.

12. Отчет 2012 г. о научно-исследовательской работе «Религиозные воззрения как фактор духовности жителей Могилевской области» / Могилевский институт региональных социально-политических исследований; Н.Е. Лихачев [и др.] // Архив Отдела по делам религий и национальностей Могилевского областного исполнительного комитета.

13. Старостенко В.В. Современное состояние и особенности религиозности населения Могилевщины // *Гісторыя Магілёва: мінулае і сучаснасць: зборнік навуковых прац удзельнікаў VIII Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі, Магілёў, 26-27 чэрвеня 2013 г.* / уклад. А.М. Бацюкоў, І.А. Пушкін. Магілёў: УА “МДУХ”, 2013. С. 357-363.

14. Старостенко В.В. Вероисповедные ориентации населения Могилевской области // *Романовские чтения – 10, посвященные 80-летию со дня основания исторического факультета: сб. статей Международной науч. конференции* / под общ. ред. И.В. Шардыко. Могилев : МГУ имени А.А. Кулешова, 2015. С. 220-221.

15. Отчет «Религиозные воззрения как фактор духовности жителей Могилевской области: социологический анализ» / Отдел социологических исследований и информационно-аналитической работы КИУП «Информационное агентство “Могилевские ведомости”»; Н.В. Новикова [и др.]. Могилев, 2018. 50 с.

16. Старостенко В.В. О некоторых особенностях современной религиозности населения Могилевщины // *Итоги научных исследований ученых МГУ имени А. А. Кулешова 2018 г.: материалы научно-методической конференции, 25 января – 7 февраля 2019 г.* / под ред. Е. К. Сычовой. Могилев : МГУ имени А.А. Кулешова, 2019. С. 38-40.

The nature and specificity of religious self-determination of the population of the regions of the Republic of Belarus (on the example of the Mogilev region)

Annotation: The article examines the characteristic features and peculiarities, tendencies of modern religious and confessional self-identification of the population of the Mogilev region in the context of the religious orientations

of the population of the republic as a whole and its regions. The predominant declarativeness and religious-ideological eclecticism of modern “believers”, the dominance of cultural, traditional-everyday “religiosity” are shown.

Keywords: religion, religiosity, religious self-identification, confessional self-identification, ideological eclecticism, formal religiosity.

Старостенко В.В., кандидат философских наук, доцент, профессор кафедры философии МГУ имени А.А. Кулешова.

Starostenko V.V., PhD in Philosophy, Associate Professor, Professor of the Department of Philosophy, MSU named after A.A. Kuleshov

Лямцев М. Д.

(Россия, Брянский государственный университет)

ОСОБЕННОСТИ ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ ПРОВАНСА В ХОДЕ АЛЬБИГЕЙСКОГО КРЕСТОВОГО ПОХОДА (первая половина XIII в.)

Аннотация: В статье рассматривается Прованс, как регион с иным типом развития социально-политической жизни и его борьба с северофранцузскими землями, которые стремились подчинить себе южный регион и подавить его разнообразие.

Ключевые слова: Прованс, Юг, Север, Средневековье, Альбигойский крестовый поход, «Статуты Памье».

В современном обывательском сознании существует мнение о том, что в эпоху Средневековья вся западноевропейская цивилизация существовала по единому образцу социально-экономической жизни, а любые другие формы не могли существовать. В действительности всё это является выдумкой и очередным порождением мифа о «тёмных веках». Реальность была достаточно многогранной и разной. В качестве примера одного из элементов, который представлял собой иную форму существования, можно привести Прованс, в широком понимании этого термина, в который вкладывается весь южный регион современной Франции.

На складывание инаковости Юга повлияло множество факторов, но в рамках данной статьи мы не сможем осветить каждый из них. Во-первых, его географическое положение, а именно выход к Средиземному морю.

Данный аспект явился толчком к появлению посредничества между Южной Европой и Северо-Западной, а также с миром Востока [4, с. 45]. Так же это является доказательством того, что трансграничные регионы, такие как Прованс или Ганза, всегда развивались по иному пути, чем те регионы, через которые не проходили международные торговые пути.

Вторым фактором является активная романизация Прованса во времена Римской Империи, ведь не случайно этот регион называли «Галлия в тоге», противопоставляя его культурное развитие северным областям Франции. К XIII в. [3, с. 24] Юг, в культурном плане, был более развит, чем северная часть Франции. Именно в Провансе зарождается средневековая куртуазность и понятие рыцарского идеала.

Для того, чтобы ещё лучше понять Юг, необходимо подробнее взглянуть на социально-политическое состояние городов. Главными принципами существования горожан были свобода и внутренняя самостоятельность. Данный аспект также уходит корнями во времена Римской Империи, ибо он не был подорван нашествиями венгров или викингов на заре раннего средневековья.

Следуя принципам свободолюбия, города Юга к 30-м годам XII в. смогли добиться самоуправления [5, с. 22]. Особенности полученных свобод лучше всего рассмотреть на примере Тулузы, как одного из самых богатых городов Прованса. В 1189 г. между тулузцами и их сеньором был заключён взаимный договор, главным посылом которого является взаимоотношения между сильными мира сего и горожанами. Одна сторона не могла предпринимать решения, которые бы противоречили интересам другой стороны. Графы Тулузы практически не вмешивались в дела города, предоставляя решения конкретным вопросам местному самоуправлению, для решения которого не требовалось разрешение сеньора [5, с. 23].

Подробно рассмотрим организацию управления городов в Провансе. Здесь мы воспользуемся структурой на примере Авиньона, Ниццы, Марселя и Арля, которая была характерна для всего Юга. Высшее руководство осуществлялось консулами, главной задачей которого являлась защита доходов, вольностей и владений города. Помимо всего прочего в его обязанности входили: забота о горожанах, преследование врагов (мятежники, бандиты), разрешение конфликтов между гражданами в суде. [2, с. 42].

Важной структурой при консулах являлись советы, которые зачастую носили названия «консилиум». В его сферу входило выполнение распорядительных и учредительных функций. Число людей, которые входили в советы, варьировалось от 100 до 200. Среди такого огромного

количества человек обязательно должны были быть те, кто знаком с правом, то есть юристы. Главным результатом успешной деятельности консулов и консилиума являлось благосостояние города. [2, с. 44].

Заключительной структурой самоуправления была исполнительная власть, среди которой мы можем выделить судей казначеев, нотариев, глашатаев и гонцов. Из названия можно понять, что они поддерживали функционирование различных социально-правовых служб города.

Как мы уже отмечали выше, Юг был особенным из-за развития в нём особой культуры отличной от других регионов. Особое влияние на это оказала сохранность памятников античности, которые не были разрушены. Тулуза стала «губкой», впитывающей в себя всё лучшее от других культур, представители которых стекались в этот город [3, с. 42]. Прованс всегда отличался отсутствием аниматизма в отличие от других регионов Европы. Их представители могли занимать места в городском самоуправлении. Трансграниче, о котором мы указывали выше, городское самоуправление, культурная составляющая – всё это явилось главной подпиткой к тому, что именно на французском юге начинает развиваться учения катаров и появляются другие еретические движения, к примеру вальденсы.

В Провансе существовала традиция, вызывавшая наибольшее неприятие Римской католической церкви. Речь идёт о том, что местных епископов здесь не назначал сам лично папа, а его выбирали местные жители [4, с. 59]. Самим епископам такой обычай был по душе, они были заинтересованы в должности, общались с горожанами на прямую и зачастую не исполняли поручений, которые доходили до них из Рима. Но в последствии на Юге произойдёт обмирщение служителей церкви, и они окончательно отойдут своей духовной миссии [1, с. 10]. Данный аспект послужил быстрому распространению альбигойского вероучения, что ещё сильнее настроило Рим против юга Франции.

С 1198 г. на престоле святого Петра воцарился понтифик Иннокентий III, политика Рима в отношении всей общественно-политической жизни католической Европы была скорректирована. Особое место в новых направлениях была отведена Югу, где распространение еретического вероучения дошло до того, что ему стали симпатизировать местные феодалы, а консулаты городов уже имели в своих рядах альбигойцев.

Для урегулирования ситуации в Прованс были отправлены легаты, но те не смогли справиться со сложившейся ситуацией, а 15 января 1209 года был убит Пётр де Кательно, один из папских агентов. Это послужило

поводом к началу Альбигойского крестового похода. Его главной особенностью является трансформация из религиозного движения против еретиков, в захватническую войну, Север стремился подчинить Юг.

В ходе крестового похода выделяется фигура талантливого полководца и нового сеньора захваченных земель Симона де Монфора. Одной из причин, по которой война против еретического вероучения превратилась в феодальную является то, что у де Монфора была мысль о создании собственного государства на Юге, где он был бы единоличным правителем. Новоиспечённый граф знал о тех исторических прецедентах, которые были похожи на ситуацию в Провансе. Речь здесь идёт конкретно о завоевании Вильгельмом Бастардом Англии, создания христианских королевств на Ближнем Востоке по итогам Первого крестового похода.

Так называемые «Статуты Памье» или «Памьемские постановления», стали первой попыткой реформации повседневной жизни Юга осень 1212 года. [6, с. 57]. Идеалом преобразования становились северные земли Франции, статуты провозглашали борьбу против местной знати и говорили о передаче их земель французским баронам. [3, с. 142]. Обширное количество пунктов было посвящено церкви, самой надёжной союзнице Симона де Монфора. В вопросах наследства особое внимание стоит обратить на статью 40, где говорится, что теперь на юге будет действовать принцип майората, характерный для земель «около Парижа». Эта мера была направлена на то, чтобы избежать дробления и передать владение землёй исключительно в руки северофранцузской знати.

Симон де Монфор гарантировал себе целый ряд привилегий, которые делали из него единственного правителя всех захваченных областей Юга. Все новоиспечённые ленники становились военнообязанными де Монфору (ст. 17), так же они могли быть лишены своих земель по личному усмотрению графа за позднее возвращение из семимесячной отсрочки от службы (ст. 18). Вводился запрет на возведение новых военных укреплений и восстановление разрушенных; для этого необходимо было получить разрешение Симона де Монфора [4, с. 322].

Устанавливался запрет на создание различных объединений и организаций из-за боязни того, что они могут быть направлены против графа или какого-либо иного лица (ст. 33) [4, с. 325]. За нарушение данной статьи вводился штраф, либо личное решение графа в отношении жизни и имущества.

«Статуты Памье» явились отправной точкой в юридическом оформлении завоёванных территорий, но до полного подчинения южных земель ещё было далеко. Церковь поддержала данный документ в 1215 г. на IV

Латеранском соборе, где официально подтвердила все завоевания Симона де Мофнора и его притязание. Сам граф принёс оммаж за полученные земли французскому королю Филиппу II Августу [6, с. 59].

После того как в 1218 году выстрелом из требушета был убит де Монфор, ему наследовал его сын Амори, который оказался слабым правителем. Этим воспользовались жители Прованса и организовали восстание против завоевателей. На первых порах их действия увенчались успехом, но после того, как в борьбу вступила королевская власть Капетингов, Юг проиграл и окончательно стал французским. Этот результат был окончательно оформлен в 1229 году договором в Мо. Юг на подписании этого документа представлял Раймонд VII, граф Тулузы и сын Раймонда VI, главного противника Симона де Монфора.

Самым важным пунктом договора являлось соглашение на помолвку единственной дочери Раймонда с братом короля Людовика IX. После смерти Тулузского графа все его земли, часть из которых была оставлена за ним, передавались в руки дочери и её супруга, а после них их детям. Тем самым вопрос о вхождении самого яркого региона Прованса в часть королевского домена оставался вопросом времени.

Таким образом к середине XIII века, в ходе Альбигойских войн, королевская власть Капетингов, которая вначале не была заинтересована на прямую в подчинении Юга, смогла присоединить к себе Прованс и установить там централизованную власть, заменить нормы римского права на северофранцузские и насадить свой аппарат управления. Именно после договора в Мо можно говорить о предпосылках создания на карте Европы такого государства как Франция. Существовавшее разнообразие Юга, которое в итоге было подавлено завоеванием, смогло оставить свой след в истории, пустив корни. Благодаря ему идея куртуазности и рыцарства смогла распространиться по остальным регионам Франции.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Герье В. Расцвет западной теократии. М., 1916.
2. Город в средневековой цивилизации Западной Европы. Человек внутри городских стен. Формы общественных связей. М.: Наука, 2000. Т. 3. 378 с.
3. Мадоль Ж. Альбигойская драма и судьбы Франции. СПб.: Евразия 2000. 320 с.
4. Осокин Н.А. История альбигойцев и их времени. М.: АСТ, 2000. 896 с.

5. Стародубцева Н.Ю. Становление консульских республик Лангедока в конце XII – начале XIII вв. (на примере Тулузы) // Перспективы науки. 2016. № 5(80). С. 22-24.

6. Стародубцева Н.Ю. К вопросу о начале процесса унификации севера и юга Франции // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. 2012. Ч. 67. №. 3. С. 56-60.

Features of everyday life in Provence in the first half of the 13th century during the Albigensian Crusade

Resume: The article examines Provence as a region with another type of development of socio-political life and its struggle with the northern French lands, which aimed to subjugate the southern region and suppress its diversity.

Key words: Provence, South, North, Middle Ages, Albigensian Crusade, Statutes of Pamier

Лямцев М.Д. Россия, г. Брянск, Брянский государственный университет имени академика И.Г. Петровского. E-mail: lyamtsev2017@yandex.ru

Lyamtsev M.D. Russia, Bryansk, I. G. Petrovsky Bryansk State University E-mail: lyamtsev2017@yandex.ru

Фельдман П. В.

(Россия, Брянский государственный университет)

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОКУЛЬТУРНОГО ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ЭТНОКОНФЕССИОНАЛЬНЫХ ГРУПП В ХОДЕ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ КАМПАНИИ 1884 г. В США

Аннотация: В статье анализируется тактика республиканской партии США в ходе президентской кампании 1884 г. в отношении этноконфессиональных меньшинств на Северо-Востоке.

Ключевые слова: США, президентские выборы, этноконфессиональные группы, Джеймс Блейн, Гровер Кливленд

Президентская кампания 1884 г. считается одной из самых скандальных и грязных в американской истории. На тот момент 24 года подряд неизменно побеждали на выборах кандидаты от республиканцев. Последним главой государства от Демократической партии был Джеймс Бьюкенен (1857–

1861). После окончания срока пребывания его администрации у власти началась кровопролитная Гражданская война (1861–1865 гг.) между Севером и Югом. Благодаря ее итогам Великая Старая партия могла раз за разом удерживать Овальный кабинет за своими ставленниками.

Когда демократы пытались хоть как-то изменить расклад, республиканцы тут же вспоминали о «кровавой рубашке» – политике, где населению напоминали, что именно по вине Демократической партии началась Гражданская война, в которой погибло около шестисот тысяч американцев. Кроме того, чернокожее население Юга запугивали «возвращением рабства», а Север – угрозой новой войны. Однако за 20 лет прошедших с окончания кровопролития, расклад сил стал меняться.

Республиканские президенты погрязли в коррупционных скандалах и «системе добычи» (после каждых выборов главы государства новый президент назначал на государственные должности тех людей, что-либо помогали ему в ходе кампании либо тех, кого продвигали по протекции). Основная власть оказалась в руках местных партийных организаций и их лидеров – «боссов». Великая Старая партия в своей внутренней политике старалась потакать интересам промышленного Северо-Востока США, при этом игнорируя потребности «Нового Юга» – промышленников из Южных штатов, а также фермерства и рабочего класса этого региона.

Кампания стартовала летом 1884 г. Обе партии должны были сначала избрать кандидатов в президенты на своих партийных съездах. Первыми это сделали Республиканцы в июне 1884 г. Они избрали Джеймса Блейна – в прошлом Государственного секретаря, а ныне сенатора от штата Мэн. От демократов был выдвинут Гровер Кливленд – губернатор штата Нью-Йорк.

Средний и Дальний Запад были полностью за республиканцев, Юг за демократов. Потому, основным местом сражения был Северо-Восток Америки, где позиции противников были примерно равны, и получить преимущество в данном регионе было сложной задачей для обеих партий. Это регион где очень сильно влияние самых разных социокультурных групп, что попадали сюда за счет иммиграции. В то же время это место, где особенно сильны потомки мигрантов XVII–XVIII вв., что сами косо смотрели на новоприбывших иностранцев. По выражению Аллана Невинса: «Президентская кампания 1884 г. приобрела силу великого морального крестового похода» [2, р. 156]. На первых порах республиканцы, обвиняли Кливленда в неприязни к рабочим и ирландцам [4]. Пресса же последних писала о Кливленде как о «трудолюбивом сельском адвокате» и «инструменте коррумпированной нелиберальной группы»

[6]. Именно на них, Блейн рассчитывал больше всего, поскольку его мать была католичкой, а сестра возглавляла школу при монастыре [1, р. 67].

Важно отметить, что в политической структуре США кроме двух ведущих, есть и еще и так называемые «малые» партии. Они выступают на выборах, но обычно с настолько скромными результатами, что об их роли редко говорят. Но, когда ведущие силы набирают практически одинаковое количество голосов, даже небольшая горстка избирателей может решить исход всей кампании. Выборы 1884 не стали исключением, в роли «малых» здесь выступали две партии: Гринбекеров, от которой был выдвинут Бенджамин Батлер и партия Сухого Закона со своим кандидатом Джоном Сент-Джоном.

Гринбекерская партия выступала в этой кампании косвенным союзником республиканцев, поскольку оттягивала голоса недовольных нынешней властью от демократов [2, р. 173]. А вот партия Сухого закона активно помогала Кливленду [2, р. 174]. Ее позиции были сильны в Новой Англии, а также северных округах штата Нью-Йорк, а многие из ее членов были потомственными WASP (белыми англосаксонскими протестантами). Ее представитель, Дж. Сент-Джон в прошлом был членом Великой Старой Партии, но отказался поддержать Блейна, из-за плохой репутации последнего и перешел в качестве кандидата в партию Сухого закона.

Республиканский кандидат с одной стороны он не хотел отвлечь от себя сторонников сухого закона, но с другой старался не обидеть иммигрантов (ирландцы, немцы), поскольку подобные ограничения могли не прийти им по нраву. Он старался перевести этот вопрос в местную политику. Потому, когда в его родном штате Мэн было голосование по поправке в конституцию штата, вводящую сухой закон, он не стал голосовать.

До 29 октября 1884 г. ситуация находилась в весьма шатком положении. По мнению биографа Г. Кливленда профессора Аллана Невинса чаша весов и вовсе клонилась в сторону Блейна [2, р. 181]. В ту злополучную для себя среду Блейн, только что, вернувшийся из турне по Среднему Западу, собирался на две важные встречи в Нью-Йорке. Сначала он отправился на встречу с протестантскими пасторами в отеле на Пятой авеню. На этой встрече преподобный Бурхард высказался о демократах как о партии «Рома, романизма и восстания». Блейн не стал опровергать подобного утверждения и лишь поблагодарил священника. Но демократы уцепились за это, и подняли в прессе скандал.

Такой намек прямым текстом указывал на неприязнь к ирландцам и как к католикам и как к электорату Демократической партии и просто довольно оскорбительный стереотип о повальном пьянстве в их среде. На

Блейна посыпались обвинения в антиирландских настроениях [7]. Республиканцы пытались загасить эти заявления в своих газетах через интервью с видными ирландскими лидерами А. Салливаном и генералом МакАдамсом [5]. Но время уже было упущено и часть ирландцев (к сожалению, мы не имеем возможности подсчитать, сколько точно) выступили против кандидата Великой Старой Партии.

4 ноября 1884 г. состоялись выборы президента США. Ситуация по стране была напряженной, оба кандидата шли вровень. К 14 ноября победитель определился. Благодаря преимуществу в 1123 голоса в штате Нью-Йорк Г. Кливленд победил в этом штате и получил 36 голосов выборщиков, кроме того он смог победить во всех спорных штатах (Коннектикут, Нью-Джерси, Индиана).

В 1973 г. американский исследователь Эмиль Покок поставил точку в этом вопросе. Изучая данные голосования, по каждому из «спорных» избирательных округов штата он пришел к выводу, что партия Сухого закона сыграла важную роль в поражении Блейна в кампании 1884 г., поскольку она набрала большое количество голосов за счет электората, обычно голосующего за республиканцев [3, p. 190].

Таким образом, во многом проигрыш республиканской партии, на выборах 1884 г. объясняется неверно расставленными приоритетами. С одной стороны, Джеймс Блейн старался сделать ставку на электорат демократов – мигрантов из Ирландии, за счет своего происхождения, а также лояльности к рабочим, ведь большинство ирландцев принадлежало именно к этому классу. Но, республиканец не хотел терять и голоса «100%- американцев», выходцев из Новой Англии, что были потомками англичан и придерживались пуританства. В результате своей нерешительности и желания угодить всем сторонам, политик потерял голоса части WASP. Затем из-за грубого замечания пастора Бурхарда, основанного на негативных стереотипах он утратил и часть электората из еще одной важной для него электоральной группы. Именно неумение верно наладить контакт с разными этноконфессиональными группами и стало одной из причин поражения республиканцев на выборах 1884 г.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Graff H.F. Grover Cleveland: The American Presidents Series: The 22nd and 24th President, 1885-1889 and 1893-1897. Times Books Henry Holt and Company, LLC. 2002. 178 p.

2. Nevins A. Grover Cleveland A Study in Courage. ISHI Press. 2018. 779 p.

3. Pocock E. “Wet or Dry? The Presidential Election of 1884 In Upstate New York.” New York History, vol. 54, no. 2, 1973, pp. 174–190. [Электронный ресурс] URL: www.jstor.org/stable/23170001/ (Дата обращения: 27.02.2021)

4. The Daily Republican. 24 July 1884. Vol. 14. № 53. P.1

5. The Indianapolis Journal. 3 November 1884. P.1

6. The Northern tribune. 31 July 1884. Vol. 10. № 6 P. 2

7. The Rock Island Argus. 3 November 1884. Vol. 23. № 14 P.1

Abstract: The article analyzes the tactics of the Republican Party of the United States during the presidential campaign of 1884 in relation to ethnic and religious minorities in the Northeast.

Keywords: USA, presidential elections, ethnic and religious groups, James Blaine, Grover Cleveland.

Сведения об авторе:

Фельдман Павел Владиславович, магистрант факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, 241036 г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. Россия. E-mail: Pfeledman@list.ru

РАЗДЕЛ II

ТРАНСГРАНИЧНЫЕ ТЕРРИТОРИИ В УСЛОВИЯХ ВОЕННЫХ КОНФЛИКТОВ

*Алферова И. В.,
Блохин В. Ф.*

(Россия, Брянский государственный университет)

ПРИГРАНИЧЬЕ В УСЛОВИЯХ ВОЕННОГО ВРЕМЕНИ (Минский военный округ в годы Первой мировой войны)

Аннотация: Первая мировая война внесла существенные изменения в устои как государственного строя Российской империи в целом, так и отдельных ее территорий. Рушились прежние и создавались новые социальные институты, происходили существенные трансформации не только экономической системы, но и общественного сознания, всей совокупности духовных ценностей, повседневной жизни жителей города и деревни. Реконструкция повседневности, в которой существовали российские территории в условиях войны, показывает как возможности решения ключевых задач объединения фронта и тыла, так и реализации очевидных возможностей самоорганизации.

Ключевые слова: Первая мировая война, Минский военный округ, новые социальные институты, обязательные постановления, адаптация населения.

Военные округа в качестве формы организации управления были созданы в ходе масштабных военных преобразований 1860-х гг. Главное их предназначение заключалось в создании условий для оперативного решения проблем действующей армии. В соответствии с планом стратегического развертывания сухопутных сил, разработанным на начало Первой мировой войны, «полевое управление войск Северо-Западного фронта, предназначавшегося для ведения военных действий против Германии, формировалось на базе штаба и управлений Варшавского военного округа, а Юго-Западного – против Австро-Венгрии – на основе Киевского военно-окружного управления» [1, с. 22]. Однако 19 июля 1914 г., то есть перед самым началом войны, сложившаяся военно-окружная система претерпела изменения, и основная часть бывших Виленского и Варшавского округов вошла в состав вновь созданных Двинского и Минского.

Официальное утверждение Двинского округа последовало 25 июля, а Минского – 28 июля 1914 г. [2, л. 7], тот и другой составляли район армий Северо-Западного фронта, который с 16 августа 1915 г., в целях улучшения управления войсками, был разделен на Западный и Северный. Определение окружных тыловых районов новых округов произошло уже в условиях начавшейся войны, т.е. с опозданием, что создало многочисленные сложности и привело к некоторой путанице, сказавшейся на процессе формирования окружного управления.

Согласно приказу № 4 от 20 июля 1914 г., данному войскам Северо-Западного фронта, была распределена территория между вновь созданными округами. В состав Минского вошли белорусские земли: целиком Минская и Могилевская губернии, а из Гродненской – Брест-Литовский, Пружанский, Кобринский и Слонимский уезды. Из русской Смоленской губернии были включены Краснинский, Смоленский и Поречский уезды. Царство Польское в округе было представлено губерниями: Келецкой, Радомской, Петроковской без Лодзинского, Брезинского и Равского уездов, Люблинской губернией без Соколовского и Седлецкого уездов. В округ также вошли созданная в 1912 г. небольшая по размерам Холмская губерния, а на юго-западе – Ковельский и Владимирो-Волынский уезды Волынской губернии.

Часть этих территорий включалась в войсковой район, а остальные являлись тыловыми, то есть были призваны обслуживать фронтовые армии своими материальными ресурсами. Здесь же размещались и проходили необходимую подготовку мобилизованные резервы войск фронта.

Однако и на этом процесс формирования территории округа не завершился. Уже в ходе Галицийской битвы, 31 июля 1914 г., его границы были изменены в интересах соседнего Юго-Западного фронта. В его тыловой район для обслуживания 4-й и 5-й армий были включены лежащие южнее Александровской железной дороги части Гродненской губернии, Слонимского уезда Минской губернии, Могилевской губернии, а также Краснинского и Смоленского уездов Смоленской губернии [3, с. 99].

Следующие изменения территориальных границ Минского военного округа были вызваны отступлением русской армии и территориальными потерями. В сентябре 1915 г. в состав Минского военного округа были включены новые тыловые районы, ранее входившие в Московский военный округ. Расширение тыловых районов было призвано обслуживать фронтовые армии своими материальными ресурсами. На основании

приказа по Военному министерству от 20 сентября 1915 г. за № 509 была изменена территория военных округов: «14 сентября сего года последовало высочайшее соизволение на присоединение: к Двинскому военному округу Осташковского уезда Тверской губернии; к Минскому военному округу – Новоторжского, Старицкого, Ржевского и Зубцовского уезда Тверской губернии; Волоколамского, Рузского, Можайского и Верейского уездов Московской губернии; Гжатского, Вяземского, Юхновского, Ельнинского, Рославльского, Бельского, Сычевского, Духовщинского и Дорогобужского уездов Смоленской губернии; всех уездов Калужской губернии и Брянского Карачевского, Трубчевского, Дмитровского и Севского уездов Орловской губернии. К киевскому военному округу: всех уездов Курской и Харьковской губерний, с изъятием всех этих уездов из подчинения главному начальнику Петроградского военного округа и командующему войсками Московского военного округа и передачей в подчинение главным начальникам Двинского, Минского и Киевского военных округов по принадлежности, но без предоставления начальствующим лицам театра войны права объявлять присоединяемые уезды на военном положении.

Все части войск, управления и учреждения, расположенные ныне в присоединяемых уездах, остаются в подчинении тех главных начальников округов, в ведении коих они состояли до этого присоединения.

Об изложенном объявляется к руководству. Подписал: военный министр, генерал от инфантерии Поливанов» [2, л. 180].

Наконец, 19 декабря 1915 г. Николай II повелел «уезды Витебский и Велижский Витебской губернии передать из Минского военного округа в Двинский военный округ, сохранив их в подчинении Главнокомандующему армиями Западного фронта» [4, л. 198].

В подчинении главному начальнику снабжения Западного фронта находился начальник Минского военного округа, в ведении которого находились соответствующие службы с их руководителями: артиллерийское и инженерное снабжение, интендант, начальники санитарной части и ветеринарной частей, казначей и контролер.

В ведении всех перечисленных лиц имелись свои собственные службы и окружные склады Минского военного округа: артиллерийские, инженерные, продовольственные, а также госпитали и лазареты (в том числе и ветеринарные для лечения лошадей). Таким образом, главный начальник снабжения фронта, хотя и вынужден был согласовывать свои решения со штабом фронта, возглавлял весь тыл Западного фронта. Од-

нако при этом он не имел в своем непосредственном подчинении ни складов, ни других учреждений, которые находились в распоряжении служб округа [3, с. 96].

Минский военный округ из-за своего расположения обладал тыловыми учреждениями, за счет которых осуществлялась одновременная подпитка двух фронтов: Западного (в первую очередь) и Юго-Западного (частично). В повседневность территории округа вошли чрезвычайные законы военного времени, реквизиции, принудительные работы. Изменились условия жизни рабочих военных предприятий, чиновников различных тыловых учреждений, стал использоваться труд военнопленных и беженцев.

Повседневность, предопределенная Первой мировой войной, была связана с постоянной проблемой адаптации населения к новым условиям, с широким распространением редко проявлявшихся ранее особенностей поведения, обеспечивавших возможность выживания в постоянно изменявшейся окружающей действительности.

Так, например, в газете «Орловский вестник» было опубликовано следующее «Обязательное постановление» главнокомандующего армиями Западного фронта генерал-адъютанта А.Е. Эверта: «Воспрещается лицам гражданского населения района фронта, а равно и всем, принадлежащим к войску в том же районе, пользоваться в своей частной переписке какими бы то ни было шифрами, или условными знаками и всякого рода тайнописью, как-то: симпатическими чернилами, различными веществами, требующими для прочтения текста проявления и обработки, и всякими другими способами, имеющими своей целью уклонение от военно-цензурного просмотра и сокрытие истинного смысла делаемого сообщения. Лица, виновные в нарушении сего обязательного постановления, будут подвергаемы в административном порядке заключению в тюрьме или крепости до трех месяцев, или денежному штрафу до трех тысяч рублей, и, сверх того, высылке на всё время военных действий из пределов района фронта. Указанное взыскание, установленное за уклонение при посредстве упомянутых способов переписки от надзора органов военной цензуры, не освобождает виновных от наказания, определённого по закону за передачу сведений, приносящих вред государственной обороне. В Орловской губернии это постановление распространяется на Брянский, Дмитровский, Карачевский, Севский и Трубчевский уезды» [10].

Вопрос о соотношении «обязательных постановлений» и существующих на тот момент основных государственных законов был весьма непростым и зачастую ставил в сложное положение как население, так и

гражданские и военные власти. Например, в виде разъяснений в адрес начальника Минского военного округа 24 декабря 1916 г. была направлена специальная телеграмма от начальника штаба Верховного главнокомандующего, которая на наш взгляд, так и не внесла окончательной ясности в сущность проблемы. В ней с оговоркой на мнение самого начальника штаба сообщалось следующее: «Хотя закон и административные распоряжения в виде обязательных постановлений и не могут находиться в коллизии, но в данном случае сохранение указанных постановлений при наличности закона возможно при условии отсутствия противоречий в самом содержании. Если разница заключается только в размере наказаний, от военных властей будет зависеть, чему отдать предпочтение: ускорению в административном порядке наложения взыскания или суровости самого наказания в судебном порядке, так как, по-видимому, законом установлены высшие карательные нормы» [5, л. 57].

Обязательные постановления начальника Минского военного округа, в состав которого входили всё те же Дмитровский, Карачевский, Брянский, Севский и Трубчевский уезды Орловской губернии, касались не только вопросов, связанных с особыми условиями секретности этих территорий, но и проблем продовольственного снабжения армии. Так, был воспрещен вывоз из пределов Минского округа картофеля, капусты свежей и квашеной, свеклы, моркови, лука и чеснока [6].

Армейский тыл являлся важной основой обеспечения питанием воюющих солдат, поэтому при отсутствии централизованного снабжения приходилось на местах добывать основное продовольствие. Вероятно, в данном случае пока не было проблем со снабжением главным продуктом солдатского питания – хлебом, поскольку в «Обязательном постановлении» начальника округа о нем речь не шла. Воинские подразделения были обеспечены полевыми подвижными хлебопекарнями и потребности в этом продукте удовлетворялись непосредственно на фронте, но, судя по всему, проблема снабжения овощами стояла довольно остро.

Обязательным постановлением начальника Минского военного округа предусматривалось также определение запаса овощей в подведомственном ему районе. «Всё без изъятия население округа, имеющее запасы овощей более нижеуказанных норм, должно в недельный срок по объявлении настоящего постановления заявить об имеющихся количествах картофеля, капусты, бураков, лука, чеснока и моркови» [7]. Заявления должны были подаваться в письменном виде в городах в городские управы, а вне городов – в волостные правления, и в уездные земские

управы. Запасы овощей на 1 ноября 1916 г., за исключением необходимого количества для пропитания людей и скота, определялось по следующим нормам: «Для одного едока в год картофеля 18 пудов, прочих овощей 60 золотников в день. Детям до 5 лет включительно – половина. На обсеменение полей на одну казенную десятину картофеля 120 пудов. На содержание свиней 15 пудов картофеля в год. Выяснение количества овощей необходимо для заготовки их для нужд армии и вообще военного ведомства в Минском округе. Закупка овощей будет производиться по установленной на них таксе, причём при отказе от продажи по таксе овощи будут реквизироваться» [7].

На следующий день было опубликовано еще одно «Обязательное постановление» об учете продовольственных продуктов. В соответствии с ним, все лица, торговавшие продовольственными продуктами, а также частные банки, элеваторы, склады, имевшие эти продукты на хранении или в залоге, обязаны были ежемесячно 1-го и 15-го числа сообщать полиции о количестве как проданных, так и оставшихся у них продуктов [6].

На эти же уезды Орловской губернии распространялся приказ командующего армиями Западного фронта генерал-адъютанта А.Э. Эверта, «в силу которого преступные деяния, предусмотренные статьями 528, 530 и 531 Уложения о наказаниях уголовных и исправительных, изымаются из общей гражданской подсудности на рассмотрение суда военного» [7]. Этими статьями предусматривалось наказание за укрывательство беглых солдат и матросов, находившихся на действительной службе, а также чинов запаса армии и флота, уклонявшихся от явки по призыву на действительную службу или на учебные сборы. Наказанию подлежали также любые предоставления способов к побегу, «подговариванию военных чинов к побегу или к уклонению от обязанности по службе и предоставление для этого средств». Тем же приказом наказание за подобного рода проступки усиливалось возможностью лишения всех прав с «отдачей в исправительные арестантские отделения, сроком от 4 до 6 лет, или же лишением всех прав состояния и ссылка в каторжные работы на время от 4 до 8 лет» [7].

Тыловые районы Минского военного округа должны были служить местом перемещения воинских частей, выводимых с передовых позиций, а также подготовки для фронта маршевых рот. Так, в октябре 1915 г. было принято решение о строительстве зимних барачных на 50 тыс. человек в районах, присоединенных к округу. В Карачеве должно было быть размещено 6 тыс. солдат и офицеров «Сотой ополченской бригады»,

в Брянск была перемещена из Тулы 23 маршевая бригада, насчитывавшая не менее 12 тыс. человек [4, л. 64]. Однако строительство затягивалось.

Так, по «прямому проводу» 14 декабря 1915 г. поступило сообщение с Западного фронта для Главного управления по квартирному довольствию войск, из которого следует, что «в Ельне строятся зимние бараки по расчёту 2 батальона и дополнительной постройки барачков в Ельне не требуется. В остальных пунктах квартирования запасных батальонов фронта уже или начата постройка барачков, или предположена их постройка» [8, л. 135]. Постройка барачков осуществлялась из расчета на 6000 человек для каждого батальона, но даже в середине декабря до завершения строительства было еще далеко.

В городских управах были назначены специальные лица, которые должны были заниматься расквартированием войск, а из одного из писем, опубликованных в газете, мы можем судить о том, как решались эти проблемы. Речь шла о «принудительном размещении воинских чинов»: «О том, какие это сулит неудобства нам, домовладельцам и квартирантам, равно и самим солдатам и их начальству, в смысле надзора, проверки и пр., говорить много не приходится – это очевидно! – отмечал автор письма. – Мне кажется, Вы, как член управы и участник распределительного комитета, могли бы указать на остающиеся рестораны, гостиницы... Наконец, почему бы не занять магазины, обслуживающие потребителей предметами роскоши... После того уж можно было бы приниматься и нарушать интересы обывателей вообще. Прошу простить за обращение, но я, как избиратель, прошу Вас, как своего избранника, отстаивать наши и, без сомнения, интересы военных, которые тоже кроме неудобства ничего от этого размещения не получат» [9].

Таким образом, на основе даже небольшого количества приведенных сведений можно сделать вывод о том, что в тыловых районах, в которых размещались запасы и учреждения тыла, обслуживавших соответствующие армии фронта и округа, действовали в качестве местных исполнительных органов главного начальника снабжения Западного фронта структуры руководства Минским военным округом, отдававшие свои распоряжения гражданским властям в подконтрольных местностях.

Население территорий, вошедших в состав тыловых районов Минского военного округа, старалось максимально приспособиться к новой прифронтовой обстановке. Характерной особенностью ситуации выступало то, что «обязательные постановления» издавались применительно к конкретной территории, входившей в сферу действия военного округа. В результате, по одному и тому же предмету жизнедеятельности

в пределах одной губернии действовали нормы, которые сильно отличались одна от другой. Зачастую, население, особенно в сельской местности, не имело возможности разобраться в территориальных границах действия таких «обязательных постановлений», не зная о точном распределении местности между фронтами и округами, а когда такое понимание приходило – пыталось нарушить предполагаемые условные границы.

Вместе с тем, очень скоро проявилась очевидная особенность произошедших изменений: условиям жизни, длившейся более года с начала войны, наступил конец. Включение уездов Орловской губернии в состав прифронтного Минского военного округа неожиданно сделало войну близкой, предопределив иные реалии повседневной уездной действительности.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Безугольный А.Ю. Военно-окружная система в России в период Первой мировой войны и революционных событий 1917 года // Военно-исторический журнал. 2008. № 10. С. 9–12.
2. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА). Ф. 2000. Оп. 1. Д. 1851.
3. Трутко И. Подготовка тыла Юго-Западного фронта (1914 г.) // Военно-исторический журнал. 1939. № 3. Октябрь. С. 92–113.
4. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 743.
5. РГВИА. Ф. 2005. Оп. 1. Д. 78. Л. 57.
6. Местная жизнь. Обязательное постановление // Орловский вестник. 1916. № 235. 3 ноября.
7. Приказ генерал-адъютанта Эверта // Орловский вестник. 1916. № 232. 30 октября.
8. РГВИА. Ф. 2048. Оп. 1. Д. 850. Л. 135.
9. К вопросу о расквартировании войск // Орловский вестник. 1916. № 242. 11 ноября.
10. Обязательное постановление // Орловский вестник. 1916. № 222. 16 октября.

BORDER AREAS IN THE CONTEXT OF WAR (Minsk Military District during the First World War)

Abstract: The First World War introduced significant changes in the basis of both the state structure of the Russian Empire in general and its sepa-

rate territories. Old social institutions were destroyed and new ones were created, there were significant transformations not only in the economic system but also in social conscience, the whole of spiritual values, the daily life of the people living in urban and rural areas. The reconstruction of everyday life in which Russian territories existed under the conditions of the war shows both the possibilities of solving the key problems of uniting the front and rear and the realization of obvious opportunities for self-organization.

Key words: the First World War, Minsk Military District, new social institutions, stringent regulations, adaptation of the population.

Сведения об авторах:

Алфёрова Ирина Викторовна – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории, Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского alferovairi@yandex.ru

Блохин Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой отечественной истории Брянского государственного университета им. акад. И.Г. Петровского, blohin.val@yandex.ru

Alfyorova Irina Viktorovna – Doctor of History, Professor, Bryansk Academician I.G. Petrovsky State University (Russia).

Blokhin Valeriy Fedorovich – Doctor of History, Professor, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky (Russia).

Николаева Е. В.

(Россия, Брянский государственный университет)

БЕЖЕНЦЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ НА ТРАНСГРАНИЧНЫХ ТЕРРИТОРИЯХ РОССИИ: ЭПИЗОДЫ ПОВСЕДНЕВНОСТИ

Аннотация: В статье рассматривается специфика процесса адаптации российских беженцев в годы Первой мировой войны к условиям вынужденного переселения на новые территории. В данном конкретном случае речь идет о мерах, предпринятых правительством для решения назревших проблем в сфере духовной жизни переселенцев. Привлечение административного ресурса планировалось с условием сохранения при этом имеющихся традиций и своеобразия населения, прибывавшего на

новое место жительства. Из всего многообразия вопросов, которые выдвигала жизнь перед беженцами, в рамках статьи рассматривается только «метрикация рождения и смерти». Однако и столь ограниченный круг тем позволяет оценить масштабы выдвинутых проблем, от решения которых зависело смягчение напряженности в условиях продолжавшейся войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, беженство, Особое совещание, метрикация, социальное напряжение.

История российского беженства периода Первой мировой войны имеет весьма внушительную историографию, ведущую свое начало еще со времени проявления этого феномена в числе военных событий. Как это принято в процессе изучения различных масштабных явлений, большинство исследований было посвящено рассмотрению причин возникновения беженства, а еще больше – описанию конкретных фактов экстремальных ситуаций, вызванных им. Только в последнее время появились работы, анализирующие проблему беженства «в более широком контексте, в том числе и как одной из важнейших предпосылок политических трансформаций 1917 г.» [1, с. 9].

Одной из важных тем, на наш взгляд, выступает история сосуществования в рамках искусственно образованной из-за массового движения громадных людских потоков, возникших в силу объективных и субъективных факторов, предопределенных войной, как отдельных индивидов с разной конфессиональной, языковой, бытовой и даже юридической составляющей, так и целых организаций, сообществ, групп, стремившихся обеспечить стирание этих различий и одновременно сохранение существовавшего своеобразия на трансграничном пространстве.

Законопроект об обеспечении нужд беженцев был утвержден 30 августа 1915 г., а 1 сентября в заседании Государственного совета состоялось собрание членов Особого совещания по устройству беженцев. Председательствовал на нем князь Н.Б. Щербатов, с 5 июня 1915 г. занимавший пост министра внутренних дел. Кроме представителей ведомства на совещании присутствовали специально приглашенные видные общественные деятели, члены Государственной думы, Государственного совета. Министр попытался определить причины беженства, заявив, что «наблюдаемый поток беженцев является бедствием совершенно стихийным, предотвращение которого не в наших силах. Чем далее мы будем

удаляться на восток, тем всё больше будет приток беженцев, добровольно покидающих свои насиженные места» [2, с. 4].

Добровольное оставление родных мест он также объяснял «тёмной славой наших врагов, слухами об их зверствах, которые во многих местностях принимали ужасающей характер» [2, с. 4]. Однако в ряде выступлений была озвучена и другая причина этого явления, связанная с принудительными действиями как военных, так и гражданских властей. В результате, Особое совещание единогласно приняло следующую резолюцию: «Принудительное выселение признается с государственной точки зрения мерой безусловно вредной. В тех случаях, когда таковое по военным соображениям признается необходимым, оно должно быть производимо с особой осторожностью, согласно последовавшим по сему предмету распоряжениям верховного главнокомандующего» [3, с. 4].

Следует также отметить, что с самого начала обсуждения проблем беженцев в Министерстве внутренних дел, на которое было возложено решение большинства связанных с этим явлением вопросов, обращалось внимание на необходимость оказания помощи морального свойства, поскольку многие беженцы «испытывают тяжелые душевные страдания» [3, л. 2]. Особое совещание создало специальные комиссии: по распределению средств и установлению отчётности по делам беженцев; по вопросу о вознаграждении за убытки и о выдаче ссуд и пособий беженцам; по вопросу о создании главных уполномоченных тыла и выработки для них наказа и комиссия по общим делам. Под председательством известного российского юриста А.Ф. Кони была создана также еще одна комиссия «об удовлетворении духовных нужд беженцев».

В одном из частных писем он расшифровал частичный смысл созданного объединения: «Пришлось перечитать массу документов и сообщений и собираться в частные беседы, чтобы внести хоть какой-нибудь луч света в этот хаос, от которого сердце сжимает ужас. Завтра предстоит еще совещание, а на будущей неделе открывается, под моим председательством, комиссия об удовлетворении духовных нужд беженцев (школа, приход, участие духовенства, требы и т. д.)» [4, с. 292]. На втором заседании Особого совещания по устройству беженцев, проходившем 14 сентября 1915 г., А.Ф. Кони более детально охарактеризовал проблему, вероятно, еще не до конца оценив ее масштабы. Он обратил внимание присутствовавших на то, что духовным нуждам беженцев уделено пока еще очень мало внимания. «Между тем, многие из них испытывают крайнюю потребность в духовном утешении, а эта потребность остаётся не-

удовлетворенной. Беженцам надо учить детей, но школьное дело не упорядочено и дети беженцев во многих случаях лишены возможности получать образование. Наиболее сильно нуждаются в обеспечении духовных потребностей беженцы из Холмской и Люблинской губернии и в этом отношении им нужно скорее помочь. С этой целью было бы желательно присутствие в совещании представителей ведомства православного исповедания» [5, л. 10].

В ходе начавшихся заседаний Комиссия под председательством А.Ф. Кони в значительной мере расширила направления своей работы. Начало было положено в отношении правового состояния беженцев: акты гражданского состояния, учреждение опеки над малолетними и попечительство над несовершеннолетними, составление духовных завещаний, осуществление прав по обязательствам и договорам, удостоверения личности, согласно правил Устава о паспортах и т. д.

Комиссия пришла к выводу, что в области гражданских законов потребность облегчения положения беженцев должна выразиться прежде всего в мероприятиях, направленных к упрощению способов «метрикации рождений и смерти». Поскольку значительная часть беженцев состояла из жителей Царства Польского, где действовал Гражданский кодекс Наполеона, устанавливавший обязательную запись в течение 7 дней со дня рождения ребенка в книгах чиновников, которые вели акты гражданского состояния. Пропуск семидневного срока предусматривал штраф, если только не будет доказано, что своевременная запись не могла по законным причинам быть сделана. Предполагаемый штраф не был слишком велик, но несвоевременная запись могла повлечь за собой тяжкие последствия. Например, сомнения в правильности посемейных списков при определении льгот по воинской повинности по семейному положению и т. д.

Определение поляков-беженцев в отношении актов гражданского состояния было бы весьма сложным, если бы «в отношении метрикации не действовал общий принцип *regit actum*, согласно которому всякий документ признается надлежащим актом, если он соответствует по своей форме требованиям закона, действующего в месте его совершения» [6, л. 1]. Таким образом, в отношении выходцев из Польши и жителей Прибалтийских губерний следовало применить общероссийские законы о записи рождений и смерти, т. е. записи в метрические книги духовенством при совершении обрядов, исключив ограничения и сложные условия, содержащиеся в статьях Гражданских законов Царства Польского. Позд-

нее, на основании принятых Комиссией решений, были разработаны специальные подробные бланки «Свидетельства о крещении», которые содержали следующие пункты: имя ребёнка, пол, имя, отчество и фамилия отца, вероисповедание отца. Имя, отчество и девичья фамилия матери, вероисповедание матери. Местность, гмина, уезд и губерния, где отец записан постоянным жителем на родине. Где и когда обвенчались. Число рождения ребёнка, место рождения ребёнка, уезд и губерния, число крещения, место, где ребёнок был крещен. Католический приход, в книге населения которого должен быть занесен ребёнок. Восприемники (имя, отчество, фамилия, место постоянного жительства на родине и временного в Империи). Кто совершил крещение (имя, фамилия священника, его костельная должность, епархия). Наконец, дата выдачи свидетельства, подписи священника, выдавшего свидетельство, отца крещенного ребенка, восприемников и печать священника [7, с. 99].

Еще одна проблема, которую мы затронем, – отсутствие (особенно вовремя передвижения беженцев), отчасти и в местах расселения духовных лиц необходимого вероисповедания. Следствием являлось то, что необходимые религиозные обряды могли быть совершены со значительным опозданием, а при смерти – и вовсе отсутствовать. Некоторое время спустя факт смерти трудно было удостоверить, а затем и доказать. В результате возникла необходимость в условиях передвижения (в вагоне железной дороги или на корабле), в местах временного размещения, при отсутствии лиц из духовенства соответствующего исповедания, уполномочить должностных лиц фиксировать подобные события. Сделанные таким образом записи должны были впоследствии заноситься в метрические книги соответствующим духовным лицом или при возвращении беженцев на прежнее место жительства. Выполнять эти обязанности могут мировые судьи, земские начальники и городские судьи, которые должны были только выдавать свидетельства, удостоверявшие факт рождения или смерти.

Возможным затруднением, с которым пришлось бы столкнуться должностным и духовным лицам, могла стать необходимость удостоверения личности, обращавшихся к их помощи беженцев. Дело в том, что многие из них не имели необходимых документов, и в таких случаях личностями родившихся и умерших должна была быть удостоверяема свидетельствами, составляемыми представителями общественных или национальных организаций помощи беженцам, а при отсутствии таких представителей – свидетельскими показаниями или протоколами, составляемыми чинами полиции.

В акте о смерти должны были быть обозначены звание, имя, отчество, фамилия, исповедание, возраст и место жительства умершего. Если умирал несовершеннолетний, то указывалось звание, имя, отчество, фамилия и место жительства его родителей. Указывалось состоял ли умерший в браке. В случае смерти замужней женщины, отмечалось звание, имя, отчество, фамилия и место жительства мужа умершей. Также в этом документе указывался год, месяц и дата смерти, место погребения. Отмечалась причина смерти и кем было совершенно погребение.

В рамках выступления на конференции и статьи удалось вкратце обозначить только некоторые из проблем, касавшихся переселенцев и затрагивавших сферы, в которых было заинтересовано само государство. В отношении актов гражданского состояния существовали и другие аспекты, требовавшие административного вмешательства: в установлении опеки над беженцами, в разрешении упрощённой формы завещаний, которые действовали бы в течение определённого короткого срока и т.д. Все эти меры должны были снять хотя бы часть негативных настроений морального свойства, внести порядок в сложный процесс оказания помощи людям, оказавшимся в сложной для себя жизненной ситуации.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алферова И.В. Беженцы Первой мировой войны: проблемы аккомодации (на материалах Орловской губернии) // Вестник Брянского государственного университета. 2018. № 3. С. 9-16.
2. Биржевые ведомости» 2 сентября 1915 г. № 15063.
3. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 1322. Д. 10.
4. Кони А.Ф. Собрание сочинений в восьми томах. Письма 1868-1927. М.: Изд-во «Юридическая литература», Т. 8. 1969. 528 с.
5. Журналы Особого совещания по устройству беженцев и кредитной комиссии // РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 1.
6. Комиссия. Учрежденная 30. 8. 1915 о духовных нуждах беженцев // РГИА. Ф. 1322. Оп. 1. Д. 23. Л. 1.
7. Centralny Komitet Obywatelski Królestwa Polskiego (w Piotrogradzie) // Archiwum Akt Nowych w Warszawie. Z. 51. Syg. 6.

Nikolaeva E.V.
(Russia, Bryansk State University)

THE FIRST WORLD WAR REFUGEES IN THE CROSS-BORDER TERRITORIES OF RUSSIA: EPISODES OF THE EVERYDAY

Abstract: The article focuses on the specific features of the process of adaptation of Russian refugees during the First World War to the conditions of the forced migration to new territories. This particular case refers to the measures undertaken by the government to solve the pressing problems in the spiritual life of migrants. It was planned to use administrative resources with the condition of preserving the existing traditions and identity of the population who arrived at the new place of residence. Of the variety of issues the refugees faced, the article considers only "the metrication of birth and death". However, such a limited range of topics allows us to assess the magnitude of the problems put forward, the solution of which determined the reduction of tension in the context of the ongoing war.

Keywords: the First World War, refugees, Special meeting, metrication, social tension.

Сведения об авторах

Николаева Елена Владимировна, Брянский государственный университет им. акад. И.Г. Петровского. E-mail: omc-c@yandex.ru

Nikolaeva Elena Vladimirovna, Bryansk State University named after Academician I.G. Petrovsky. E-mail: omc-c@yandex.ru

Старостенко Э. В.

(Республика Беларусь. Могилёвский государственный университет имени А.А., Кулешова)

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ПРАВОСЛАВНОГО ВОЕННОГО ДУХОВЕНСТВА НА ТЕРРИТОРИИ МИНСКОГО ВОЕННОГО ОКРУГА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (на материалах Могилевской и Минской губерний)

Аннотация: Статья посвящена краткому обзору деятельности военного духовенства на территории Минского военного округа в годы Первой мировой войны. Географические рамки исследования ограничены белорусскими губерниями (Могилевской и Минской), входившими в территорию округа. Хронологические рамки исследования – 1914 г. –

начало 1917 г. В статье показаны особенности осуществления деятельности на территории этих губерний, показаны принципиальные отличия службы военных священников в частях и госпиталях, размещенных на данной территории. Уделено внимание взаимодействию с епархиальными консисториями.

Ключевые слова: Первая мировая война, Минский военный округ, белорусские губернии, ведомство протопресвитера военного и морского духовенства, военное духовенство, православная церковь.

В российской армии в годы Первой мировой войны служило значительное число военных священников. При этом функции, возложенные на них, зависели от места службы: полк, госпиталь, эвакуационный или распределительный пункт, военно-санитарный поезд, запасные части [7, с. 41–54]. Помимо отличий в должностных инструкциях, огромное влияние на службу священников оказывали условия боевой жизни: активные боевые действия, нахождение воинских частей в резерве или на отдыхе, пребывание в гарнизонах и т.п. Территория Минской и Могилевской губерний, входивших в состав Минского военного округа, по сути являлась тылом Западного фронта. Здесь размещались запасные госпитали, лазареты, воинские части, не принимающие участие в боевых действиях или готовящиеся к переброске на фронт, эвакуационные и распределительные пункты – и во всех названных частях и учреждениях служили военные священники. Также военное духовенство находилось в гарнизонах, военно-местных церквях.

Имели значение также территориальные особенности. Так, влияние на службу духовенства на территории Беларуси оказывало нахождение здесь Ставки Верховного Главнокомандующего (Могилев), Штаба Западного фронта (Минск), полевой канцелярии протопресвитера военного и морского духовенства (Могилев). Протопресвитер военного и морского духовенства имел возможность посещать духовенство Западного фронта чаще, нежели священников, служащих на других фронтах. Кроме того, работа военных священников, в особенности идеологическая, имела важное значение ввиду близкого размещения войск к Ставке Верховного Главнокомандующего.

Культурная деятельность духовенства в воинских частях, размещенных на территории Могилевской и Минской губерний отличалась от службы в воинских частях, участвующих в боевых действиях. Особенно эта разница была заметна до перехода к позиционной войне. Организация богослужений для солдат, находящихся в тылу Западного фронта, прово-

дилась в более спокойных условиях. Удаленность от театра боевых действий позволяла священникам организовывать регулярные службы во все праздничные и выходные дни. При этом им было проще создавать торжественную обстановку для проведения богослужений. В то время как на театре боевых действий духовенство служило, когда придется, богослужения были короткими, солдаты могли подолгу оставаться без религиозного утешения. Хотя порой в гарнизонах и их округе скапливалось большое число госпиталей и воинских частей, и священники могли не успевать осуществлять религиозное обслуживание. Например, в Гомеле в 1916 г. находилось 5 священников, которые должны были служить в более чем 30-ти местах.

Имела особенности культовая деятельность в госпиталях. Общим требованием для госпитального духовенства (как на фронте, так и в тылу) был учет состояния больных при совершении богослужений. В «Дополнении к Наставлению госпитальным священникам» отмечалось: «богослужение не должно утомлять больных и раненых излишней продолжительностью. Надлежит руководиться благоразумием, применяясь к обычным, уже практикою выработанным, сокращениям» [5, с. 20]. Отчеты госпитальных священников за 1914–1916 гг. зачастую схожи между собой, они положительно характеризуют свою работу. Приведем несколько примеров. В 299-м полевом запасном госпитале в Могилеве в 1916 г. накануне всех праздников совершались всенощные бдения, а в праздничные дни все суточные богослужения, включая литургию. На службах присутствовали как больные, так и свободные от занятий нижние чины, сестры милосердия, врачи [7, с. 76]. В декабре 1915 г. в 436-м полевом запасном госпитале священник К. Пилинкевич совершал богослужения накануне воскресных и праздничных дней и в сами праздники [4, л. 639 об.]. Так как отчеты готовили сами священники, то критики в них обычно не встречается. Однако поступающие на имя протопресвитера анонимные сообщения и жалобы говорят о том, что воинских частях и госпиталях служили как добросовестные, так и безответственные священнослужители [см. подр.: 7, с. 112-117].

Благоприятно на службе православного военного духовенства сказалось их пребывание на территории с преимущественно православным населением. На незанятой территории белорусских губерний продолжали свою работу Духовные консистории, которые оказывали помощь военным священникам в их деятельности. Так, духовенство имело возможность служить в военно-местных и епархиальных православных церквях. В этом отношении оно находилось в благоприятных условиях,

нежели священники, оказавшиеся по долгу службу в Прибалтике, Галиции или на Кавказском фронте. Например, гарнизонный благочинный Быхова в рапорте от 13 мая 1916 г. сообщал, что все части гарнизона исполнили долг причащения и исповеди: один священник служил на открытом воздухе, второй – в Св. Георгиевской церкви, а госпитальные священники – при своих церквях [3, л. 251 об.].

Близость к епархиальным складам, а также к книжному складу при полевой канцелярии протопресвитера обусловили лучшее обеспечение военного духовенства предметами, необходимыми для отправления религиозных обрядов (например, просфорами, свечами, предметами облачения), одобренной литературой для солдат, запасами крестиков и брошюр. Служба в тылу способствовало «благолепной» организации богослужений: например, созданию хоров при поддержке епархиальных церквей, учебных заведений, местных жителей. В госпиталях в хоры привлекали сестер милосердия, а также могли платить приглашенным певчим. Например, священник 32-го полевого запасного госпиталя (Быхов) А. Карасев в рапорте за 13 февраля 1917 г. сообщал, что хор в госпитале организовать было сложно, однако при участии сестер милосердия, госпитального церковника, санитаря и двух приглашенных из города лиц удалось организовать стройное церковное пение [2, л. 667 об.–668]. Епархиальное духовенство также оказывало помощь в проведении служб, крестных ходов, молебнов.

В сравнении с линией фронта, здесь проще обстояло дело с погребениями: города выделяли участки под братские кладбища, за которыми осуществлялся уход. Так, высокую оценку в отчетах и рапортах духовенства получила организация и благоустройство кладбищ в Столбцах, Быхове, Рогачеве [6, с. 61]. Например, в Столбцах весной 1916 г. стояло несколько госпиталей, которым была отведена территория под погребение умерших: «могилы обложены дерном и увенчаны крестами приличествующего размера с соответствующими на них надписями о погребенных в могилах воинах. Имена погребенных будут увековечены на досках в местной кладбищенской церкви» [3, л. 334 об.]. Иная картина наблюдалась в Гомеле: в 1916 г. на военном кладбище около 300 погребений не имели информации о погребенном, на многих могилах отсутствовали кресты, на территории кладбища пасся скот, и многие могилы имели потоптанный вид [1, л. 134 об.]. В таких ситуациях духовенство сообщало о проблеме военному и госпитальному начальству для приведения кладбищ в порядок.

Кроме культовой деятельности, важнейшей из задач, возложенных на военных священников, была идеологическая и воспитательная работа с солдатами и офицерами. Осуществлялась она посредством ведения бесед, произнесения поучений. По мере затягивания войны значение этого вида деятельности священников в армии возрастало, особенно в условиях роста популярности революционных идей. Революционная пропаганда распространялась как на линии фронта, так и на восток от нее, на территории ближайшего тыла. Можно выделить три основные тематики бесед. Самыми важными являлись беседы патриотического содержания: о верности присяге, царю и отечеству, ведении войны до победного конца, готовности умереть за Родину. Беседы воспитательного характера были посвящены вопросам следования приказам командиров, уважения вышестоящего военного начальства, а также правильному поведению (отказ от пьянства, азартных игр и сквернословия). Темы теологического содержания в годы войны являлись второстепенными, предпочтение отдавалось вопросам патриотического и воспитательного характера [8, с. 400–402].

Проведение бесед в госпиталях имело свою специфику. Так как паства священника здесь состояла из больных и раненых, то духовенству госпиталей рекомендовалось в беседах быть ненавязчивыми. Не имеющим полного богословского образования и иеромонахам запрещалось вступать в научные и богословские споры с офицерами и врачами.

Таким образом, служба военных священников на территории Минского военного округа (белорусских губерниях) осуществлялась в более спокойных условиях, нежели чем на фронте. Ее осуществлению способствовала конфессиональная обстановка на территории Могилевской и Минской губернии.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10026. Ч. 3.
2. РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10026. Ч. 4.
3. РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 10027.
4. РГИА. Ф. 806. Оп. 5. Д. 9758. Ч. 2.
5. Руководственные указания духовенству действующей армии. – 3-е изд. М.: Тип. Штаба Моск. воен. окр., 1916. 56 с.
6. Старостенко Э.В. Мобилизация и деятельность православного военного духовенства на территории Беларуси в годы Первой мировой войны (август 1914 – февраль 1917 гг.) // Вест. Полоц. гос. ун-та. Сер. А, Гуманитар. науки. 2018. № 2. С. 59–63.

7. Старостенко Э. В. Православное военное духовенство на территории Беларуси в годы Первой мировой войны: монография. Могилев: МГУ имени А. А. Кулешова, 2020. 200 с.

8. Старостенко Э. В. Содержание бесед православного военного духовенства с военнослужащими Западного фронта в годы Первой мировой войны // Митрополит Иосиф (Семашко; 1798–1868): личность, эпоха, исторический путь Православия на белорусских землях : Материалы научн.-практ. конф., Минск, 24–26 октября 2018 г. / Белорусская Православная Церковь, Национальная академия наук Беларуси [и др.]. Минск, 2019. С. 400–404.

The activities of the Orthodox military clergy on the territory of the Minsk Military District during the First World War (based on materials from the Mogilev and Minsk provinces)

Annotation: The article is devoted to the activities of the military clergy on the territory of the Minsk Military District during the First World War. The geographic scope of the study is limited to the Mogilev and Minsk provinces that were part of the district. Chronological scope of the study - 1914 - early 1917. The article shows the features of the implementation of activities on the territory of these provinces, shows the fundamental differences in the service of military priests in spare parts and hospitals located in this territory. Attention is paid to interaction with diocesan consistories.

Keywords: The First World War, the Minsk Military District, the Belarusian provinces, the office of the Protospesbyter of the military and naval clergy, the military clergy, the Orthodox Church.

Старостенко Э.В., кандидат исторических наук, доцент, доцент кафедры всеобщей истории МГУ имени А.А. Кулешова.

E. Starostenko. PhD in History, docent; associate professor at the department of world history MSU named after A.A. Kuleshov. Doctoral student of the department of Russian History, BSU.

Рудковская М. М.

(Россия. Российский экономический университет им.
Г.В. Плеханова)

**БЕЛЫЕ РУССКИЕ ТУЛОНА:
ИСТОРИЯ ВОЕННО-МОРСКОЙ ЭМИГРАЦИИ
ВО ФРАНЦУЗСКИХ РЕГИОНАЛЬНЫХ АРХИВАХ**

Аннотация: Статья посвящена изучению архивного наследия русской военно-морской эмиграции во Франции. Автор анализирует состав и особенности документального комплекса, хранящегося в архиве Военно-исторической службы Министерства обороны Франции в Тулоне, с точки зрения истории русской военно-морской эмиграции. Рассматриваются эвристические возможности данного типа архивных документов для изучения указанной тематики, дается оценка качественного и количественного состава названного комплекса источников.

Ключевые слова: русская эмиграция, военно-морская эмиграция, архив, архивные документы, Франция, Тулон

Возникновение русской общины в Тулоне напрямую связано с трагическими событиями эвакуации из Крыма в ноябре 1920 года армии генерала Врангеля. В 1920 году на юге России завершилась гражданская война. В конце марта разгромленному Красной армией генералу А.И. Деникину пришлось эвакуировать из Новороссийска остатки белых армий. В Крыму эти войска, моральный дух которых находился на самом низком уровне, возглавил генерал барон П.Н. Врангель, соперник и личный враг А.И. Деникина.

Более полугода генерал Врангель давал всему миру иллюзию, что белые армии могут изменить ситуацию в России и лишить большевиков власти. Однако новость о советско-польском перемирии 12 октября 1920 года явилась предвестницей того, что дни армии Врангеля сочтены. Части Красной армии, сражавшиеся на Польском фронте, были направлены на Крымский фронт, чтобы покончить с остатками белых армий. 8 ноября генерал Врангель приказал эвакуировать флот и армию.

В составе кораблей врангелевского флота находился военный транспорт «Рион», члены экипажа которого после долгих скитаний и преодоления множества препятствий 11 августа 1921 года получили разрешение на проживание в Тулоне, положив тем самым начало русской эмигрантской колонии в городе [62, с. 57–73].

Наше исследование посвящено анализу документальных коллекций в региональных государственных архивах Франции, формирование которых тесно связано с историей русской военно-морской эмиграции в начале 1920-х годов. Значительный комплекс документов отложился в архиве Военно-исторической службы Министерства обороны в Тулоне. Расположившийся в историческом здании Арсенала XVII века, архив является также и специализированной библиотекой. Располагая богатой документальной коллекцией общим объемом около 18000 единиц хранения, тулонский архив является важнейшим центром по изучению военно-морского флота Франции, позволяя, в частности, проследить всю его историю в Средиземном море и Индийском океане с XVII века до наших дней.

Архивные документы по изучаемой теме пришлось искать в самых разных тематических сериях, так как имеющийся в архиве научно-справочный аппарат не позволяет идентифицировать их в виде единой коллекции. В общей сложности было изучено 115 архивных дел, в составе которых удалось выявить интересующие нас документы, связанные с историей русских моряков-эмигрантов. Данные документы тематически делятся на следующие группы:

1. Характеристика политической ситуации в Константинополе, правовой и административный статус русских беженцев и кораблей (серии 56, 57 и 58С) [10, 13, 15, 33];

2. Повседневность пребывания русских беженцев и кораблей в Константинополе, практическое использование кораблей, организация жизни (серии 56, 57 и 58С) [10, 13, 15, 33];

3. Судьба кораблей военного и торгового флотов после преобразования флота белых в Русскую эскадру (серии 57, 58С, 2А2, 2А4, 2D2, 2D4, 19S, 1G, 153 G) [3, 5, 6, 10, 23, 33, 38, 39, 40, 41, 42, 43, 45, 47, 49, 59];

4. Профессиональная интеграция русских моряков-эмигрантов во время пребывания в Константинополе и во Франции (серии 57С, 2А4, G 1.148) [7, 31, 34, 57, 58].

Первая часть документов серии «С» представляет собой коллекцию, посвященную общим вопросам истории русских эмигрантов, прибывших в Константинополь [27, 30]. Количество данных документов не слишком велико, однако нам кажется важным описать социально-политический контекст этого эпизода эмиграции.

Наиболее репрезентативный документальный комплекс по теме исследования также хранится в фонде «С» и представляет собой доку-

менты, касающиеся периода пребывания врангелевского флота в Константинополе (протоколы досмотра русских кораблей, записки и приказы командования французского оккупационного корпуса, а также российской военно-морской базы, отчеты французских и русских капитанов о передвижениях русских судов, переписка генерала Врангеля об отплытии русских кораблей из Константинополя) [18, 25, 36].

Значительное количество архивных документов посвящено продолжению эпопеи кораблей Русской эскадры после разделения флота в Константинополе: военный флот отправляется в Бизерту, а некоторые торговые суда прибывают в Марсель. Среди архивных коллекций серий «С», «А», и «G» находим списки кораблей, предназначенных для отправки в Бизерту, переписку генерала Врангеля о статусе военного флота, экипажей и членов их семей [3, 5, 6, 36, 55].

Большое количество очень интересных документов, иллюстрирующих детали приема экипажа транспорта «Рион» в Тулоне, сгруппированы в сериях «D», «A», «U». К ним относятся фотографические изображения судов, служебные записки командира транспорта капитана 1 ранга А. В. Городыского, приказы морского префекта Тулона и приказы начальника порта, ведомственные телеграммы, конфиденциальная переписка с министрами по вопросу приёма русских беженцев [29, 53, 55].

В сериях «A» и «G» сохранились рапорты офицеров с «Риона» на имя морского префекта Тулона по различным вопросам практической организации их пребывания и трудоустройства в городе: упоминаются проблемы профессиональной интеграции русских эмигрантов, например, запрос офицера на работу в Оптической лаборатории, личные досье работников тулонского Арсенала [7].

Все виды документов, сосредоточенных в тулонском архиве, можно разделить на следующие категории:

1. Делопроизводственные документы штаба французского Оккупационного корпуса и Средиземноморской эскадры в Константинополе:

- административные документы: приказы, служебные записки, отчеты капитанов, решения, инструкции [24, 36, 57];
- деловая корреспонденция: служебные письма, телеграммы [55];
- бухгалтерские документы: квитанции, счета на оплату, подтверждающие банковские документы [20];
- протоколы осмотров кораблей Русской эскадры [18];
- описательные технические характеристики кораблей Русской эскадры [19];
- списки товаров, находящихся на кораблях Русской эскадры [11, 16].

2. Статистические источники:

- статистические отчёты штаба французского Оккупационного корпуса и Средиземноморской эскадры в Константинополе об использовании и передвижениях русских кораблей [24].

3. Делопроизводственные документы штаба Русской эскадры и канцелярии начальника Русской военно-морской базы в Константинополе:

- административные документы: приказы, распоряжения, переписка со штабом французского Оккупационного корпуса [25, 34];

- личная переписка (письма русских моряков, адресованные старшим офицерам) [12];

- служебные аттестации офицеров с кораблей Русской эскадры [31];

4. Периодическая печать:

- газетные публикации о разгрузке коммерческих грузов, доставленных в Константинополь на кораблях Русской эскадры [33].

5. Иконографические источники:

- фотографические изображения кораблей Русской эскадры [51, 52, 53].

Научный интерес к представленным архивным коллекциям вполне обоснован. Названные документы имеют важное значение для специалистов по военной истории. Они также представляют большой интерес для изучения социального, экономического, дипломатического аспектов истории русской эмиграции.

Лаконичные строки переписки штабов, посвященной эвакуации Крыма и пребыванию кораблей русского флота в Константинополе, дают исследователям возможность проследить детали этих болезненных страниц русской истории.

Документы штаба французского Оккупационного корпуса и Средиземноморской эскадры в Константинополе подтверждают разнообразие проблем, с которыми тем пришлось столкнуться в решении русского вопроса, а также фиксируют ответственность Франции перед своими бывшими союзниками: детали отправки военного флота в Бизерту [57], организация перехода судов коммерческого флота в Марсель [48], досье транспорта-матерской «Кронштадт», приведенного французами в Тулон [46, 51].

Многочисленные приказы и служебные записки командования штаба французского Оккупационного корпуса и Средиземноморской эскадры свидетельствуют об их значительном вкладе в организацию пребывания русского флота в Константинополе. Данные документы отражают

социально-политические и экономические вопросы первого этапа русского изгнания: правовой статус прибывших, выдача временных паспортов, режим пребывания в городе, выгрузка и хранение товаров, санитарно-гигиеническая кампания, продовольственные поставки и снабжение пайками [17, 26]. Некоторые документы иллюстрируют практические детали повседневной жизни русских беженцев. Так, например, в серии «С» сохранились отчеты о работе русской столовой в порту Моды [28].

Документы о передвижениях русских кораблей, рапорты и отчеты капитанов, служебные записки командования наглядно иллюстрируют проблему организации и функционирования Русской военно-морской базы и капитанства в Константинополе, чья ежедневная, внимательная работа позволила уменьшить трудности пребывания эскадры в турецкой гавани [24, 26].

С точки зрения истории флота, особенно полезным является изучение архивных досье по досмотру русских кораблей, разделенных на несколько категорий в соответствии с их статусом и функционалом: военные корабли, военные или гражданские транспорты, подводные лодки, корабли-мастерские, яхты, парусники. Протоколы осмотров содержат не только ценную информацию о текущем состоянии кораблей, но также и замечания по их техническому обслуживанию и ремонту с целью их полноценного использования [18, 19].

Специальный интерес представляют документы по так называемому «бразильскому делу» военного транспорта «Рион», освещающие сложный политический и дипломатический контекст, в котором начиналась история русской эмигрантской общины в Тулоне [21, 22, 44, 51]. Министерская переписка морского префекта Тулона адмирала Л.Э. Саго-Дювару с пометкой «конфиденциально» демонстрирует острые споры об условиях приема данной группы беженцев, показывает многоступенчатую и сложную картину её «вхождения» в эмиграцию во Франции, где, несмотря на лояльное в целом отношение со стороны местных органов власти, в 1921 году еще отсутствовал чёткий механизм «приёма» эмигрантов из России. Ключевыми вопросами становятся детали политической биографии, классовой принадлежности, а также все сложности, связанные с юридической легализацией документов, удостоверяющих личность.

Положение русских моряков-эмигрантов в Тулоне, их правовой и профессиональный статус поставили крайне важный вопрос о сложностях эмиграции на территорию Франции. Кроме того, изученные архивные

фонды содержат ценные и информативные документы личного происхождения, которые позволяют показать финансовые и социальные трудности первого этапа интеграции эмигрантов в принимающее общество [4, 44].

В заключение нашего исследования, важно также отметить, что документальная история русской военно-морской эмиграции дополняется другими коллекциями документов архива Военно-исторической службы в Тулоне, связанными с ней тематически и проблемно. Прежде всего, стоит упомянуть документы французских разведывательных служб о положении дел на юге России в первой половине 1920-х годов [54], документы по истории Добровольного, торгового и пассажирского флотов [14, 32], истории гражданских беженцев [58], армейских и казачьих частей [23, 33], документы о функционировании лагерей беженцев (Мода, Галлиполи, Лемнос) [33, 35], досье о французском периоде службы транспорта-мастерской «Кронштадт», который был реквизирован французскими военными и переименован в «Вулкан» [8, 50, 60]. Кроме того, в архиве Военно-исторической службы в Тулоне хранятся учебно-научные работы по истории российского флота, подготовленные слушателями Военно-морского учебного центра [61], а также весьма значительный комплекс документов, иллюстрирующий развитие различных этапов русско-французских отношений в военно-морской сфере с конца XVIII – до начала XX веков: история создания и функционирования русского Императорского консульства в Тулоне [1], пребывание русской эскадры в 1893 году, строительство и ремонт кораблей для русского Императорского флота на верфях в Ла Сейн-сюр-Мер [9], стажировки офицеров и приём делегаций Главного штаба Военно-Морского флота [2, 5, 6, 37].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Service Historique de la Défense de Toulon (ci-après – SHD Toulon). Série 1A. Sous-série 1 Carton 125. Correspondance Préfet Maritime. 1780.
2. SHD Toulon. Série 2A. Sous-série 1 Carton 1825. Correspondance. Ministre de la Marine. État-major général. 1914
3. SHD Toulon. Série 2A. Sous-série 2. Carton 52 Commandement de la marine dans les ports militaires, 1921-1922.
4. SHD Toulon. Série A2. Sous-série 2. Carton 52. Lettre n°2318 Au sujet de la solde de l'équipage du «Rion» du Ministre de la Marine au Commandant en chef, Préfet Maritime à Toulon, le 23 novembre 1921.
5. SHD Toulon. Série 2A. Sous-série 4. Carton 11. Correspondance de la Préfecture Maritime. 1921.

6. SHD Toulon. Série 2A. Sous-série 4. Carton 12. Correspondance de la Préfecture Maritime. 1922.

7. SHD Toulon. Série 2A. Sous-série 4. Carton 12. Note préfectorale sur la demande du capitaine Kiliastchenko, 25 février 1922.

8. SHD Toulon. Série 2A, Sous-série 4. Carton 13. Note n°966 du Préfet maritime Sagot-Duvaurox concernant l'atelier-navire «Vulcain» au vice-amiral, Commandement en Chef de l'Escadre de la Méditerranée, le 25 août 1921.

9. SHD Toulon. Série 2A. Sous-série 6 Carton 273-274. Correspondance du Préfet Maritime. 1908-1916.

10. SHD Toulon Série C. Sous-série 56. Carton 61-62. Escadre de la Méditerranée Occidentale et du Levant. 1921.

11. SHD Toulon. Série C. Sous-série 56. Carton 61-62. №553 Perquisitions au bord de Rion, le 15 mars 1921.

12. SHD Toulon. Série C. Sous-série 56. Carton 61-62. Lettre du général-lieutenant Ermakoff, Commandant de la Marine russe à Constantinople.

13. SHD Toulon. Série C. Sous-série 56. Carton 65. Escadre de la Méditerranée Occidentale et du Levant. 1921.

14. SHD Toulon. Série C. Sous-série 56. Carton 65, Lettre n°2017/21 du général Wrangel, Commandant en chef de l'Armée Russe, sur la société Russo-Danubienne, au vice-amiral de Bon, Commandant en chef de l'Escadre de la Méditerranée Orientale, le 16 juillet 1921.

15. SHD Toulon. Série C. Sous-série 57. Carton 10. Division Navale de Syrie, 1921.

16. SHD Toulon. Série C. Sous-série 57. Carton 10. Les marchandises chargées sur les bâtiments provenant de la Crimée.

17. SHD Toulon. Série C. Sous-série 57. Carton 10. Procès-verbaux des séances sur la perquisition des bâtiments russes, 29 Novembre 1920.

18. SHD Toulon. Série C. Sous-série 57. Carton 10. Légendes et listes des bâtiments russes, types «A» et «B» (7 feuillets).

19. SHD Toulon. Série C. Sous-série 57. Carton 10. Dossiers des bâtiments russes I-XXII.

20. SHD Toulon. Série C. Sous-série 57. Carton 10. Quittance de l'officier-adjoint du 2è classe Castelli, Reserve du matériel sanitaire, le 3 janvier 1921.

21. SHD Toulon. Série C. Sous-série 57. Carton 10. Note № 2764 Envoi des réfugiés russes au Brésil.

22. SHD Toulon. Série C. Sous-série 57. Carton 10. Note № 2775 Aux Russes désirant se rendre au Brésil.

23. SHD Toulon. Série C. Sous-série 57. Carton 11. Division Navale de Syrie, 1920-1921.

24. SHD Toulon. Série C. Sous-série 57. Carton 11. Compte-rendu des mouvements du capitaine de frégate Wilm, commandant de la base de Moda (12 feuillets).

25. SHD Toulon. Série C. Sous-série 57. Carton 11. Capitainerie française du port sur l'interdiction de l'accostage à Moda, le 19 novembre 1920.

26. SHD Toulon. Série C. Sous-série 57. Carton 11. Lettre n°80-A sur la distribution des rations du contre-amiral Dumeshil, Commandant de la Division Levant au contre-amiral, Commandant de la Flotte russe, le 1 décembre 1920.

27. SHD Toulon. Série C. Sous-série 57. Carton 11. Lettre n°38 Am sur la procédure de la délivrance des passeports au réfugiés du contre-amiral Dumeshil, Commandant de la Division Levant au contre-amiral, Commandant de la Flotte russe, le 4 décembre 1920.

28. SHD Toulon. Série C. Sous-série 57. Carton 11. Note n°2612 L'installation de la cantine pour les réfugiés russes sur la rade de Mode du capitaine de vaisseau Vandier, Chef de l'Etat-major, au Commandement du Corps d'Occupation de Constantinople, le 24 novembre 1920.

29. SHD Toulon. Série C. Sous-série 57. Carton 11. Note n°2613 Les passeports les réfugiés russes du capitaine de vaisseau Vandier, Chef de l'Etat-major, au Commandement du Corps d'Occupation de Constantinople, le 24 novembre 1920.

30. SHD Toulon. Série C. Sous-série 57. Carton 11. Lettre n°26Am concernant le statut des évacués militaires russes du contre-amiral Dumeshil, Commandant de la Division Navale, au vice-amiral Kedroff, Commandant en chef de la Flotte Russe, le 28 novembre 1920.

31. SHD Toulon. Série C. Sous-série 57. Carton 11. Certificat (copie) n°1807 du capitaine de frégate Boris Androssow au sujet de service dans la Marine française.

32. SHD Toulon. Série C. Sous-série 57. Carton 11. Lettre n°1883/m (traduction-copie) Bâtiments de la flotte de commerce du directeur de ROPIT Mikhailoff au contre-amiral Boutakoff, Chef du département de la Flotte Commerciale.

33. SHD Toulon. Série C. Sous-série 58. Carton 12-13. Marine Constantinople, 1920-1921.

34. SHD Toulon. Série C. Sous-série 58. Carton 12-13. Note n° 8183 du capitaine de vaisseau Horodyssky, Capitaine de Port Russe à Constantinople au Monsieur le commandant de Moda, le 6 décembre 1920.

35. SHD Toulon. Série C. Sous-série 58. Carton 17-18. Marine Constantinople, 1920-1921.

36. SHD Toulon. Série C. Sous-série 58. Carton 17-18. Liste des bâtiments de la flotte Wrangel à récupérer.

37. SHD Toulon. Série D1. Sous-série 2 Carton 99. Correspondance. Préfet Maritime de Toulon. 1914.

38. SHD Toulon. Série 2D. Sous-série 2. Carton 71. Port de Toulon. Ordres Préfectoraux. 1921.

39. SHD Toulon. Série 2D. Sous-série 2. Carton 75. Port de Toulon. Ordres Préfectoraux. 1921.

40. SHD Toulon. Série 2D. Sous-série 4. Carton 21. Port de Toulon. Ordres de la Majorité Générale. 1921.

41. SHD Toulon. Série 2D. Sous-série 10. Carton 21. Correspondance. Major Général. 1910.

42. SHD Toulon. Série 2D. Sous-série 4. Carton 21. Ports et arsenaux. Majorité générale. 1921.

43. SHD Toulon. Série 2D. Sous-série 2. Carton 75. Ports et arsenaux. Majorité générale, 1921.

44. SHD Toulon. Série 2D. Sous-série 4. Carton 21. Ports et arsenaux. Majorité générale. 1921. Série D2, Sous-série 2, n° carton 75, Ordre n°974 concernant des sujets russes du 25 août 1921 du C.V. Valat, Chef d'Etat-Major de l'arrondissement militaire de Toulon.

45. SHD Toulon. Série 2D. Sous-série 2. Carton 76. Ports et arsenaux. Majorité générale, 1921.

46. SHD Toulon. Série 2D. Sous-série 2. Carton 76. Note n°575M Au sujet des appareils du «Vulcain», le vice-amiral Sagot-Duvauroux, Commandant en chef, Préfet Maritime à Toulon, le 17 septembre 1921.

47. SHD Toulon. Série 2D. Sous-série 2. Carton 77. Ports et arsenaux. Majorité générale, 1921.

48. SHD Toulon. Série D2. Sous-série 2. Carton 77. Télégramme postal n°519 sur l'envoi du personnel à Marseille (examen du bâtiment russe), le 15 novembre 1921.

49. SHD Toulon. Série 2D. Série 2. Carton 78. Ports et arsenaux. Majorité générale, 1921.

50. SHD Toulon. Série D2. Sous-série 2. Carton 78. Lettre n°4166 Demande de candidatures pour former le personnel du «Vulcain» du vice-amiral Salaun, Commandant en chef de l'Escadre de la Méditerranée, au Commandant en chef, Préfet Maritime à Toulon, le 23 décembre 1921.

51. SHD Toulon. Série 2D. Sous-série 4. Carton 21. Ordre n°83 au sujet des passagers russes du «Duguay-Trouin» du 2 août 1921 du contre-amiral Soulez, major général, commandant de l'Arsenal.

52. SHD Toulon. Série 13U. Sous-série 1. Documents figurés.

53. SHD Toulon. Série U. Sous-série 13. Carton 1. «Duguay-Trouin», transport militaire, photo, début des années 1920 (3 images).

54. SHD Toulon. Série S. Sous-série 9. Carton 8. Note de renseignements : Flotte Russe de la Mer Noire au 15 mai 1918.

55. SHD Toulon. Série S. Sous-série 19. Carton 3. Télégramme chiffré n°1170 Réception des émigrés russes, le 5 octobre 1921.

56. SHD Toulon. Série S. Sous-série 19. Carton 3. Télégramme officiel chiffré n°155 Visas pour les officiers russes, le 5 janvier 1921.

57. SHD Toulon. Série 2G. Sous-série 1.148. Constructions navales.

58. SHD Toulon. Série G. Sous-série 2. Carton 1.148. Fichier de travail de Th. Kolesnikoff, ouvrier temporaire à l'Arsenal, 1938.

59. SHD Toulon. Série G. Sous-série 153. Constructions navales.

60. SHD Toulon. Série G. Sous-série 153. Carton 1-2. Ordre n°101 du capitaine de vaisseau Voisin, major général, commandant de l'Arsenal, concernant la composition de la commission chargée de l'inventaire du matériel au bord du «Vulcain» (ex-Cronstadt) au Ministre de la Marine, le 29 août 1921.

61. SHD Toulon. Série S. Carton 13-14. Travaux de recherches des élèves de l'Ecole navale.

62. Рудковская М. М. Русская военная эмиграция в Тулоне в 1920–1930-е гг.: проблемы адаптации и интеграции: дисс. ... канд. ист. наук. Брянск, 2019. 241 с.

WHITE RUSSIANS OF TOULON: HISTORY OF NAVAL EMIGRATION IN THE FRENCH REGIONAL ARCHIVES

Abstract: The article is devoted to the study of the archival heritage of the Russian naval emigration in France. The author analyzes the composition and features of the documentary complex stored in the archive of the Military Historical Service of the French Ministry of Defense in Toulon from the point of view of the history of Russian naval emigration. The heuristic possibilities of this type of archival documents for studying this topic are considered, and the qualitative and quantitative composition of the named set of sources is evaluated.

Keywords: Russian emigration, naval emigration, archive, archival documents, France, Toulon.

Рудковская Маргарита Михайловна, кандидат исторических наук, доцент кафедры политической экономики и истории экономической науки, Российский экономический университет им. Г.В. Плеханова, margarita.thimrud@gmail.com

Rudkovskaya Margarita Mikhailovna, Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Political Economy and History of Economic Science, Plekhanov Russian University of Economics, margarita.thimrud@gmail.com

Василенко В. В.

(Республика Беларусь. Могилёвский государственный университет имени А.А. Кулешова)

ПРОДОВОЛЬСТВЕННАЯ ПРОБЛЕМА И ДОРОГОВИЗНА ПРОДУКТОВ В ГОРОДАХ МОГИЛЁВСКОЙ И ОРЛОВСКОЙ ГУБЕРНИЙ В 1915 ГОДУ

Российская империя 1 августа 1914 г. вступила в войну против Германской империи и её союзников. Война требовала больших финансовых и материальных затрат. Экономика страны перестраивалась на военный лад. Все материальные и людские ресурсы, транспортная инфраструктура, промышленные предприятия были ориентированы на обслуживание армии. В первые месяцы войны экономика страны справлялась с обеспечением потребностей армии и населения. Но буквально через полгода, в начале 1915 г., начались перебои в снабжении населения продовольствием и стали расти цены на продукты. Уровень жизни людей падал. Первыми, кто в большей степени, ощутил это на себе, были жители городов. Жителей сельской местности эти проблемы коснулись меньше. Проблемы в снабжении городов продовольствием и дороговизна товаров были актуальны и для Могилёвской и Орловской губерний во время войны.

Жизнь городского населения зависела от наличия запасов продовольствия и их своевременного подвоза. Проблемы с продуктами питания в Могилёвской губернии появились уже в начале 1915 года. В конце января в Гомеле в местной прессе сообщалось о недостатке крупы в продаже [1, с. 2]. В феврале в Могилёве, Гомеле, Орше, Мстиславле, Черикове, Копыси, Сенно не хватало соли, пшеница, пшеничной муки всех сортов, разных видов круп, овса, сельди, ржаной муки [2, с. 3]. В Горках дефицит продовольствия стал ощущаться осенью. Из-за проблем с подвозом товаров был недостаток

сахара, соли, крупы, муки [3, с. 4]. В Орловской губернии весной 1915 г. во многих городах был недостаток хлеба. О проблемах сообщали из Брянска, Орла, Болхова, Мценска, Дмитрова, Кром, Трубчевска, Карачева, Ельца, Севска [4, с. 41]. Из данных, полученных Особым совещанием по продовольствию от городских и земских управ в октябре 1915 г. было видно, что в Могилёвской губернии о недостатке хлеба, соли, сахара, рыбы заявили 91 % городов и 100 % уездов, в Орловской губернии – 92 % и 60 % соответственно [5, с. 24–26].

Большую роль в рационе питания населения играло мясо. Во время войны его доля среди других продуктов уменьшалась. Мясной год был обусловлен тем, что за время войны произошло сокращение поголовья крупного рогатого скота и овец. В 1913 г. было 52,2 млн. голов крупного рогатого скота, а в 1917 г. уже 48,2 млн.; количество овец уменьшилось с 80,7 млн. голов в 1913 г. до 69,1 млн. в 1917 г. [6, с. 197]. Недостаток мяса способствовал росту цены на него. По сообщению газеты «Гомельская копейка» с 25 марта в городе резко поднялись цены на говядину, сразу на 4 копейки с 16 до 20 за фунт. Мясо стало дорожать, так как было запрещено завозить его из Черниговской губернии и поставки для города прекратились [7, с. 3]. Аналогичная проблема по той же причине была в Орловской губернии. Проблемы с мясом возникли в Брянске, Карачеве. Убой скота на орловских скотобойнях уменьшился на треть [4, с. 43]. В Гомеле проблему нехватки мяса усугубила ещё и природная стихия. Из-за паводка на реке Сож были затоплены городские скотобойни и невозможно было проводить убой скота [8, с. 2–3]. В тяжелом положении оказалось животноводство белорусских губерний. Власти проводили в крестьянских хозяйствах реквизиции фуража, крупного и мелкого рогатого скота, лошадей для нужд армии. По причине нехватки кормов наблюдался падёж скота. С 1913 г. по 1915 г. в пяти белорусских губерниях поголовье лошадей сократилось с 1704700 до 1621900 голов, или на 4,9 %, крупного рогатого скота с 3662500 до 3305400 голов, или на 9,8 %, овец, баранов и коз с 2474000 до 2207300 голов, или на 11,9 % [9, с. 163]. Таким образом, на региональный рынок стало поступать меньше мяса и мясных продуктов, что отразилось и на обеспечении городов.

Жизненно важным товаром для населения являлся сахар. В 1914 г. был выращен хороший урожай сахарной свеклы. Но в условиях военного времени сахарозаводчики оказались в сложной ситуации: были проблемы с подвозом к заводам сахарной свеклы, не хватало топлива для производства и рабочих. Несмотря на всё это было произведено

123.996.308 пудов сахара. Цена продажи 1 пуда была установлена с 1 сентября 1914 г. по 1 января 1915 г. в 4 рубля, а с 1 января 1915 г. по 1 сентября 1915 г. в 4 р. 10 к. Потребность властей в деньгах для ведения войны вынудила Министерство финансов повысить акциз на сахарный песок на 25 к. – до 2 рублей. Был введён железнодорожный военный налог на перевозку сахара: 6 к. за каждый пуд сахара песка и 8 к. сахара рафинада. Из-за повышения акциза цена сахара на станциях юго-западных железных дорог увеличилась до 4 р. 25 к. – 4 р. 35 к. Заводы перестали получать уголь из Донецкого угольного бассейна, так как его отпускали только предприятиям, работающим на оборону. Сахарозаводчикам пришлось использовать другие виды топлива и покупать их по более высоким ценам. Из-за этого увеличилась себестоимость производства сахара, и цена на него в марте 1915 г. поднялась до 4 р. 45 к. за пуд. Она была выше предельной установленной властями цены на 10 копеек. Для того, чтобы прекратить рост цен Министерство финансов с начала марта 1915 г. в несколько этапов поставило на рынок 18 млн. пудов сахара из стратегических запасов. Но цена на него всё равно увеличилась до 5–5 р. 10 к., а на рафинад до 6 р. 50 к. за пуд. Цены росли не потому, что не хватало сахара на рынке, а потому, что власти не могли правильно организовать снабжение потребительских рынков в виду всё больших проблем на железнодорожном транспорте [10, с. 30–31]. Проблемы с наличием в Могилёвской губернии сахара появились весной 1915 г. В Гомеле в конце мая цены на этот товар поползли вверх. Фунт сахара стал стоить 20–22 копейки [11, с. 3]. В Орле недостаток сахара для населения, гарнизона и медицинских учреждений стал ощущаться в середине 1915 г. [4, с. 42]. Как видно проблемы в губерниях совпали с общей ситуацией на рынке сахара в середине 1915 г. Не имея достаточно своих производственных мощностей Могилёвская и Орловская губернии полностью зависели от рынка и подвоза сладкого товара по железной дороге.

Дефицит продовольствия как следствие приводил к росту цен, особенно на жизненно важные продукты. Тенденция к повышению цен во время войны наблюдалась во всех губерниях России. Цены на продукты в декабре 1914 и 1915 гг. существенно выросли в сравнении с декабрём 1913 года. Например, пшеничная мука подорожала в 1914 г. на 33,8 % и на 178 % в 1915 г. относительно цены 1913 года, гречневая крупа – на 48,6 % и 122,7 %, масло – на 6 % и 95,4 %, сахар – на 7,4 % и 44,9 %, соль – на 40,3 % и 142,8 %. Мясо в 1914 г. наоборот немного подешевело и его стоимость была на уровне 94,6 % от цены 1913 г., а вот уже в 1915 г. мясо подорожало на 36,7 % [12, с. 247]. В середине января 1915 г. в

Гомеле пятипудовый мешок ржаной муки подорожал на 1 р. 50 к. – 2 р. [13, с. 2]. Повышение цен на зерновые хлеба, а в следствии и на муку, было связано с началом закупок хлеба для армии. Кроме этого урожай 1914 г. был ниже урожая 1913 года. Также следует учитывать спекуляции сельскохозяйственной продукцией [14, с. 20].

Причина подорожания крылась ещё и в том, что в сельском хозяйстве не хватало рабочих рук, так как значительная часть мужского населения была призвана в армию и некому было обрабатывать землю. Из-за нехватки рабочих сокращались посевные площади под сельскохозяйственные культуры. В 1913 г. засевалось 93,5 млн. гектаров земель, а в 1917 уже только 78. Сбор продовольственных культур сократился на 23 %, крупяных – на 15 %, масличных – на 14 %, кормовых – на 43 %, картофеля – на 24 % [6, с. 196]. На второй год войны посевные площади в Новороссийской, Самарской, Саратовской, Уфимской, Оренбургской губерниях сократились на 25–50 %. По сведениям министерства земледелия, в Донецкой области недосев хлебов составил 37 %, в Кубанской – 33 %, в Ставропольской 26,5 %, в Черноморском уезде Астраханской губернии – 50 %, в Симферопольском уезде Таврической губернии – 50 %, в Царицынском уезде Саратовской губернии – 50 %. Особенно сократились посевы зерновых хлебов. На Северном Кавказе сокращение произошло на 44 %, в Новороссии – на 40 %, в Нижне-Волжском районе – на 35 %, Средне-Волжском – на 25 %. В Европейской России урожайность сельскохозяйственных культур упала [15, с. 64–65]. Указанные выше регионы были основными центрами выращивания хлеба. Уменьшение площадей и недосев привели к уменьшению заготовок зерна и производства муки. В Могилёвской губерниях посевные площади тоже уменьшились за 1914–1916 гг. на 15,6 %. Сокращались посевы под продовольственные культуры: рожь – на 20,6 %, пшеницу – на 23,3 %, картофель – на 37,7 % [16, с. 202]. Сокращение посевных площадей вело к уменьшению предложений продукции для реализации на внутреннем рынке и подстёгивало дефицит продовольственных товаров в Могилёвской губернии.

Рост цен в городах наблюдался на базарах. В феврале 1915 г. в Гомеле цены на продукты на местном базаре повышались каждый день. Местная пресса писала, что цены устанавливались торговцами произвольно. Цена на рыбу поднялась до 35–40 к. за фунт, на масло – до 60–65 к.; за десяток яиц просили 40–42 к., а гречневая крупа и другие сорта круп подорожали в сравнении с прежними ценами в 2–3 раза [17, с. 3]. На городском рынке Брянска очень дорого стоили молочные продукты. За чет-

верть молока торговцы просили 40–45 к., за фунт творога 15–17 к., сметана стоила 25 копеек [18, с. 66]. Причина дороговизны продуктов на рынках – это спекуляции перекупщиков, которые на разнице цен на товары зарабатывали большие деньги. Так, например, в базарные дни на дорогах, ведущих в Могилёв, перекупщики под разными предложениями и ухищрениями скупали по низким ценам у крестьян продукты, которые те везли на продажу в город. Затем продукты перепродавались городским жителям намного дороже [19, с. 3]. С перекупщиками и спекулянтами местные власти пытались вести борьбу. В Болхове Орловской губернии благодаря деятельности местной исполнительной власти удалось прекратить деятельность перекупщиков, которые перепродавали продукты с 20–50 % надбавкой [18, с. 66].

Во время войны в качестве меры по сдерживанию роста цен власти стали устанавливать таксы на товары первой необходимости. В начале апреля 1915 г. Могилёвским губернатором были утверждены фиксированные цены на продукты [20, с. 2]. Выше установленных цен торговцы не имели право продавать товары первой необходимости. Но таксировка сдерживала цены не долго. Это была временная мера. Из-за роста издержек на изготовление продукции производители сами просили повысить таксу. Орловские пекари обращались в орловскую городскую управу с ходатайством о повышении цены на выпеченный хлеб [18, с. 66].

В городах создавались комиссии, комитеты, которые занимались организацией закупок продовольствия и предметов первой необходимости для обеспечения населения. В Гомеле 26 марта 1915 г. в городской думе состоялось совещание по вопросу обеспечения города продуктами. На нём присутствовали все члены городской управы, представители уездного дворянства, полиции, медучреждений, ведомств и учреждений, отвечающих за экономику. На совещании решено было просить разрешения Могилёвского губернатора о завозе муки, крупы, мяса и других продуктов первой необходимости из соседних южных губерний [21, с. 3]. Аналогичные совещания по вопросам перевозки топлива, продовольствия, борьбы с дороговизной проходили под председательством губернатора в Орле [22, с. 3].

Эффективно закупки продовольствия и реализацию его впоследствии населению осуществляли власти Гомеля. В начале июня 1915 г. ими было закуплено большое количество сахара и муки. Продовольствие в город было доставлено речным транспортом [23, с. 2]. Через Гомель, как известно, протекает река Сож. Она впадает в Днепр, который протекает по украинским губерниям и впадает в Чёрное море. В период навигации

можно было доставлять продовольствие с юга России пароходами. В сложившейся на тот момент ситуации речной транспорт был хорошей альтернативой загруженной военными грузами железной дороге. Сделанный запас муки и наличие достаточного её количества в городских магазинах способствовало снижению цены. Мешок муки подешевел на 2 рубля. Также стал дешевле и сахар [24, с. 2]. В конце июня, городской управой были закуплены дополнительные объёмы ржаной и пшеничной муки. Она реализовывалась горожанам по 1 пуду в одни руки по цене: ржаная простая по 1 р. 45 к., ржаная отсевная – по 2 р., пшеничная 1 сорта – 2 р. 70 к. [25, с. 2]. Позаботились городские власти и о дополнительных закупках сахара. Было приобретено 1200 пудов по цене 6 р. 30 к. за пуд [26, с. 2]. Управой была установлена отпускная цена в 7 р. 20 к. за пуд, но в одни руки продавалось не более 10 фунтов [27, с. 2]. Создание большого запаса способствовало снижению розничных цен. Оптовые поставщики придерживали сахар с целью продать его подороже, но вынуждены были снижать цены. Они стали реализовывать товар на 70 к. дешевле чем городская управа – по 6 р. 50 к. за пуд [28, с. 3].

Испытывающие затруднения в финансовых средствах города и земства брали для закупки продовольствия займы, которые выдавались по постановлению Особого совещания по продовольственному делу. В Могилёвской губернии Гомельское городское управление взяло 200000 рублей и получило аванс в 100000, Могилёвское – 250000, Рогачёвское – 30000. В Орловской губернии ссуды и авансы были выданы городским управлениям: Орловскому – 80000 рублей, Малоархангельскому и Мценскому по 20000. Земства также по запросу получали ссуды. Быховское земство Могилёвской губернии получило 20000 рублей [5, с. 144–145, 148]. Городская управа Гомеля, получив осенью 1915 г. средства, сделала закупки продуктов: пшеничной муки 36920 пудов на 103945 рублей, ржаной муки 11000 пудов на 21180 рублей, соли 5000 пудов на 1350 рублей, межесетки 2440 пудов на 1756 рублей, коровьего масла 750 пудов на 19500 рублей, перловой и ячневой крупы 1000 пудов на 2945 рублей [5, с. 162]. Такие запасы гарантировали бесперебойное снабжение населения продуктами в осенне-зимний период 1915 года.

Одна из главных причин, которая повлияла на снабжение продовольствием городов и земств – это, возникшие проблемы на транспорте [5, с. 32]. Приоритет в обеспечении всем необходимым, в первую очередь, отдавался армии. Причиной задержек и недопоставок продовольствия в города были военные перевозки и загруженность железнодорож-

ной сети. Транспортировка военных грузов была на первом месте и выросла с 1 % в 1913 г. до 50 % в 1916 г. в общем объёме всех перевозок [9, с. 209]. Приём гражданских грузов станциями был ограничен. Поэтому уже в первой половине 1915 г. в белорусских губерниях стал ощущаться недостаток товаров, привоз которых осуществлялся из внутренних губерний Российской империи [9, с. 269]. Вообще за время войны произошло сокращение гражданского грузопотока на всех железных дорогах. Полескими железными дорогами в 1913 г. было перевезено 228,1 млн. пудов грузов, а в 1915 г. уже только 160 млн. По Риго-Орловской железной дороге было перевезено в 1913 г. 163,2 млн. пудов грузов, а в 1915 г. значительно меньше – 71,4 [9, с. 208]. Именно по этим железнодорожным сетям производился подвоз продовольствия в населённые пункты Могилёвской и Орловской губерний.

Таким образом в уже в 1915 г. населённые пункты Могилёвской и Орловской губерний ощутили недостаток продовольствия. Трудности снабжения были связаны в первую очередь с проблемами на транспорте, главным образом на железной дороге. Приоритет в перевозках отдавался военным грузам, а не гражданским. Увеличившиеся потребности армии в разного рода ресурсах и их перевозка на фронт привели к перегруженности сети железных дорог. Поэтому продовольствие не всегда вовремя подвозилось в города. Нехватка продовольственных товаров в городах была обусловлена сокращением заготовок продукции сельского хозяйства и животноводства в общем по стране. Дефицит продуктов провоцировал рост цен, что отрицательно сказывалось на уровне жизни населения в губерниях.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Хроника. Недостаток крупчатки // Полесский курьер. 1915. 28 января (№ 32).
2. Хроника. Предметы первой необходимости // Полесский курьер. 1915. 17 февраля (№ 48).
3. Корреспонденция. Гор. Горки // Могилёвский вестник. 1915. 27 октября (№ 234).
4. Букалова С.В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономические, организационно-управленческие и общественно-политические аспекты (дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 года): дисс. ... канд. ист. наук, спец. 07.00.02 – отечественная история. Орёл, 2005. 294 с.

5. Обзор деятельности Особого совещания для обсуждения и объединения мероприятий по продовольственному делу 17 августа 1915 г. – 17 февраля 1916 г. / Упр. делами Особого совещания по продовольствию. Пг., 1916. 410 с.

6. Шигалин Г.И. Военная экономика в Первую мировую войну. М.: Воениздат, 1956. 332 с.

7. Хроника. Возрождение мяса // Гомельская копейка. 1915. 1 апреля (№ 659).

8. Хроника. Мясной голод // Полесский курьер. 1915. 3 апреля (№ 83).

9. Экономика Белоруссии в эпоху империализма 1900–1917. Минск: АН БССР, 1963. 422 с.

10. Цеханский М.Ю. Сахарная промышленность и война // Торгово-промышленный мир России: литературно-экономический, финансовый, торгово-промышленный и статистический обзор; под ред. Е.В. Михальского. Пг., 1916. Часть I. С. 30–32.

11. Хроника. Дороговизна сахара // Гомельская копейка. 1915. 22 мая (№ 701).

12. Ковальская Л.М. Дороговизна жизни и борьба с ней. М.: типолит. Рус. т-ва печатного и изд. дела, 1917. 352 с.

13. Хроника. Возрождение муки // Гомельская копейка. 1915. 16 января (№ 604).

14. Хозяйственная жизнь и экономическое положение населения России за первые 9 месяцев войны. Петроград: Типография Редакции периодических изданий Министерства финансов, 1916. 110 с.

15. Симонов Н.В. Сельское хозяйство России в годы Первой мировой войны // Вопросы истории. 1955. №3. С. 60–70.

16. Эканамічная гісторыя Беларусі: вучэбны дапаможнік / пад агул. рэд. В. І. Галубовіча; 2-е выд. дап. і перапрац. Мн.: НКФ «Экаперспектыва», 1995. 432 с.

17. Хроника. Дороговизна продуктов // Полесский курьер. 1915. 23 февраля (№ 52).

18. Белова И.Б. Первая мировая война в российской провинции. 1914 – февраль 1917 г. М.: АИРО-XXI, 2011. 288 с.

19. Местные известия // Могилёвский вестник. 1915. 5 августа (№ 171).

20. Хроника. Утверждение таксы // Полесский курьер. 1915. 7 апреля (№ 86).

21. Хроника. Совещание о дороговизне жизни // Гомельская копейка. 1915. 30 марта (№ 657).

22. Местная жизнь. К борьбе с дороговизной // Орловский вестник. 1915. 10 ноября (№ 261).
23. Хроника. Предметы первой необходимости // Полесский курьер. 1915. 5 июня (№ 131).
24. Хроника. Мука и сахар // Полесский курьер. 1915. 10 июня (№ 136).
25. Хроника. Предметы первой необходимости // Полесский курьер. 1915. 21 июня (№ 147).
26. Хроника. Забота об обывателе // Полесский курьер. 1915. 24 июня (№ 149).
27. Хроника. Сахар // Полесский курьер. 1915. 28 июня (№ 153).
28. М. А. Борьба с дороговизной // Гомельская копейка. 1915. 1 июля (№ 735).

Василенко Василий Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры философии учреждения образования «Могилёвский государственный университет имени А. А. Кулешова» (Республика Беларусь); e-mail: vasilenko06@gambler.ru

Гришин Н. И.

(Россия, Брянский государственный университет)

ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБЩЕСТВЕННЫХ НАСТРОЕНИЙ РОССИЙСКОГО ОБЩЕСТВА В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ (1914–1918) (В КОНТЕКСТЕ ЭКОНОМИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ)

Аннотация: статья посвящена исследованию изменений общественных настроений на фоне перестроения государственной экономики в сторону соответствия требованиям военного времени. В исследовании дается историографический обзор современных исследований, посвященных этой тематике. Также привлечены материалы, отраженные в работах современников тех событий. В статье проводятся статистические данные, позволяющие проследить динамику изменения экономического положения населения и связанные с ним перемены в его отношении к войне.

Ключевые слова: Первая мировая война, общественные настроения, патриотизм, классовые противоречия, стачки.

Участие Российской империи в Первой мировой войне непосредственно отразилось на структуре государственного и характере губернских хозяйств, что выразилось в изменении приоритетных отраслей на те, которые отвечали нуждам военного времени. Удельный вес ключевых отраслей мирного времени резко снизился с началом войны, а, в свою очередь, предприятия тех отраслей, которые обслуживали нужды фронта, выпускавшие боеприпасы и оружие – наоборот увеличили объем выпускаемой продукции. В первую очередь ощутила на себе это негативное влияние – сельскохозяйственная отрасль, поскольку основная часть трудоспособного населения была направлена в ряды армии.

Данное обстоятельство еще больше активизировало те процессы, с которыми было связано усиление социальной дифференциации между различными категориями крестьянства и обострение социальных противоречий. Стоит обратить внимание на напечатанный в газете «Московские губернские ведомости» Приказ по Единому Ведомству от 18 ноября 1914 года № 725, согласно которому отказывающиеся вступать в ряды армии во время войны в месте военных действий подвергались следующим видам взысканий: «лишение всех прав состояния и смертная казнь или ссылка в каторжные работы от четырех до двадцати лет или без срока» [7, с. 2].

Рабочий класс осуществлял целенаправленную борьбу за установление своей власти, изъятие земель, за причастность «непролетарских народных масс» в деле освобождения буржуазной России от военно-феодалного «империализма, царизма» [6, с. 214].

Стоит учесть то, что формирование условий социальной неудовлетворенности крестьян получило начало еще в 1907 г. Как в Российской империи, так и во всем мире происходило подорожание товаров сельскохозяйственной отрасли. Согласно сведениям, представленным британским министерством торговли, считая цены в России в 1900 г. за 1, то по коэффициенту для государства это удорожание происходило в следующей прогрессии: 1907–1908 г. – 1,3; 1909 г. – 1,27; 1910 г. – 1,16; 1911 г. – 1,21 и так далее. Увеличение стоимости на КРС с 1911 года в Петербурге выглядело так: с 1911 г. по 1912 г. цены увеличились на 10 процентов, через год цены поднялись до 11 процентов, а накануне Первой мировой войны повышение составило 18 процентов. В Москве динамика цен была немного меньше – 1912 г. – рост по сравнению с предыдущим годом составил 10,3 процента, 1913 г. – 11,6 процента, 1914 г. 12,7 процента по сравнению с 1912 г. [8, с. 5].

Подобную ситуацию можно увидеть в динамике подорожания мелкого домашнего скота, рыбы, яиц, сахара, мяса, а в 1914 г. произошло значительное подорожание круп, за исключение пшена [2, с. 3-4].

Факторами, повлиявшими на подобный значительный рост сельскохозяйственной продукции, принято связывать с преобразованиями, происходившими в тот период в мировой экономической системе: рост урбанизации, увеличение спроса, промышленное развитие, рост внутригосударственных рынков отдельных стран, уменьшение с/х площадей и трансформация с/х отрасли в сторону интенсификации производства [4, с. 34].

Снижение размеров поставок хлебной продукции в страны Америки и Европы в период, предшествовавший Первой мировой войне, предоставляло российской экономике новые перспективы увеличения поставок своей продукции в эти страны. Благодаря укреплению индустриальной сферы в России установились прочные цены внутри страны, в связи с чем исчезли реальные факторы к резкому удешевлению хлебной продукции в стране. По итогу, курс на рост цен на товары широкого потребления в предвоенное время, учитывая присутствие стабильного производства, стал в большой степени отправной точкой экономического недовольства и выступлений рабочего класса. Движения за экономические права, как правило, что касается истории России, трансформировались в политические, в связи с чем индустриальный рост в предвоенное время сопутствовал значительной активизации пролетарских сил. К примеру, опираясь на сведения общества фабрикантов и заводчиков, в 1912 году в стачках участвовало 1,07 млн. трудящихся, а спустя год их численность увеличилась до 1,185 млн. человек. Используя данные пролетарской печати, количество участников забастовок в 1913 году составила 2 миллиона, а в 1914 году наблюдалось снижение стачечного движения до 1,3 миллионов рабочих.

В мемуарах А. Шляпникова содержатся ценные сведения о развитии промышленности в предвоенный период: «В 1912–1913 гг. наблюдался значительный подъем военной промышленности, заводы имели большое количество заказов, стоял остро вопрос обеспечения рабочей силой. Хорошее состояние рынка металлообрабатывающей промышленности, неослабевающая конъюнктура рынка, обилие заказов – все это, безусловно, послужит причиной формирования новых экономических выступлений рабочих (готовились к войне, предreshенной еще в 1912 г.)... Настоящий 1914 г. не будет спокойным... кроме того наметился новый центр массового стачечного движения – Урал (действующие – Москва и Петроград)» [12, с. 5]. Любое маловажное противоречие, независимо от

условий его возникновения, переходил в проявление социального недовольства. Практически это выражалось в показательном завершении работы на час раньше установленного времени. Популярными методами протеста также были столкновения с представителями правоохранительных структур и митинги. Представители рабочего движения стали устанавливать контакты с солдатами, дислоцирующимися в районах активных рабочих выступлений. Помимо этого, осуществлялась пропагандистская деятельность в лагерях. Немаловажную роль в ней играли женская часть рабочего движения. В рядах солдат часто встречались их земляки, за счет чего осуществлялось формирование родственных связей между солдатами и рабочими предприятий, в связи с чем, возникшие межклассовые отношения солдат и рабочих не давали направлять военных против рабочих. Ослабление напряженности протестного рабочего движения произошло в 1914 г. благодаря началу Мировой войны, но и военное время выступления рабочих имели место быть на довольно значительном уровне.

Стоит взять во внимание, что многочисленные категории населения, такие как, например, крестьяне, хорошо откликались на революционную пропаганду. Прокламации, распространяемые в солдатской среде, как правило содержали призывы к «конфискации помещичьих земель»; В.И. Ленин публиковал воззвания к солдатам в периодическом издании «Социал-демократ»: «Будите крестьян, поднимайте их на восстание против царизма, против помещиков» [5]. В это же время усиливалась социальная напряженность в сельской местности, что было следствием столыпинской аграрной реформы, приведшей к появлению хуторов и отрубов, что в свою очередь обостряло противоречия внутри деревенской среды, выбивало из нее лишившихся земли крестьян, т.е. по сути, отсевало сельскую бедноту. Большая часть выступлений крестьян во время Первой мировой войны была сопряжена с групповыми задержаниями и физическим насилием над протестующими. Большое значение для формирования общественных настроений в деревенской среде этот период имели письма с мест боевых действий и туда же с тыла.

По ходу войны усиливались межклассовые противоречия, опираясь на статистические источники, начальный наплыв беженцев в Москву произошел еще в августе 1914 г., т.е. фактически с началом Первой мировой войны.

Основная волна беженцев на большей части Российского государства произошел во второй половине 1915 г. Основываясь на данных пе-

реписи населения Москвы осенью 1915 г. количество беженцев, попавших под учет в городе, составило 145 тыс. человек. Сокращение рынка рабочей силы из-за призыва населения на фронт, а также рост числа беженцев способствовал падению оплаты труда рабочих. Рост числа беженцев во второй половине 1915 г. привело к тому, что уже в том же году их начали использовать в качестве дешевой рабочей силы, вместе с основной частью рабочих, представленных детьми и женщинами.

Стоит обратить внимание на то, что первоначальный этап войны характеризовал ростом патриотических настроений, усилением шовинистических взглядов, а уже вторая половина 1915 г. была отмечена усилением оппозиционных настроений во всех слоях населения империи. Повстанческие настроения в среде пролетариата, не переставая, усиливались, что было неразрывно связано со снижением оплаты труда в военное время и ростом цен на товары широкого потребления и продукты питания. Недовольство рабочих вызванное этими обстоятельствами находило выражение в забастовках и народных выступлениях. Так, в селе Мамонтове в Саратовской губернии в марте 1916 г. была проведена стачка, в которой принимали участие в большинстве своем подростки и женщины-солдатки. Ими была предпринята попытка разнести мануфактурные магазины в связи с высокими ценами на ситец. После этого в конце июля в селе Самойлове в той же губернии женщины-солдатки опустошили 9 мануфактурных лавок, по итогу был взят под стражу 21 нарушитель [1].

В течение Первой мировой войны происходил значительный рост стачечного движения в стране. По официальным источникам в стачках в 1916 г. участвовало более 951 тыс., а в 1917 г. – более 676 тыс. человек [11, с. 10].

В периодическом издании военного времени под звучным названием «1914 год», печатавшимся с призывом «Борьбы с немецким засильем и возрождение России», отражалось исчезновение патриотического настроения, возмущение широких масс населения разрухой в тылу и его дестабилизацией. Большое негодование в народе возбуждала фраза в телеграммах «без всяких мотивов», которые пришли на смену закону и законности. Анализируя сложное положение в стране в военное время, население делает заключение, согласно которому государственный аппарат и его чиновники не совершили никаких усилий для налаживания контактов с населением страны, единении с ним и его представителями, и, помимо этого, не нормализовали своего отношения к прессе и общественности. В народе происходит усиление недоверия и озлобленности к властям, сопровождаемое дезорганизацией самого общества.

Будет правильным согласиться с теми выводами, к которым пришла в своем научном труде «Патриотические настроения россиян в годы Первой мировой войны», Е.Д. Борщукова. По ее мнению, особенностью патриотических настроений в Российской империи в военное время было проявление членами различных социальных групп верноподданнических чувств, выразившихся в форме преданности народа к политике государства и любви к своей стране, которую символизировали император и его семья. Борщукова считает, что в крайний период войны произошла смена общественных настроений от патриотизма к скепсису и недоверию в правильность политики государства и императора. Патриотические настроения были характерны теперь не для широких народных масс, а для узкого круга людей, которые были представлены зажиточными категориями населения, которые не осуществляли непосредственного участия в военных действиях, а удовлетворял благодаря им свои финансовые и политические интересы [1].

Помимо этого, стоит взять в оборот выводы, к которым пришла другой исследователь рассматриваемой тематики – Е.П. Терешина. В ее исследовании была разработана периодизация изменений общественных настроений в Российском государстве в годы войны. Первый период войны характеризовался стихийным иррациональным патриотизмом присутствующим низам общества. Вместе с ним на базе формирования высшими слоями общества идеи Отечественной войны, стал развиваться осознанный патриотизм, распространенный в большей степени среди образованных категорий общества. Единый патриотический настрой не был характерен для немногочисленных представителей революционной интеллигенции, выступавших против войны, значимости национальных интересов и призыва к защите Отечества, и группы рабочих и крестьян Поволжья, не имевших гражданского самосознания. Сторонники монархического правления отстаивали интересы царя, а либералы и социал-демократы, придерживаясь позиции ведения войны до логического конца, предполагали закономерным установление народовластия, считая, что победа в войне не разделима с победой над реакцией. В связи с этим след за началом работы Госдумы в 1915 г. упрочилась идея, согласно которой довести войну до победного конца можно только в случае организации правительства «народного доверия». Летом 1915 г. – осенью 1916 г. осуществилась перемена в общественных настроениях по отношению к проблемам войны и мира. Осенью 1916 г. произошло изменение общественных взглядов в сторону сближения среди пролетариев и демократического студенчества Поволжья. В конце 1916 – начале 1917 гг. наблюдался массовый стихийный поворот к

справедливому миру в настроении низов общества. Войну считали основным фактором морального разложения общества. Большая часть трудящихся Поволжья являлись оборонцами, но ставила в противовес свое мнение обогащавшейся буржуазии. Широкое распространение получила в то время идея о том, что пролетариат ничего не получит от этой войны. В связи с чем, призывы о ведении войны до достижения победы над врагом воспринимался равнодушно. Патриотические настроения среди либеральных политических сил носили оппозиционный характер по отношению к действующей власти. Происходил рост политических настроений, связанных с революционными стремлениями свергнуть действующий режим с целью победы над врагом. В конце 1916 – начале 1917 гг. у пролетариев желание мира совмещалось с осознанием невозможности его незамедлительного достижения, а отношение к войне находило выражение через митинги и стачки. Последующее разделение общественных настроений по вопросу войны произошло осенью 1917 г., что было связано с невозможностью Временного правительства контролировать ситуацию в стране, и проблема мира решалась в рамках решения вопроса о власти [10].

В исследовании В.В. Журавлева прослеживается довольно интересная мысль о значении событий мировой войны для истории нашего государства: «Для Российской Империи Первая мировая война стала не только предвестником, но и мощным детонатором роковых событий 1917 года. Спровоцированный тяготами этих ненастных лет «девятый вал» революционной волны не остановился на том, что смёл с лица российской земли устои самодержавной власти, ещё несколько лет назад казавшиеся незыблемыми. Он пошёл дальше, круша вековые основы, традиционный уклад как государственной, так и народной жизни. И завершившись в итоге другой войной, ещё более страшной и кровопролитной для страны - войной Гражданской». В данном исследовании В.В. Журавлева в фокусе внимания оказывается характеристика человека рамках военного периода, благодаря чему можно проследить трансформацию его восприятия и отношения к Первой мировой войне [9, с. 43].

Из всего сказанного стоит выделить то, что Первая мировая война послужила катализатором процесса дифференциации крестьянства и способствовала усилению его внутриклассовых противоречий. В то же время сопутствующим этому процессу была растущая пропасть разобщения, отдалившая крестьянство от самодержавия, помещиков и царя. Наибольший урон от войны ощутили на себе наименее экономически защищенные категории населения: середняки и беднота, которые и в мирное время испытывали нехватку средств, что в свою очередь приводило

к росту их недовольства, выражавшееся в стачках, забастовках и прочих формах общественного неповиновения. Факторами, способствовавшими росту классовых противоречий в то время, были: всеобщая мобилизация населения, усиление налогового давления, изъятие государством по низким ценам домашнего скота, нерешенность земельного вопроса и пережитки крепостного режима.

В настоящее время опубликовано большое количество сведений, в которых содержится информация о взглядах разных категорий общества к событиям мировой войны. Исследование введенных в работу в данной статье источников говорит нам о том, что первоначальный этап войны характеризовался значительным ростом патриотических настроений в обществе. В связи с единым патриотическим подъемом населения, «страна была возведена на ту высоту где забываются мелкие и крупные обиды вчерашнего дня, исчезает внутренняя разрозненность и вместе с ней сходит на нет разность интересов слоев населения, партий и национальностей» [3, с. 334]. В общем, события мировой войны происходили на фоне националистических и патриотических настроений. Помимо естественного роста данных общественных настроений, в военный период впервые для разогревания необходимых настроений в обществе использовали СМИ.

В рамках этого аспекта стоит заметить, что, используя печатные средства пропаганды и осуществляя демонстрации и митинги в широких слоях населения распространяли призывы об исполнении долга перед Отечеством, разжигались шовинистские настроения к народам-противникам, что по прошествии времени не прошло незамеченным. К несчастью, результаты Первой мировой войны для Российской империи стали фактором, разрушавшим патриотические настроения в обществе. Население видело в войне способ передела мира, не рассматривая ее справедливой и необходимой. Военное время оказало значительное влияние на трансформацию настроений населения страны – национальные интересы населения получили приоритетный статус по отношению к социальным и индивидуальным, при этом отстаивание национальных интересов выражалось только в насильственных формах. Касаясь этого аспекта, стоит заметить, что подобная враждебность распространялась как на представителей других наций, так и на соотечественников, не придерживавшихся националистических воззрений.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Борщукова Е.Д. Патриотические настроения россиян в годы Первой мировой войны: автореф. ... канд. ист. наук. СПб., 2002.
2. Журнал «1914 год». Наше воскресенье. 1916. № 15. 22 дек.
3. Журнал «Вестник Европы». 1914. № 9.
4. Кондратьев Н.Д. Рынок хлебов и его регулирование во время войны и революции. М.: Новая деревня, 1922.
5. Ленин В.И. О лозунге Соединенных Штатов Европы, Воззвание о войне // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Т. 18. 1929.
6. Ленин В.И. О двух линиях революции // Ленин В.И. Полн. собр. соч. Том 13. 1925.
7. Московские губернские ведомости. 1914. № 102, 24 дек.
8. Мукосеев В.А. Повышение товарных цен. К изучению основных тенденций в развитии современного мирового хозяйства. СПб., 1914.
9. Первая мировая война в оценке современников: власть и российское общество. 1914–1918: в 4 т. Т. 1. Эволюция взглядов / отв. ред. В.В. Журавлев. М.: Полит. энцикл., 2014.
10. Терешина Е.П. Отношение населения Поволжья к первой мировой войне (по материалам периодической печати 1914–1917 гг.). Казань: Казан. гос. ун-т им. В.И. Ульянова-Ленина, 2009.
11. Шестаков А.В. Очерки по сельскому хозяйству и крестьянскому движению в годы войны и перед октябрем 1917 г. Л.: Прибой, 1927.
12. Шляпников А.Г. Канун семнадцатого года / Истпарт. Комис. по истории Окт. рев. и РКП(б). 3-е изд., испр. М. ; Пг.: Гос. изд-во, 1923-1924]. Ч. 1. [1924].

TRANSFORMATION OF PUBLIC MOOD IN RUSSIAN SOCIETY IN THE YEARS OF THE FIRST WORLD WAR (1914-1918) IN THE CONTEXT OF ECONOMIC CHANGES

Abstract: The article is devoted to the study of changes in public attitudes in society against the background of the restructuring of the state economy towards meeting the requirements of wartime. The study provides a historiographic review of modern research on this topic. Also involved are materials reflected in the works of contemporaries of those events. The work contains statistical data that allow tracing the dynamics of changes in the economic situation of the population and related changes in its attitude to the war.

Keywords: World War I, public sentiment, patriotism, class contradictions, strikes.

Гришин Никита Игоревич, аспирант, Брянский государственный университет, Россия, sheensilver777@gmail.com

Grishin Nikita Igorevich, graduate student, Bryansk State University, Russia, sheensilver777@gmail.com

Фельдман А. Д.

(Россия, Брянский государственный университет)

АДАПТАЦИЯ К СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ РЕАЛЬНОСТИ АМЕРИКАНСКИХ СОЛДАТ ВО ВРЕМЯ ВЬЕТНАМСКОГО КОНФЛИКТА (1964–1973 гг.)

Аннотация: Повседневность войны, привносящая новые травматические, драматические и другого рода события в жизнь новобранцев и командования заслуживает отдельного внимания исследователей. Поэтому, в статье рассмотрен процесс адаптации к новой социокультурной реальности на примере американских солдат, воевавших во Вьетнаме (1964–1973 гг.).

Ключевые слова: социокультурная реальность, табуированный опыт, США, Вьетнамский конфликт, адаптация.

Abstract: The everyday life of war, which brings new traumatic, dramatic and other events into the lives of recruits and commanders, deserves special attention of researchers. Therefore, the article considers the process of adaptation to the new socio-cultural reality on the example of American soldiers who fought in Vietnam (1964–1973).

Keywords: socio-cultural reality, taboo experience, the United States, the Vietnam conflict, adaptation.

Под социокультурной реальностью понимаются способы и формы бытия людей, формирующиеся в разных сферах и выявляющие содержание исторического развития. Такая реальность может формироваться в травмирующих событиях, поэтому, в моей работе мы затронем не только процесс и итоги адаптации, но и приобретение социокультурного опыта, попадающих под институциональное табуирование. Мы рассмотрим эти процессы в нескольких формах отношений: солдаты-солдаты, солдаты-командование.

Важным звеном столкновения являются, в первую очередь, солдаты, например, фотограф Паркс Д., служивший во Вьетнаме, описывал процесс своего призыва в армию как «такое ощущение, словно я попал в ловушку».

С этого начинается процесс перехода от мирной жизни к военным действиям, в процессе которых произойдёт мощная трансформация личности в виде ПТСР. Большое внимание в доступных источниках сами авторы обращали на расовый состав армии (об этом часто писал Паркс Д., т.к. он был «цветным»). В то время были снова обостренные отношения между белой расой и цветным, а позже начнется волна отмены сегрегационных законов в США. Это отразилось на межличностных отношениях солдат в частях.

«Они ни на минуту не дают тебе забыть, что ты цветной, а они белые», – заключал Паркс Д.. Проблема состояла в том, что чернокожих, латино- и пуэрториканцев отправляли на тяжелые работы, нагружали вдвойне, чем других: «Работа передового наблюдателя одна из самых трудных и беспокойных. Условия для него неблагоприятные. <...> Назначением на эту работу ведает сержант Паулсон. Пока он выбирает только негров и пуэрториканцев» [3].

Социокультурные контакты между солдатами с различным цветом кожи становились напряжённее. Как мы знаем из источников, цветной не мог дослужиться выше, чем до сержанта, а весь командный состав был белым. К цветным относились как к притворщикам, симулянтам и тому подобное. Они же ссылались на то, что Вьетнам это не их война, потому что: «Это война белых. У чёрного была своя война на Родине» [1]. <...> «Чёрный говорил, что его проблема – белый, а не Вьет Конг. Потому что Вьет Конг никогда не называл его «нигером». К ним обращались «Эй, вы» и это относится ко всем людям, кто не был белыми или другой нации. Частой практикой становилось то, что их отправляли в солдатскую тюрьму Лонг-Бинь. Поэтому, у чернокожих были вполне естественные сомнения, даже больше чем, у белокожих: за что они воюют и кого от кого защищают?

Существует миф в некоторых слоях американского общества, что чернокожих солдат во время Вьетнамской войны было убито намного больше, чем белых, т.к. первые были отправлены в эпицентр конфликта, как пушечное мясо. Но статистика доказывает обратное: из 58 тысяч погибших в процентном соотношении белые составляли 81%, а около 19% – цветные. В категорию цветных входили: чернокожие, коренные американцы (или красношое), латиноамериканцы, азиаты. Число чернокожих погибших составило 7262 человека (12,5%), латиноамериканцев около 3200 (5,5%), коренных американцев 219 – (0,38%), азиатов 343 – (0,59%) [5].

Завершая разговор о взаимоотношениях между американскими солдатами, не стоит забывать о том, что помимо напряжённых отношений внутри частей, командование часто повторяло: «- Убей вьетконговца! Вьет

Конг – это Чарли. А Чарли – это азиат. – Долбил на занятиях строевой сержант. – Это мерзость, отбросы, грязный засранец. Вьет Конг – это женщины и малые дети, начинённые взрывчаткой. Ты не достанешь его - он достанет тебя!» [1] А это показывает не только расово нетерпимые отношения в армии, но и ксенофобию к азиатским врагам.

Касаясь отношения между командованием и солдатами, стоит отметить, что в бою без сомнений взвод действовал слажено и героически, но, когда возникали противоречия между солдатами, сержантами и инструкторами – это приводило к отрицательным последствиям как для одних, так и для вторых. За непослушание или более серьезный проступок военного могли отправить в тюрьму Лонг-Бинь. К примеру, солдат отсидел там полгода «потому что один занудный офицер нашёл мою коллекцию азиатских глаз и зубов, вот и всё» [1]. Он успел собрать три банки с глазами и 24 золотых зуба, когда его застукал командир взвода.

Сержант мог отменить обещанный выходной из-за провинности, некоторые переходили границы и ругались с командованием: «В гробу я видал вашу войну! Вы что, идиот? <...> Конечно-конечно, увидимся, хорошего вам денька, сержант. Вот вам 10 донгов, покормите в зоопарке обезьянок... – сказал я и бросил на его стол монету» [7, р. 265]. Другим примером отношения к солдатам служат слова Паркса Д.: «Они любят задираить и запугивать солдат, особенно нас, негров, когда мы разговариваем с какой-нибудь симпатичной вьетнамской девушкой. Один сержант, его фамилия Паулсон, послал меня чистить уборную, потому что видел, как я болтал с двумя молоденькими вьетнамками» [3]. Однако здесь стоит сделать акцент на то, что он был «цветным», что автоматически не означало хорошего отношения к солдату из-за расовой сегрегации и ксенофобии.

Существовал специальный распорядок в армии, к которому ещё стоило адаптироваться в рамках военного времени и удалённости от дома. А если выдавались выходные дни, досуг был таким: «После четырёх тридцати войны не было. По субботам не воевали. По воскресеньям не воевали. По праздникам не воевали. Да-да, воевали с девяти до пяти» [4]. Что же делали в то время, когда война «заканчивалась»? «А все в городе, пить уехали. Я вам какую-нибудь гражданскую одежду разыщу» [4]. Исходя из этого, можно предполагать, что стандартным досугом после тяжелого дня или боя было выпить пиво и отдохнуть с девушками: А так, как тяжелые дни для солдат были часты, и эти способы досуга были доступны – это рано или поздно привело к проблемам, связанным с неконтрольным потреблением алкоголя или венерическими болезнями.

Ведя войну на другом континенте, военнослужащие нехотя, но отрывались от происходящей действительности. Для того, чтобы восполнить пробелы в происходящих событиях внутри страны и поддерживать связь с домом, командование показывало кинофильмы на военную тематику: «Я пошёл прогуляться и увидел экран, кино показывают. Подошёл поближе – посмотреть, что за кино. Оказалось – Джон Уэйн в "Зелёных беретях"» [4].

Основным источником информации для военнослужащих была и оставалась периодическая печать. Солдаты получали «Stars and stripes» («Звёзды и полосы») – ежедневную газету министерства обороны США. Они считали, что в этой газете было мало новостей, а в «Старз энд страйпс» разве что комиксы про сержанта Майка чего-то стоили» [4], «мало походило на газету. Так, мелкий листок, полный военных новостей – и ничего больше» [1]. Им так же приходили «Чикаго Трибьюн» (англ. *Chicago Tribune* переводится как «Чикагская трибуна»), «Баррингтон Курьер-Ревю» (*Barrington Courier-Review*), но они были не регулярными, так как их доставляли не на самолёте. Бывало, что все номера за один месяц приносили в один день, особенно это касалось «Чикаго Трибьюн», которая была редкостью в руках солдат.

Говоря о табуированном социокультурном опыте, таким стали принятие наркотические веществ и алкоголизм. Обычно, это были каннабиноиды или подобное растительного происхождения, но были часты моменты, где солдаты засветились за «принятием» героина. Наркотрафик времён Вьетнамской войны процветал, чем пользовались вьетконговцы с одной стороны, пытаясь тем самым ослабить противника, а с другой стороны, американцы были сами не прочь выкурить марихуану.

Проблемой это стало тогда, когда солдаты начали бесконтрольно принимать наркотики, перед боем употребляли марихуану («в поле это как часть снаряжения [2]»), чтобы «обострить ум и вызвать адреналин», «травка была моей скрытой силой, единственным утешением в этой лощине». Солдаты чаще всего, попробовав наркотики, подсаживались на них, героин они добывали у тех, кто приезжал из отпусков. Многие сохранили эту привычку и после службы во Вьетнаме.

«Когда бывали перебои с травой, перебои с героином, тогда из-за этого часто друг друга стреляли. Солдаты наркоманили просто в невероятных масштабах», – писала Гейс Смит, медсестра третьего хирургического госпиталя. Так же, она упоминала, что этим «баловались» врачи, санитары, медсёстры, часто она наблюдала героиновою ломку или даже передоз на рабочем месте. Это создавало много проблем, поэтому перед руководством ей приходилось прикрывать их.

Чаще всего душевные переживания солдаты запивали доступным алкоголем, из-за этого начинались проблемы не только с командованием, которое это не терпело, но и после увольнения из армии эта привычка оставалась. Так, Брекк Б., по его словам, после Вьетнама стал «законченным алкоголиком» и всю жизнь боролся всеми способами не только с проявлениями «вьетнамского синдрома», но и алкоголизмом.

Таким образом, социокультурный опыт накапливался в процессе реальной совместной деятельности людей по удовлетворению их групповых и индивидуальных интересов и потребностей, а Вьетнамский конфликт не стал исключением этого. Солдаты, попав в условия военного времени, будучи ксенофобами и расово нетерпимыми по отношению к другим американцам и вьетнамцам, вдали от дома должны были адаптироваться к реальным обстоятельствам. Это не у всех вышло, так как кроме 58.000 погибших [6, р. 59], по оценкам The Boston Globe от 500.000 до 1,5 млн. было подвергнуто ПТРС, а часть из них уже имели наркотические и алкогольные проблемы, приобретённые во время конфликта.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Брекк Б. Вьетнамский кошмар / Перевод К. Бокова. М. Эксмо, 2008. [Электронный ресурс] URL: http://militera.lib.ru/memo/usa/brekke_b01/index.html (дата обращения 07.04.2020).
2. Джованитти Л. Кавалер ордена Почета / Пер. с английского П. Н. Видуэцкого. [Электронный ресурс], URL: <http://militera.lib.ru/memo/usa/giovanitti/index.html> (дата обращения 07.04.2020).
3. Паркс Д. Дневник американского солдата / Перевод с английского П.И. Качура. М. Воениздат. 1972. [Электронный ресурс] URL: http://militera.lib.ru/db/parks_d/index.html (дата обращения 07.04.2020).
4. Сантоли Ал. Всё, что у нас было. [Электронный ресурс] // URL: http://artofwar.ru/f/filippenko_a_w/text_0400.shtml (дата обращения 07.04.2020).
5. American War Library. Vietnam War Casualties by Race, Ethnicity and Natl Origin. [Электронный ресурс] URL: <https://www.americanwarlibrary.com/vietnam/vwc10.htm> (дата обращения: 15.02.2020).
6. Kovic R. Born on the Fourth of July. New York: Pocket Books. 1977. P. 112.
7. Moore H., Galloway J. We were soldiers once – and young: Ia Drang, the battle that changed the war in Vietnam. New York, NY: Open Road Integrated Media. 2012. 480 p.

Сведения об авторе:

Фельдман Анастасия Дмитриевна, магистрант факультета истории и международных отношений, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского, 241036 г. Брянск, ул. Бежицкая, 14. Россия. E-mail: ru_nasty00@mail.ru

РАЗДЕЛ III
РЕЦЕНЗИИ. КРИТИКА. БИБЛИОГРАФИЯ

Су Юй-ци

(Тайвань. Санкт-Петербургский государственный университет)

THE LIFE OF A RUSSIAN SINOLOGIST: IVAN ZAHAROV

Abstract: The article examines the life experiences of a Russian sinologist – Ivan Zaharov, by using Russian and Chinese historical documents and materials. The life of Ivan Zaharov can be divided into three parts: ten years learning Chinese and Manchu language in Beijing, fourteen years being a consul in Ili, Xinjiang, and the later years in Saint Petersburg. Through the analysis of this article, we will be able to understand the personal image of Zaharov and the impact of his experience in China on Sino-Russian relations.

Key words: Ivan Zaharov, Russian Orthodox Mission in Beijing, Manchu study, Russian sinology

Ivan Zaharov (Иван Ильич Захаров, 1814–1885) was born in Voronezh, Russian Empire. He was a son of the sexton, and he received education at the Voronezh Orthodox Seminary and the St. Petersburg Theological Seminary. After his graduation, he went to Beijing as a student with the 12th Russian Orthodox Mission [1, p. 30].

I. Ten years in Beijing (1840–1849)

In 1839, the 12th Russian Orthodox Mission departed from the Russian Empire and arrived in Beijing in the following year. Zaharov came to Beijing with the Mission as a student to study Manchu and Chinese languages. Regarding his life in Beijing, I haven't seen his records about it. However, through the memoirs of his fellow member and friend V.P. Vasiliev (Василий Певлович Васильев, 1818-1900), we can get a glimpse into it:

Secular members who were committed to seeking knowledge had to endure tremendous difficulties. In the best ten years of their lives, they stayed behind closed doors of the house and obeyed the orders of their superiors, even though they were often enemies of academic education. In these ten years, apart from the Russians who came with the Mission (the Chinese required no more than ten people), there was no chances to see a European or a Russian at all [2, p. 94].

Secular members like Vasiliev and Zaharov took responsibility for learning Manchu and Chinese languages. Their actions had been limited to the base of the Mission for a long time, and they felt so depressed. As the Russian government assigned the Missions to collect information about China and the Chinese people and other tasks, the members broke through the above restrictions and sought opportunities to explore the new world. At the same time, Zaharov learned the Manchu and Chinese languages very hard, and he actively built up his social network. He made friends with Chinese and Manchus who were studying Russian in the E-lo-ssu Wen Kuan (俄羅斯文館). He also learned about Manchu and Chinese culture from these people [3, p. 12-13]. In 1849, the famous Russian traveler and writer Kovalevskij (Егор Петрович Ковалевский, 1809–1868) arrived in Beijing with the 13th Russian Orthodox Mission (1849–1859). He asked Zaharov to guide him around Beijing city. Zaharov provided him with some interesting news and information related to Beijing, which were kept in his travel notes [2, p. 98].

It is not easy for a traveler to quickly understand and write about the local people and culture, so Kovalevskij must find someone who understands the local language and people. Zaharov was just such a “China hand.” While collecting materials for his book, Kovalevskij recorded Zaharov’s experience in Beijing, and finally completed the famous *Travel to China*^h Russian Orthodox Mission left Beijing for Russia.

Zaharov’s Manchu and Chinese language skills continued to improve during the ten years in Beijing. Vasiliev once said: “If Zaharov learned only one Manchu language, then he would never become a great orientalist [2, p. 95].” With the expansion of his social network, he could have the situation of China well in hand. These were very helpful for him to be a consul in Xinjiang and to negotiate with the officials of the Qing empire in the following years. Besides, when compiling the *Complete Manchu-Russian Dictionary* in the future, his life experience in Beijing had also become an important element. Zaharov added his personal knowledge and experience as interpreting the vocabulary in the dictionary. In this way, the *Complete Manchu-Russian Dictionary* can be seen as a unique work among the *Manchu-Russian Dictionaries*.

II. Return to China: A Russian consul in Ili, Xinjiang (1851-1864)

In 1851, Zaharov and A. A. Tatarinov (Александр Алексеевич Татаринов, 1817-1886), who had lived in Beijing for ten years, went to China again. They joined Kovalevskij as interpreters to participate in the negotiation of the *Treaty of Kulja* (Кульджинский трактат) [2, p. 98-99]. In the same year, Zaharov was appointed by the Ministry of Foreign Affairs as the first

Russian consul in Ili, Xinjiang, and Tatarinov was appointed as the consul in Tarbagatai. Zaharov and Tatarinov were the first Russian consuls, who understood the situation of the Qing dynasty and could speak in Manchu and Chinese, worked on the border of China. Both consuls were the best choices for being familiar with Chinese affairs. And what were the tasks of the consuls? According to Vasiliev's memoir, we can roughly understand the work of Zaharov and Tatarinov as follows:

To be able to inspire respect; to be able to get along with the Chinese authorities, without irritating, but not yielding, to protect the interests without violating justice, not showing greed, in which the Chinese reproached all foreigners, to keep the decency of Russian merchants, who at first were made out of the rabbles, within the borders... [2, p. 99]

Zaharov was not born in the High society, however, he got the ability that the general Russian diplomats did not possess — to be able to deal with Chinese in Manchu and Chinese languages. During his tenure as the consul in Ili, his tactics were tough but fair and eased the relations between the Qing empire and the Russian Empire. Under the stable relationship, the trade between the two countries proceeded smoothly, and the Russian businessmen were fully protected [2, p. 100].

In 1855, the Chinese residents living at the border crossed the border to mine for gold, and they were repeatedly driven by the Russians. The border residents were forced to survive and dig stealthily again and again. In the end, the Russians took tough measures and forced them to leave. Seeing that it was difficult to survive, these residents of Tarbagatai planned to burn down the Russian factory buildings in the Tarbagatai trading area and loot the goods. After several years of negotiations between the two parties, Zaharov and the Qing empire concluded a compensation treaty in 1858, and the Russian demanded 200,000 rubles from the Qing government. During the negotiations, the General of Ili Zhalafentai (札拉芬泰) said: “The consul (Zaharov) had lived in the E-lo-ssu Kuan for a long time, and he is familiar with the situation in China [5, p. 295].” He confirmed that Zaharov's long stay in Beijing enabled him to grasp the situation in China. Relying on the advantage, he mediated with the Qing government and completed the task. He confirmed that the experience of ten years in Beijing enabled him to grasp the situation in China. Relying on the advantage, he mediated with the Qing government and completed the task. After solving the Tarbagatai trade area incident, Zaharov was rewarded and promoted to consul general. The Tarbagatai incident may be seen as an opportunity for Russia and the Qing court to define the northwest extent

of their border that has not been determined since the Sino-Russian *Convention of Peking* was signed in 1860.

In October 1860, the British and French armies entered Beijing. The Russian ambassador to China N. P. Ignatyev (Николай Павлович Игнатьев, 1832-1908) recommended himself to Prince Gong Yixin (奕訢, 1833-1898) to mediate the two parties. However, the condition for Ignatyev's assistance in mediation was to require the Qing government to meet the land requirements of Russia. Yixin had known that the purpose of Ignatyev's mediation was to languish from the land. Forced to hope that Ignatyev would drive the coalition forces out of Beijing, Yixin had no choice but to agree to his request. Under Ignatyev's mediation, Yixin was forced to accept most of the demands of Britain and France. They signed the Sino-British.

Convention of Peking and the Sino-French *Convention of Peking* on October 24 and 25, 1860, respectively. After the withdrawal of the coalition forces, Ignatyev proposed that because of his merits in mediation, he asked to sign a contract with the Qing government. On 14th November, the two sides signed the Sino-Russian *Convention of Peking*. The second item contained:

From now on, the undetermined western border between the two countries should follow the direction of the mountains, the flow of large rivers, and the lines of the existing Chinese pickets (Karun, 卡倫). From the end of the boundary sign of Sabinda Baha (沙賓達巴哈) established in the 6th year of the Yongzheng period (1728) to the Lake Zaysan in the west; from the north to the southwest, along with the Temuertunaoer (特穆爾圖淖爾, Issyk-Kul) of the Tianshan (天山), and to the border of Kokand (浩罕) in the south—the new border [6, p. 330].

According to the *Convention*, the border between the two countries was defined by the lines of the existing Chinese pickets, and lake Zaysan and the Temuertunaoer were the border lakes. This provided the Russian Empire with a basis of the treaty for occupying the northwestern frontier of China. It must be pointed out that many permanent pickets weren't set on the borderlines. The agreement allowed the Russians to cross the original Sino-Russian border and deepen and get deeper into the Chinese territory [7, p. 84]. The third item contained that the two countries should send their officials to investigate and define the border between Sabinda Baha and Kokand in the west and establish the boundary signs [6, p. 330].

In 1862, the negotiations between China and Russia on the demarcation of the border between these two countries began, and Zaharov and I. F. Babkov (Иван Фёдорович Бабков, 1827-1905) were appointed as representatives of

the Russian Empire for the demarcation of the border. They negotiated with the Chinese representative, the General of Uliyasutai Ming Yi (明誼) on the issue of whether to take the permanent pickets of China as the border and the attribution of the Kazakhs, the Bulutes. After several rounds of discussion, the two sides still could not reach a consensus. During the negotiations, Zaharov and other Russian representatives were too angry to continue the negotiations and left Tarbagatai. Subsequently, the Russians sent troops to several pickets on the Chinese border and clashed with the Chinese garrison. They intended to intimidate the Qing government by force and make them back down on the negotiation issues. Prince Gong Yixin protested to the ambassadors of Russia to Beijing against the Russian army's invasion of the pickets, and he requested the Russians to withdraw their troops, but to no avail. In addition, the Qing government was trying its best to deal with the Taiping Rebellion (1851-1864). The Qing government was too exhausted to deal with Russia in a long term. Thus, it wanted to finish the matter quickly and ordered Ming Yi to make a contract according to Russia's requirements.

In 1863, the Qing government sent many letters to ask the Russian Empire to resume negotiations and complete the demarcation of their border as soon as possible. However, the Russian Empire refused to restart it unconditionally. During the period from March to July, the Russian army entered the areas of Tarbagatai, Zaisan Lake, Issyk-Kul, Ili, and other places.

In May, the Russian army shelled the area around Boluohujier pickets (博羅胡吉爾卡倫). On the other hand, there was even unrest among the Muslims in Xinjiang. Both Urumqi and Ili were in a dangerous situation [7; 8]. Under the pressure of events, the Qing government decided to accept Russia's request for demarcation of the border as soon as possible to avoid provocation. After receiving the note, Babkov and Zaharov came to Tarbagatai in August and prepared to make a contract. However, the Chinese commissioners for surveying and demarcation did not arrive in time, and the Russian representatives decided to return. Thus, the treaty was not completed.

In September 1864, Zaharov and Babkov arrived in Tarbagatai again to sign the treaty. Due to constant internal problems, the General of Ili Chang Qing (常清) informed Ming Yi that "he was allowed to handle this case properly according to the requests of the Russians, and close the case as early as possible, to eliminate the provocation [6, p. 2848]." Ming Yi once reported on the progress of the meeting. The report pointed out that Zaharov and others said: "Now that we read the documents you drafted, and found that you didn't define the border as we asked. We have no choice but to get up and return to

our country to lead our troops to occupy these places [6, p. 2889].” During the meeting, Zaharov “not only asked about the unrest among the Muslims in the west region of our country but also dared to claim that he will use military force at every turn. He was wanton and tyrannical [6, p. 2890-2891].” It showed his aggressive side. In addition to his tough attitude, Zaharov had a gentle and soft side. From the following quotation, we can see that Zaharov’s negotiation skills were quite good. On the one hand, he promised a stable life for the people, and on the other hand, he also strongly defended the interests of Russia:

Now that we are here to exchange the treaties. People who used to live on the land of our country should be classified as our belongings along with the land. We will follow the note presented by the Zongli Yamen last year, and make them live and work in peace as usual, so no one of them will be displaced. If this is not feasible, we will return to Russia immediately and send troops to guard the borders [6, p. 2890].

As a representative of the Russian Empire, Zaharov took a hard, uncompromising attitude. The representative of the Qing empire Ming Yi and others had to “reason with the Russians, from the noon to the evening, until they were blue in the face [6, p. 2890].” Apparently, Zaharov met all the standards of being a consul, which were pointed out by Vasiliev.

On 7th October, the Qing China and the Russian Empire signed the *Treaty of Tarbagatai* (《塔城界約》, also known as 《中俄勘分西北界約記》). The border protocol stipulated that the northwestern border between China and Russia starts from the boundary sign of Sabina Baha, goes along the mountains, rivers, and pickets, extends to the west and south areas, and ends at the border of Kokand [6, p. 2902-2913]. The Zaisan Lake, Lake Balkhash, and Issyk-Kul that belonged to China were all classified as belonging to Russia, and people who lived here as herdsmen, such as the Kazakhs, the Bulutes, and other tribes, were also classified under the rule of the Russian Empire [8, p.186]. By the agreement, the Russian Empire gained about 440,000 square miles of territory. At that point, the northwestern border between the Qing empire and the Russian Empire had been roughly determined.

The Map of the border between the northwestern border of the Qing Dynasty and the Russian Empire (《大清國西北界與俄羅斯國交址地里圖》) of the National Palace Museum, which was deposited by the Ministry of Foreign Affairs, is the demarcation map drawn according to the *Treaty of Tarbagatai*. There are no original autographs of Ming Yi, Zaharov, and Babkov, who were the representatives of the Qing empire and the Russian Empire. Thus,

it should be a redrawn map based on the original map of the Sino-Russian border drawn according to the *Treaty of Tarbagatai* [9, p.16-17]. From this redraw map, we can see that there are the names of the representatives writing in Chinese, and a red line starts from Sabinda Baha in the north, and it extends to the southwest to the Congling area (Pamir Mountains), marking the new Sino-Russian border.

Fig. 1 Map of the border between the northwestern border of the Qing Dynasty and the Russian Empire (〈大清國西北界與俄羅斯國交址地里〉 (1864.9)

National Palace Museum, Document Number: 910000184

Deposited by the Ministry of Foreign Affairs

Partial enlarged view: The representative of the Qing empire is Ming Yi. The the representative of the Russian Empire are Zaharov (雜哈勞) and Babkov (巴布闊福).

In the book *Memories of my service in Western Siberia. 1859-1875* (Воспоминания о моей службе в Западной Сибири. 1859-1875 г.), Babkov made a detailed record of the condition that he and Zaharov signed a contract with the Chinese officials in Tarbagatai. It is worth noting that we can get a glimpse of Zaharov's image through this memoir:

Here in this remote border area of the Russian Empire, at the threshold of the Chinese border, I met I. I. Zaharov for the first time, who has already enjoyed the reputation of being a sinologist in our country. In front of me was a man of medium build, solid, short, and strong, who was apparently in a strong and healthy state. His tanned face, with a pair of intelligent and penetrating eyes, aroused a sense of trust. Although, if you look closely at this pair of eyes, you can't help but see that they are delicate, which can be said to be diplomatic. Zaharov has lived in China for twenty years. It seemed that this has had a strong influence on him and left an imprint on him. His posture, demeanor, movement and gait — all of these had shown him as a purebred Chinese dressing in a European costume [10, p. 184].

In his memoir, Babkov specifically mentioned that Zaharov had lived in China for a long time. He stayed in Beijing with the Mission for ten years, and he served as a Russian consul in Ili for fourteen years, which made him behave like a Chinese. Whether Zaharov did this deliberately to earn the trust of the Chinese people, or he was exactly influenced by Chinese culture, he had shown a thorough understanding of China, from the postures, demeanors, movements, gaits, to speaking in the Manchu and Chinese language. In addition, we can also see that Babkov praised Zaharov for his perfect mastery of

the Manchu language, using it to understand China, and doing his best to defend the interests of Russia:

I. I. Zaharov perfectly knew the Chinese language, and especially the Manchu language, and he had mastered them completely. Linguistic competence, as everyone knows, is a powerful tool for studying a country and its inhabitants. It enabled Zaharov to understand China comprehensively, especially the western provinces of China. As a Consul General in Ghulja (Yining), who sustained difficulty and huge responsibilities, I. I. Zaharov has sacredly defended Russia's dignity throughout his tenure there [10, p. 184].

During his time as a Consul and the Consul General of Ili, Zaharov played the role of a diplomat defending the rights and interests of Russia. Babkov regarded him as a “skilled and talented diplomat in Chinese affairs [10, 184].” Through the superior language proficiency in Manchu and Chinese, Zaharov was able to use them to benefit the Russian businessmen in the Northwest area of China, to sign a boundary treaty with the Qing government on behalf of Russia, and to gain 440,000 square miles of territory for Russia. Zaharov gloriously completed the tasks assigned by the Russian government.

III. The later years: a translator of the Ministry of Foreign Affairs and a professor of Manchu language at the Saint Petersburg Imperial University (1864-1885)

After Zaharov returned to Russia, he ushered in a relatively stable career in the civil service. Since June 1864, Zaharov had stayed in St. Petersburg and served as the fifth-class dragoman at the Ministry of Foreign Affairs. It was at this period that Zaharov began to compile his *Complete Manchu-Russian Dictionary* [2, p. 108]. But the work as a dragoman lasted less than two years. In February 1866, the Ministry of Foreign Affairs sacked the redundant personnel. Those who were dismissed at that time included a group of experts in Oriental languages, such as the former consul in Tarbagatai Tatarinov, the consul in Japan Goshkevich (Иосиф Антонович Гощкевич, 1814-1875), and the Georgian dragoman Professor Chubinov (Давид Иессеевич Чубинашвили (Чубинов), 1814-1891) [2, p. 106].

In the autumn of 1868, at the invitation of his friend Vasiliev, Zaharov entered the Department of Chinese Literature, Faculty of Oriental Languages at the Saint Petersburg Imperial University to teach the Manchu language. In the classes, Zaharov organized different teaching materials for students of different stages and provided practical translation training at different levels. When teaching Manchu grammar to first-year students, he used *Qing Wen Qi Meng* (《清文啟蒙》) and the notes he took when studying Manchu in Beijing; for second-year students, he chose the articles in Vasiliev's *Selected works*

in *Manchu Languages* to practice translation from Manchu to Russian, which was much more difficult. Zaharov selected several paragraphs from the *Manchu Romance of the Western Chamber* (《西廂記》), *Da Qing Huidian* (《大清會典》), *Yu Zhi Sheng Jing Fu* (《御製盛京賦》) and *Zizhi Tongjian Gangmu* (《資治通鑑綱目》) for the third and fourth-grade students to train the translation. Also, he asked these senior students to translate the Russian diplomatic documents [11, p.114]. We can see from the arrangement of teaching materials that Zaharov used materials from simple to advanced, from literary works to the official documents in his teaching, which reflected Zaharov's attempt to cultivate talents in the Manchu language.

In addition to work of teaching, Zaharov published the *Complete Manchu-Russian Dictionary* in 1875. With the publication of the dictionary, Zaharov became well-known in the Russian academic circles, and the Faculty of Oriental Languages of the Saint Petersburg Imperial University awarded him a doctorate without oral defenses [11, p.114]. Today, the *Complete Manchu-Russian Dictionary* is still a necessary reference material for learning the Manchu language and reading Manchu documents. In 1879, another work *A Grammar of Manchu* (Грамматика маньчжурского языка) was published. He referred to the *Da Qing Quan Shu* (《大清全書》), *Qing Wen Bei Kao* (《清文備考》), *Qing Wen Qi Meng* (《清文啟蒙》), and *San He Bian Lan* (《三合便覽》). The book is as important as the *Complete Manchu-Russian Dictionary* [12, p. II-V]. T. A. Pang has pointed out: “Until now, *A Grammar of Manchu* is the only Manchu grammar textbook written in Russian and still in use [13, p.125].” In addition to the above two works, his friend Vasiliev once mentioned that Zaharov passed away suddenly when he was about to complete his important work—the *Chinese-Manchu-Russian Dictionary* (Китайско-Маньчжурско-Русский лексикон), so it remained unfinished [2, p. 109-110].

Among the Russian professors in the 19th century, Zaharov was the last scholars of the Manchu studies that started their academic research in Beijing. Afterward, the scholars of the Manchu studies were trained in the Faculty of Oriental Languages at the Saint Petersburg Imperial University, other academic institutions, Consul's schools, and other colleges, or in diplomatic occasions [13, p. 125]. Therefore, Zaharov's studying experience in Beijing and serving as a consul in Xinjiang had added uniqueness to his teaching and the compilation of the *Complete Manchu-Russian Dictionary*, which opened the door for future generations to understand the Manchu language and the Chinese culture.

References

1. Chinese Academy of Science. A Handbook of the Chinese Studies in the Russian Empire and the Soviet Union (Vol. 1). Beijing: China Social Sciences Press, 1986. 1069 p.
2. Vasiliev V. P. Remembrance of I. I. Zaharov // Journal of the Ministry of National Education, Sec. 242, Saint Petersburg: Tipografija V. S. Balashev, 1885. p. 94-110.
3. Vasiliev V. P., Minaev I. P. Reviews of the members V. P. Vasiliev and I. P. Minaev on the work of I. I. Zaharov, a member of staff, professor of the Imperial St. Petersburg University «Complete Manchu-Russian Dictionary» // «Report of the Imperial Russian Geographical Society for 1877» . St. Petersburg, 1878. Appendix I. p.5-15.
4. Kovalevskij E.P. Travel to China. St. Petersburg: Tipografija Koroleva i K°, 1853. Vol. 2. 213 p.
5. Institute of Ming and Qing Archival Research in the Palace Museum. Selected Historical Documents on Sino-Russian Relations in the Qing Dynasty. Part 3, Vol. 1. Beijing: Zhonghua Book Company, 1979.
6. (Qing) Bao Yun, et al. Foreign affairs in their entirety (Tongzhi Dynasty) // Editor-in-chief by Shen Yun-Long, Series of the Historical Materials in Modern China. No. 62. Taipei: Wen Hai Publishing House, 1966.
7. Fan Mingfang. The demarcation of the Sino-Russian border in the west in the 1860s // Historical Archives. 2007. No. 2. p. 80-86.
8. Chen Wei-Hsing. The Negotiations on the Sino-Russian Ili Border during the Tongzhi and Guangxu Periods: Taking the Treaties and Border Maps between China and Russia as Examples // The National Palace Museum Research Quarterly. 2009. Vol. 27, No. 1. p. 179-225.
9. Chen Wei-Hsing, et al. The Lost Territory: Special Exhibition of Maps of the Northwest Border under Transition of the Treaties in the Qing Dynasty. Taipei: National Palace Museum, 2010. 113 p.
10. Babkov I. F. Memories of my service in Western Siberia. 1859-1875. Saint Petersburg: Tipografija of V. F. Kirshbaum, 1912. 575 p.
11. Yan Godaong. Three Hundred Years of Russian Sinology. Beijing: Xue Yuan Chubanshe, 2007. 220 p.
12. Zakharov I. I. A Grammar of Manchu. Forkestone: Global Oriental, 2010. 322 p.
13. Pan T. A. Learning the Manchu language in the Orthodox Mission in Beijing // The Orthodoxy in the Far East — 275th Anniversary of the

Russian Orthodox Mission in China. Saint Petersburg: Andreev and sons, 1993. p. 119-126.

Су Юй-ци, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, st082507@student.spbu.ru

Su Yu-chi, postgraduate student, Saint Petersburg State University, Russia, st082507@student.spbu.ru

Токарева Ю. А.

(Россия. Санкт-Петербургский государственный университет)

**ОПИСАНИЕ БЫТА МАЛЫХ НАРОДОВ
ЗАПАДНОЙ СИБИРИ
ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА
В РАБОТАХ МИССИОНЕРА П.А. ПОПОВА**

Аннотация: в статье дается характеристика «Очерка быта инородцев Березовского округа» и «Рапорта протоиерея П. Попова с обозрением Обдорского края», принадлежавших авторству миссионера П. А. Попова, способствовавшего развитию миссионерской деятельности среди народов Западной Сибири (хантов, ненцев и др.) во второй половине XIX века. Анализ представленных материалов позволяет выявить предложенную П.А. Поповым классификацию коренного населения Березовского уезда Тобольской губернии, состоящую из нескольких групп в соответствии с их образом жизни, тем самым способствуя расширению понимания быта малых народов Западной Сибири в указанный хронологический период.

Ключевые слова: ханты, ненцы, миссионерство, этнография, П. А. Попов, Обдорск

Петр Александрович Попов является одним из значительнейших миссионеров XIX века, который внес большой вклад в становление и развитие миссионерской деятельности в Западной Сибири. Он родился в семье священника в 1825 г., окончил обучение в Тобольской духовной семинарии и был рукоположен в сан священника в 1846 г. [5, с. 176]. В период с 1854 по 1868 годы П.А. Попов являлся настоятелем Обдорской духовной миссии [4, с. 249–250]. Кроме того, его авторству принадлежит «Остяцко-самоедский словарь», за составление которого в 1872 г. Святейший Синод возвел П.А. Попова в сан протоиерея [4, с. 250]. В состав словаря входило более 5000

слов на данных языках [5, с. 179]. В 1887 г. П.А. Попов составил перевод «Евангелия от Матфея» на остяцкий язык [4, с. 251]. После завершения своей деятельности в Обдорской миссии он служил в Иоанно-Введенском женском монастыре, затем являлся настоятеля прихода при Воскресенском храме в Тобольске вплоть до своей смерти в 1888 г.

Его руке принадлежит ряд источников, не введенных в широкий научный оборот, в которых можно найти ценные сведения о быте малых народов Западной Сибири. Так, в «Очерке быта инородцев Березовского округа» П.А. Попов предлагает классификацию коренного населения Березовского уезда Тобольской губернии, включавшую в себя три группы в соответствии с их образом жизни [2, с. 170–179].

К «кинородам», ведущим полуоседлый образ жизни, он относил остяков¹, которые проживали «по реке Оби в Сургутском и Кондинском участках и по Иртышу от селения Уватского до Самаровского²» [2, с. 172]. Из цитаты следует, что священнослужитель причислял к данной группе представителей коренного населения, территориально обитавшего не только в Березовском уезде, но и в Сургутском уезде Тобольской губернии. Вероятно, это объясняется тем, что очерк был написан автором до 1868 г., когда территория Сургутского уезда находилась в составе Березовского уезда Тобольской губернии [1, с. 7]. Только в указанном году был образован самостоятельный Сургутский уезд. Однако при этом точная дата написания очерка не известна.

П.А. Попов считал, что на быт данной группы «инородцев» влияли русские крестьяне. В доказательство этого, он подчеркивал, что остяки, проживавшие на указанной территории, имели домашний скот: лошадей, коров, частично овец; их дома были похожи на крестьянские избы, но в них, по мнению автора, было очень грязно [2, с. 172]. Основой хозяйственной деятельности остяков являлись скотоводство и рыболовство, также они занимались охотой и собирательством кедровых орехов и ягод.

Ко второй группе, ведущей кочевой образ жизни, П.А. Попов причислял остяков, обитавших при реке Вах и другим «в Сургутском участке» (территории Сургутского уезда), по Сосье и другим рекам в Кондинской волости Березовского уезда, а также по Оби от Березова до Обдорска³ и реке Сыня [2, с. 172]. Их быт автор характеризовал следующим образом. Зимой они жили в юртах небольшими поселениями. При

¹ Устаревшее название хантов, кетов, югов, селькупов.

² В настоящее время – Ханты-Мансийск.

³ В настоящее время – Салехард.

наступлении весны остяки отправлялись «на рыбопромышленные места, отстоящие иногда на сотни верст, проезжая с одного места на другое в течение лета по несколько раз и перевозя с собой всю семью, домашние и промысловые принадлежности и самый дом», состоящий из нескольких полотен бересты и тонких шестов [2, с. 172]. По мнению П. А. Попова, неопрятность и грязь очень часто встречалась в таких домах [2, с. 172]. После окончания летнего промысла, обычно в конце августа, «инородцы» возвращались в зимние юрты, откуда «владеющие луком» расходились «в леса для промысла белки и других зверей, оставляя дома семейства», а другие оставались «дома для ловли рыбы зимой» [2, с. 173]. К декабрю те, кто занимались охотой, возвращались в свои жилища для сдачи ясака. По сведениям автора, среди представителей данной группы были распространены сифилис и болезнь, похожая на проказу [2, с. 173].

По классификации П.А. Попова, третья группа «инородцев» вела бродячий образ жизни. К ней принадлежали остяки, живущие около и к северу от Обдорска, и самоеды¹, обитавшие «по тундрам Уральского хребта и тундрам между Обской, Тазовской и Енисейской губами» [2, с. 173]. Из описания, представленного в очерке, следует, что остяки и самоеды указанной группы на протяжении лета кочевали около берегов Северного Ледовитого океана, рек и озер, находящихся на территории тундр, «занимаясь при пастьбе оленей промыслом морского зверя, как то, моржей, тюленей, белых медведей, а по рекам и озерам рыбы, а также в тундрах и ловлей песцов и лисиц» [2, с. 173]. С начала августа и прихода холодов они направлялись на юг, к более лесным местам, где ловили пушных зверей. Из этих мест «инородцы» двигались к русским поселениям – Обдорску, Сургуту и другим, расположенным на берегах Оби, где они сдавали ясак и меняли пушнину и прочие добытые вещи (перо и пух перелетных птиц, жир и кожи морских зверей) на хлеб и другие необходимые для жизни предметы (например, топоры). Затем в течение февраля, марта, апреля и мая со стадами и имуществом они возвращались в места летних кочевий, где июнь и июль они снова кочевали и затем обратно шли на юг [2, с. 173]. Автор отмечал губительность вина (алкоголя) как для самоедов указанной группы, так и для всех «инородцев» региона [2, с. 174].

Заключительная часть очерка посвящена истории распространения христианства среди коренного населения Березовского уезда Тобольской

¹ Единое название малочисленных народов Сибири, таких как ненцев, энцев, нганасан, селькупов.

губернии. П.А. Попов писал, что абсолютное большинство остяков, обитавших по Оби и ее притокам до Обдорска, а также по Иртышу с его притоками, являлись номинально христианами, при этом не более двух тысяч из них были язычниками; самоеды же, за редким исключением, были язычниками [2, с. 174–175]. Он упоминал о большом вкладе в дело распространения православия среди остяков в XVIII веке митрополита Сибирского и Тобольского Филофея (Лещинского). Однако при этом автор подчеркивал, что между остяками сохранилось предание, согласно которому «посылаемые чиновники и казаки из Березова для сбора ясака привозили с собой священников, которые крестили желавших принять крещение» [2, с. 175]. По этой причине, по мнению священнослужителя, было неудивительно, что среди многих «инородцев» христианство было распространено лишь на бумаге (в исповедных росписях), и язычество сохраняло свою силу среди коренного населения даже на момент второй половины XIX века. Так, П.А. Попов был обеспокоен проведением остяками обрядов жертвоприношений животных в особых священных местах у идолов, олицетворяющих различных духов.

Другим источником нашей работы является рапорт П.А. Попова епископу Тобольскому и Сибирскому Авраамии, датированный от 8 октября 1886 г., целью которого являлось обозрение протоиереем деятельности Обдорской духовной миссии по указу Тобольской духовной консистории от 5 июля 1886 г. [2, с. 164–170]. Однако рассмотрение деятельности миссии было невозможно без характеристики быта «инородцев» Обдорской волости Березовского уезда Тобольской губернии, сведения о котором он приводит в своем рапорте. Путешествие П.А. Попова проходило «через инородческие кочевья» от села Самаровского по Оби до района Обской губы. В целом, наблюдая за бытом местных «инородцев», он отмечал низкую степень умственной развитости и религиозную невежественность среди коренного населения [2, с. 165].

Из рапорта следует, что П.А. Попов также разделял «инородцев», проживавших в указанном регионе, на несколько групп. Он считал, что «быт остяков, живущих по берегам Оби от селения Самаровского до города Березова, можно (было) назвать полурусским» [2, с. 165]. Протоиерей пояснял это тем, что они жили зимой в домах, схожих с русскими, при этом выезжая летом на рыбопромышленные места в дома инородческой постройки, носили русское крестьянское платье, имели домашний скот (коров и лошадей). Поэтому, безусловно, нельзя не сказать, что на образ жизни указанной группы оказывало влияние русское население. Однако, по мнению П.А. Попова, в религиозном отношении данные остяки оставались язычниками и

продолжали совершать в священных для них местах жертвоприношения «коров, овец и лошадей для умилоствления идолов, тщательно скрывааемых в лесах» [2, с. 165]. Он полагал, что об этих жертвоприношениях, вероятно, было известно русскому населению и должно было быть известно местному духовенству. Кроме того, П.А. Попов отмечал среди этой группы «инородцев» широкую распространенность сифилиса, что производило на него тяжелое впечатление [2, с. 166].

Описанный быт данной части остяков Обдорской волости был во многом похож на быт остяков, упомянутых ранее в очерке П.А. Поповым как соблюдавших полуоседлый образ жизни. Однако эта группа остяков не относилась протоиереем в очерке к группе «инородцев», которая вела указанный образ жизни. Объяснить сложившийся момент однозначно нельзя. Согласно упоминаемой выше причине, есть основание предполагать, что очерк мог быть написан задолго ранее рапорта. Исходя из этого, П.А. Попов мог познакомиться с бытом описанной выше группы остяков Обдорской волости в период после написания очерка и ближе к дате составления рапорта, когда указанная группа «инородцев» стала значимой частью коренного населения волости, что могло быть связано с распространением и укреплением русского влияния на образ жизни «инородцев» этой части Березовского уезда.

В рапорте 1886 г. П.А. Попов отмечал, что от Березова до Обдорска проживали остяки, которые вели полуоседлый образ жизни, т.е. «зимой в юртах деревянных и земляных, холодных и грязных, летом в юртах берестяных или из оленьих кож, переезжая туда, где удобнее ловить рыбу и птицу» [2, с. 166]. Из данной характеристики следует, что указанные остяки входили в группу «инородцев», которые в очерке вели кочевой образ жизни, на который не влияло активно русское население.

Третью группу «инородцев» на пути священнослужителя при обозрении Обдорского края составляли остяки, жившие севернее Обдорска в районе Обской губы, и самоеды, кочевавшие на территории тундр по правую и левую сторону Обской губы, которые в течение года постоянно перемещались с одного места на другое. Следовательно, данные «инородцы» относились к группе, которая в очерке П.А. Попова вела бродячий образ жизни.

Протоиерей приводит сведения, согласно которым по ясачным книгам остяков, живших на территории от Березова до Обдорска, и самоедов, населявших тундры при Обской губе, в Обдорской волости насчитывалось «8105 мужского пола и 7661 женского»; но он сразу пояснял,

что это цифра была приблизительной, в реальности их было гораздо больше [2, с. 166].

Священнослужитель считал, что среди абсолютного большинства коренного населения Обдорской волости были распространены различные болезни. Так упоминавшийся ранее сифилис у полуоседлых остяков П.А. Попов встречал и среди кочевых и бродячих остяков и самоедов. Кроме того, в своем рапорте он описывает лето 1886 г., время своего путешествия, когда во всех кочевьях «инородцы» страдали от тифозной горячки, «начиная от Самаровского селения до самых крайних пунктов в Обской губе», т.е., по сути, по всему пути его путешествия [2, с. 166]. Также он отмечал губительность оспы для остяков и самоедов. Однако, как писал автор, у них не было возможности обратиться за помощью, кроме как к шаманам, так как в Обдорске не существовало больницы, куда могли прийти «инородцы» [2, с. 166–167].

П.А. Попов полагал, что самым действенным методом борьбы с язычеством должны были стать «церковно-приходские школы под непосредственным руководством местного духовенства, при особых учителях по призванию, при участии земского начальства и русского местного населения» [2, с. 165]. Однако ограниченность материальных средств, по мнению автора, мешала духовенству в совершении активной просветительской деятельности среди местного населения. Он отмечал, что на момент написания рапорта церковно-приходская школа существовала при Кондинском монастыре, но там обучалось очень мало «инородческих» детей, не более 5 человек. В целом, указанная цифра не противоречит сведениям историка Г.Ш. Мавлютовой, согласно которым с 1844 по 1885 годы в данной школе обучалось 134 остяка, в среднем, 3 или 4 человека в год [3, с. 87]. При этом П.А. Попов подчеркивал, что начальные училища существовали «в селениях Сухоруковском, Елизаровском, Шаркальском и Обдорском» Тобольской губернии, но в них шло светское обучение по программе Министерства народного просвещения, и они были подчинены «директориям училищ народного просвещения» [2, с. 165]. Исходя из этого, протоиерей настаивал, что «устройство церковно-приходских школ во всех инородческих приходах Березовского и Сургутского округов, и по Конде реке Тобольского округа для обучения в них грамоте инородческих детей (было) неотложно нужно, иначе язычество между ними не уничтожится» [2, с. 166].

Кроме того, П.А. Попов в своем рапорте утверждал, что, несмотря на наличие церквей в Березовском и Сургутском уездах и открытие Обдорской духовной миссии в 1854 г., священнослужители редко и на короткое

время посещали кочевья «инородцев» [2, с. 167]. По мнению автора, это являлось причиной того, что многие коренные жители в течение десятков лет могли оставаться без исповеди, жить в безбрачной связи, а дети оставаться без крещения в течение года и более. Также он обращал внимание на проблему, что коренное население перестало постоянно сообщать об умерших приходскому духовенству, а стало проводить погребения умерших по языческому обряду. Вследствие этого, исповедные росписи перестали отражать действительно имевшее место быть число душ. Протоиерей писал, что в приходе Обдорской церкви «в Войкарских юртах в 1868 году (...) остяков обоего пола было с лишком 300 душ, ныне же их в росписи числится 100 с небольшим душ, да и тех фамилии изменены», а в действительности «инородческих юрт и поныне состоит налицо в прежнем количестве» [2, с. 167]. По этой причине П.А. Попов предлагал бывшему в то время настоятелю Обдорской миссии Ф.И. Истлеевскому посетить кочевья и внести исправления в росписи.

В результате, на основании анализа указанных архивных источников следует, что П.А. Попов разделял «инородцев» Березовского уезда Тобольской губернии на группы в соответствии с тем или иным образом жизни (полуоседлым, кочевым, бродячим). По свидетельствам автора, положение абсолютного большинства коренного населения региона в указанные временные рамки не было стабильным, к тому же среди них были распространены сифилис, тиф, проказа и оспа. Оценивая церковно-просветительскую деятельность местных священнослужителей и представителей Обдорской духовной миссии, П.А. Попов отмечал, что она не была идеальной. В течение долгого времени духовные лица не посещали «инородцев» для осуществления церковных служб, в конце 1880-х годов действовала лишь одна церковно-приходская школа при Кондинском монастыре, где обучалось не более 5 «инородческих» детей. Проанализированные выше материалы дополняют картину о социально-экономическом положении и быте малых народов Западной Сибири во второй половине XIX века.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Административно-территориальное деление Тюменской области (XVII–XX вв.) / Под ред. В.П. Петровой. Тюмень: ООО ТНЦ «ТюменНИИГипрогаз», ФГУ ИПП «Тюмень», 2003. 304 с.
2. Из истории Обдорской миссии: Источники / Сост. вступ. ст., коммент. В.Я. Темплинга. Тюмень: Мандр и К°, 2004. 288 с.

3. Мавлютова Г.Ш. Миссионерская деятельность Русской православной церкви в Северо-Западной Сибири (XIX – нач. XX в.). Тюмень: Изд-во Тюмен. гос. ун-та, 2001. 177 с.

4. Памяти протоиерея П.А. Попова // Тобольские Епархиальные Ведомости. 1888. № 11–12. С. 247–253.

5. Токарева Ю.А. П.А. Попова – миссионер Обдорского края // Карамзинские чтения / [под науч. ред. С.В. Чернявского]; РГИА. Вып. 3. СПб.: Изд-во «Гиперион», 2020. С. 176–182.

DESCRIPTION OF THE WAY OF LIFE OF THE SMALL PEOPLES OF WESTERN SIBERIA IN THE SECOND HALF OF THE 19TH CENTURY IN THE WORKS OF THE MISSIONARY

P.A. POPOV

Abstract: The article describes the "Essay of the way of life of the indigenous dwellers of the Berezovsky District" and the "Report of the archpriest P. Popov with a review of the Obdorsky region", which were written by the missionary P.A. Popov, who contributed to the development of missionary activity among the peoples of Western Siberia (Khants, Nenets, etc.) in the second half of the XIX century. The analysis of the submitted materials makes it possible to identify the classification of the indigenous population of the Berezovsky Uyezd of the Tobolsk province in accordance with their way of life proposed by P.A. Popov, expanding of understanding of the way of life of the small peoples of Western Siberia in the declared chronological framework.

Keywords: Khanty, Nenets, missionary work, ethnography, P.A. Popov, Obdorsk

Токарева Юлия Алексеевна, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, juli-008@list.ru

Tokareva Iuliia Alekseevna, post graduate student, Saint Petersburg State University, Russia, juli-008@list.ru

Киселев Р. С.

(Россия. Санкт-Петербургский государственный университет)

И.Я. ФРОЯНОВ И ЕГО КОНЦЕПЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ ДРЕВНЕЙ РУСИ (ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ АСПЕКТ)

Аннотация: В статье дается перечень основных событий из жизни и научного творчества современного российского историка И.Я. Фроянова в контексте современной историографии. Автор рассматривает главные работы ученого с целью показать последовательное развитие его научных идей, которые в итоге сложились в оригинальную концепцию социально-политического развития Древней Руси.

Ключевые слова: И.Я. Фроянов, Древняя Русь, историография, история России.

5 декабря 2020 года ушел из жизни великий русский историк, крупнейший специалист по истории древней и средневековой Руси Игорь Яковлевич Фроянов. Когда уходит ученый такого уровня, нужно время, чтобы осознать весь масштаб его деятельности, объективно и беспристрастно оценить вклад в развитие исторической науки. Вклад И.Я. Фроянова настолько велик, что научному творчеству ученого и отдельным вехам его богатой свершениями и весьма непростой биографии будет посвящено еще много специальных статей и монографий. Частица «еще» здесь прозвучала не случайно, поскольку уже к настоящему времени сложился целый раздел историографии, посвященный И.Я. Фроянову. На сегодняшний день этот раздел составляют статьи отдельных исследователей [1, 3, 4, 5, 7, 12, 14, 16, 18], авторских коллективов из двух [2, 10, 17] и более [11, 13, 15] человек, а также объемная монография [8].

С учетом уже существующей литературы, посвященной И.Я. Фроянову, задача этой статьи – дать читателю сжатое представление о научной деятельности И.Я. Фроянова и о существе созданной им оригинальной концепции социально-политического развития России. Общественно-политические взгляды И.Я. Фроянова, его взгляд на события новейшей истории России, судьбу и дальнейшие перспективы развития созданной им в стенах ЛГУ/СПбГУ научной школы в рамках данного краткого обзора затрагиваться не будут.

Игорь Яковлевич Фроянов родился 22 июня 1936 года в городе Армавир Краснодарского края СССР. В 1958 году, после прохождения военной службы, он поступил на историко-филологический факультет Ставропольского педагогического института, где его научным руководителем стал профессор В.А. Романовский. О своем учителе И.Я. Фроянов сохранил самые теплые воспоминания [35]. После неудачной попытки поступить в аспирантуру МГУ, летом 1963 года, молодой выпускник все же поступил в аспирантуру, но уже Ленинградского государственного университета. Его научным руководителем в ЛГУ стал один из ведущих советских специалистов по истории Древней Руси В.В. Мавродин. Учась в аспирантуре, И.Я. Фроянов продолжал разрабатывать тему, которая заинтересовала его еще во время обучения в Ставропольском пединституте: положение зависимых категорий населения Древней Руси. В 1965 году он публикует свои первые статьи по этой теме [20, 30].

Прочность любого здания во многом зависит от качества кирпичей, из которых сложены его стены. Такими своеобразными «кирпичиками» в «стене» концепции социально-политического и экономического развития Древней Руси, разработанной И.Я. Фрояновым, стали написанные им в 60–70-е годы статьи [6, с. 27–28], а также его кандидатская и докторская диссертации, на которых мы остановимся подробнее. Кандидатскую диссертацию о зависимых категориях населения Руси IX–XII веков [22] И.Я. Фроянов успешно защитил в 1966 году. Он убедительно доказал, что в Древней Руси преобладали не феодальные формы эксплуатации, а различные формы рабско-даннических отношений. О том, насколько велико было внимание молодого ученого к историографии изучаемой проблемы, насколько сильным было желание разрабатывать, казалось бы, «вдоль и поперек» изученную поколениями историков-русистов тему, пишут многие исследователи его творчества [5, с. 11; 12, с. 7; 17, с. 13].

Следующим этапом научной карьеры И.Я. Фроянова и одновременно важным шагом в оформлении его концепции стала защита им в 1973 году докторской диссертации [25]. В ней автор на основе материала кандидатской диссертации и ряда статей [23, 28, 32, 33, 34] выдвинул революционный для советской исторической науки вывод о том, что в Древней Руси рабовладельческий и феодальный уклады решительно проигрывали общинному укладу: частное хозяйство XI–XII веков, будучи скромным по размерам, напоминало островки, затерявшиеся среди моря свободных крестьянских хозяйств, которые господствовали в экономике той эпохи [26, с. 294]. В итоге, несмотря на достаточно серьезную критику со стороны не-

которых оппонентов, в частности академика Л.В. Черепнина, члены диссертационного совета единодушно высказались о присуждении И.Я. Фроянову степени доктора исторических наук. Однако сама диссертация была утверждена ВАКом лишь в 1976 году¹.

Докторская диссертация И.Я. Фроянова легла в основу вышедшей в 1974 году монографии, в которой излагались основные выводы учебного. Эта книга явилась первой в так называемой «киевской трилогии». При сохранении основного содержания объем издания был значительно сокращен, а некоторые формулировки подверглись смягчению, например, как отмечают исследователи его творчества, И.Я. Фроянов отказался от ряда определений в вопросе по укладам [13, с. 9]. Авторский текст монографии с приложением текстов рецензий и отзывов оппонентов был переиздан спустя четверть века [26].

В 1980 году увидела свет книга И.Я. Фроянова о социально-политическом строе Киевской Руси [24]. Если первая его монография была посвящена «базису», т. е. экономическим отношениям, то здесь И. Я. Фроянов сосредоточил свое внимание на «надстройке», осветив социально-политические отношения в древнерусском обществе: значение князя, роль дружины и бояр, место народного собрания (веча) в управлении дофеодальным государством, наконец, социально-политическую роль древнерусского города. Большинство историков оценивают эту монографию, как настоящий прорыв в области исследований социально-политических отношений в Древней Руси [1, с. 9; 10, с. 323–324; 11, с. 116; 12, с. 11; 13, с. 10–11; 17, с. 9].

После выхода «Очерков социально-политической истории» с резкой критикой И.Я. Фроянова выступили ведущие советские ученые-историки, придерживавшиеся точки зрения академика Б.Д. Грекова о безусловном феодальном характере общественных отношений в Древней Руси IX–XII веков, а именно академики Л.В. Черепнин и Б.А. Рыбаков, член-корреспондент Академии наук СССР В.Т. Пашуто. Был задействован административный ресурс, что отразилось на судьбе третьей монографии И.Я. Фроянова из упомянутой выше «киевской трилогии». Обстоятельный анализ отечественной историографии таких ключевых проблем древнерусской истории, как древнерусская народность, категории зависимого населения, характер социально-экономических и социально-политических отношений, увидела свет лишь в 1990 году, хотя была готова

¹ Подробное изложение процесса защиты с выдержками из текстов отзывов оппонентов в монографии В.С. Брачева [8, с. 59–94].

и планировалась к публикации в 1983 году [5, с. 13]. Ученый вновь демонстрирует превосходное мастерство историка, превращая обзор историографии в «изысканное интеллектуальное полотно» [17, с. 12]. При этом И.Я. Фроянов старается упомянуть в своих историографических трудах работы уже «подзабытых» предшественников, которые, внесли пусть малую, но свою толику в огромный пласт исторических знаний о Древнерусском государстве.

И.Я. Фроянов, ставший в 1979 году профессором, выдержал давление «академической» группы. Свою роль сыграла поддержка администрации и партийной организации Ленинградского университета, которые в июне 1982 года выдвинули его на ответственную должность декана исторического факультета, и прежде всего, поддержка учителя проф. В.В. Мавродина, передавшего своему ученику в сентябре 1983 года кафедру истории СССР [11, с. 116]. А начавшаяся вскоре «перестройка» открыла перед И.Я. Фрояновым и его учениками широкие возможности для публикации результатов своих исследований.

Так, в 1988 году увидела свет монография, написанная И.Я. Фрояновым в соавторстве с А.Ю. Дворниченко, в которой получили дальнейшее развитие идеи о месте города в социально-политическом развитии Древней Руси [37]. На накопленном к тому времени обширном материале Новгородской, Полоцкой, Смоленской, Киевской, Черниговской, Переяславской, Галицкой, Волынской, Рязанской и Ростовской земель авторы доказывают, что города-государства Древней Руси представляли собой вариант универсальной формы государственности, восходящей еще к полисам архаической Греции. Первые древнерусские города, возникшие в IX–X веках, были отнюдь не центрами ремесла и торговли, что служило бы доказательством становления на Руси раннефеодального общества в этот период, а племенными центрами, выполнявшими административные, военные и культурно-религиозные функции¹.

С выходом в свет монографии «Города-государства Древней Руси» разработка И.Я. Фрояновым концепции социально-экономического и политического строя Древней Руси в основном завершилась [11, с. 116]. Последующие работы ученого продолжили разработку заложенного в ней огромного потенциала. К самым значимым среди них отнесем монографию о социально-политической борьбе в средневековом Новгороде [29] и в Древней Руси в целом [21], монографию о зависимых категориях населения у славян [31] (здесь Игорь Яковлевич возвращается к

¹ Подробнее об этом в монографии В.С. Брачева [8, с. 133–137].

теме, с которой начался его путь профессионального историка). Интерес И.Я. Фроянова к былинной истории привел к появлению ряда работ, написанных в соавторстве с известным ученым-фольклористом Ю.И. Юдиным [19].

Таким образом, именно в Ленинградском государственном университете И.Я. Фроянов состоялся как профессиональный ученый-историк. Здесь он в 1966 году защитил кандидатскую, а спустя всего семь лет и докторскую диссертации, написал и издал около двух сотен научных и публицистических работ, в том числе свою знаменитую «киевскую трилогию», в которой оформилась его оригинальная концепция социально-политического и социально-экономического развития Древней Руси. Эта концепция, стала, по словам В. Н. Солдатова одной из немногих концептуальных моделей исторического пути страны, созданных в последние десятилетия [18]. В свою очередь, Ю. Г. Алексеев добавляет, что через все творчество И.Я. Фроянова лейтмотивом проходит проблема русской государственности, разработка которой в наибольшей степени раскрывает суть научного творчества Фроянова и определяет его место в исторической науке [1, с. 11]. Он же (в совместной статье с В.В. Пузановым) обращает внимание на то, что целостность концепции И.Я. Фроянова придает ее нравственный фундамент [2, с. 21]. Авторы статьи в сборнике, посвященном 65-летию ученого, пишут о том, что главная заслуга И.Я. Фроянова в том, что ученый привел в движение мысль, дал толчок альтернативным подходам, без чего невозможно саморазвитие науки [13, с.14]. Хочется верить, что потенциал концепции, созданной им в 70–80-е годы прошлого столетия еще не исчерпал себя, и мы увидим в ее рамках еще немало значимых работ по истории нашей Родины.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Алексеев Ю.Г. За Отечество свое стоятель // Фроянов И.Я. Начала русской истории. Избранное. М., 2001. С. 5–18.
2. Алексеев Ю.Г. Пузанов В.В. Проблемы истории средневековой Руси в трудах И.Я. Фроянова // Исследования по русской истории и культуре. Сб. ст. к 70-летию проф. И.Я. Фроянова. М., 2006. С. 3–23.
3. Базанов М.А. А.А. Зимин и И.Я. Фроянов: несколько штрихов к истории взаимоотношений // Европа: международный альманах. 2015. Т. XIV / 1–2. С. 146–152.
4. Белов Ю.П. Историк-воин // Фроянов И.Я. Молитва за Россию. Публицистика разных лет. СПб., 2008. С. 5–12.

5. Белоусов М.С. Русский историк И.Я. Фроянов // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах, вып. 5: К 80-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. 2016. Выпуск 5. С. 8–26.
6. Белоусов М.С. Список трудов И.Я. Фроянова // Древняя Русь: во времени, в личностях, в идеях. Альманах, вып. 5: К 80-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. 2016. Выпуск 5. С. 27–43.
7. Брачев В.С. И.Я. Фроянов – начало творческого пути // Исследования по русской истории и культуре. Сб. ст. к 70-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. С.-Петербургский гос. ун-т, Удмуртский гос. ун-т, Петровская акад. наук и искусств. М., 2006. С. 24–48.
8. Брачев В.С. Русский историк И.Я. Фроянов. Жизнь и творчество. СПб., 2016. 469 с.
9. Брачев В.С. Служители исторической науки: академик С. Ф. Платонов, профессор И.Я. Фроянов. СПб., 2010. 768 с.
10. Брачев В.С., Дворниченко А.Ю. Кафедра русской истории Санкт-Петербургского университета (1834–2004). СПб., 2004. 384 с.
11. Брачев В.С., Никифоров В.В., Полюнов М.Ф., Пыхалов И.В. Выдающийся историк Древней и средневековой Руси. Профессору И.Я. Фроянову – 80 лет // Общество. Среда. Развитие (Terra Humana). 2016. № 2. С. 115–117.
12. Дворниченко А.Ю. И.Я. Фроянов исследователь Киевской Руси // Русские древности: сборник научных трудов к 75-летию профессора И.Я. Фроянова. СПб., 2011. С. 5–22.
13. Барсуков А.К., Долгов В.В., Котляров Д.А., Кривошеев Ю.В., Петров А.В., Пузанов В.В. К 65-летию И.Я. Фроянова // Исследования по русской истории. Сборник статей к 65-летию профессора И.Я. Фроянова. СПб.; Ижевск, 2001. С. 3–16.
14. Петров А.В. И.Я. Фроянову – 65 лет // Университетский историк. Альманах. 2002. № 1. С. 188–189.
15. Панченко А.М., Дегтярев А.Я., Алексеев Ю.Г., Воробьев В.М., Дворниченко А.Ю. Игорь Яковлевич Фроянов (страницы жизни и творчества русского ученого) // Средневековая и новая Россия. Сборник научных статей. К 60-летию профессора Игоря Яковлевича Фроянова. СПб., 1996. С. 5–26.
16. Пузанов В.В. Феномен И.Я. Фроянова и отечественная историческая наука // Фроянов И.Я. Начало христианства на Руси. Ижевск, 2003. С. 5–30.

17. Пузанов В.В., Халявин Н.В. «Радоваться успеху другого, радоваться радостью другого...»: особенности историографических изысканий И.Я. Фроянова // Вестник Удмуртского университета. Серия «История и филология». Ижевск, 2016. Т. 26. Вып. 4. С. 8–22.

18. Солдатов В.Н. Историческая концепция И.Я. Фроянова. Проблема определения и характеристики структурных элементов // Вестник Челябинского государственного университета. 2011. № 23 (238). История. Вып. 47. С. 81–90.

19. Фроянов И.Я., Юдин Ю.И. Былинная история. Работы разных лет. СПб., 1997. 592 с.

20. Фроянов И.Я. Данники на Руси X–XII вв. // Тезисы докладов и сообщений восьмой (московской) сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы (сентябрь 1965 г.). М., 1965. С. 12–13.

21. Фроянов И.Я. Древняя Русь. Опыт исследования истории социальной политической борьбы. М.; СПб., 1995. 703 с.

22. Фроянов И.Я. Зависимое население на Руси IX–XII вв.: (челядь, холопы, данники, смерды): дис. канд. ист. наук. Л., 1966. 285 с.

23. Фроянов И.Я. Закупы «Пространной Правды» // Проблемы отечественной и всеобщей истории. Сб. статей к 150-летию Ленинградского университета. Л., 1969. С. 50–58.

24. Фроянов И.Я. Киевская Русь. Очерки социально-политической истории. Л., 1980. 256 с.

25. Фроянов И.Я. Киевская Русь: главные черты социально-экономического строя: дис. д-ра ист. наук. Л., 1973. 400 с.

26. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Главные черты социально-экономического строя. СПб., 1999. 372 с.

27. Фроянов И.Я. Киевская Русь: Очерки отечественной историографии. Л., 1990. 328 с.

28. Фроянов И.Я. Кормления в Древней Руси // Аграрная история Северо-Запада России. Вторая половина XV – начало XVI в. Л., 1971. С. 57–60.

29. Фроянов И.Я. Мятёжный Новгород. Очерки истории государственности, социальной и политической борьбы конца IX – начала XIII столетия. СПб., 1992. 280 с.

30. Фроянов И.Я. О рабстве в Киевской Руси // Вестник Ленинградского университета. 1965. № 2. Вып. 1. С. 83–93.

31. Фроянов И.Я. Рабство и данничество у восточных славян. СПб., 1996. 512 с.

32. Фроянов И.Я. Смерды в Киевской Руси // Вестн. Ленингр. ун-та. 1966. № 2. Вып. 1. С. 62–73.

33. Фроянов И.Я. Советская историография о формировании классов и классовой борьбе в Древней Руси // Советская историография классовой борьбы и революционного движения в России. Л., 1967. Ч. 1. С. 18–52.

34. Фроянов И.Я. Характер социальных конфликтов на Руси в X – на початку XII ст. // Український історичний журнал. 1971. № 5. С. 71–79.

35. Фроянов И.Я. «Я считаю себя по умунастроению православным человеком» // Русская народная линия: Православие. Самодержавие. Народность. 2011. 20 июня. / [Электронный ресурс]. – Режим доступа: https://ruskline.ru/analitika/2011/06/21/ya_schitayu_sebya_po_umonastroeniyu_pravoslavnyum_chelovekom/

36. Фроянов И.Я., Дворниченко А.Ю. Города-государства Древней Руси. Л., 1988. 269 с.

I.Ya. FROYANOV AND HIS CONCEPT OF SOCIAL AND POLITICAL DEVELOPMENT OF ANCIENT RUSSIA (HISTORIOGRAPHIC ASPECT)

Abstract: The article provides a list of the main events in the life and scientific work of the famous Russian historian I.Ya. Froyanov in the context of modern historiography. The author of the article considers the main works of the scientist in order to show the consistent development of his scientific ideas, which were eventually embodied in the original concept of the socio-political development of Ancient Russia

Key words: ancient Russia, I.Ya.Froyanov, historiography, Russian history

Киселев Роман Сергеевич, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, st081075@student.spbu.ru

Kiselev Roman Sergeevich, graduate, Saint Petersburg University, Russia, st081075@student.spbu.ru

Куприянова А. Н.

(Россия. Санкт-Петербургский государственный университет)

РУССКОЕ АКАДЕМИЧЕСКОЕ ЗАРУБЕЖЬЕ И СТАНОВЛЕНИЕ СЛАВИСТИЧЕСКИХ ПРОГРАММ В УНИВЕРСИТЕТАХ АВСТРАЛИИ

Аннотация: В статье анализируется педагогическая и просветительская деятельность Нины Михайловны Кристесен-Максимовой и Ивана Ивановича Гапановича – представителей русской диаспоры в Австралии. Будучи одними из первопроходцев в деле популяризации русского языка на австралийской земле, они стояли у истоков создания в 1946 году в стенах Мельбурнского университета первой славистической кафедры в Австралии. Преодолев ряд кризисов, фундаментальная славистическая наука в Австралии продолжает развиваться как на базе ряда университетов, так и в отдельных центрах, а также на страницах периодических изданий.

Ключевые слова: Австралия, Россия, Н.М. Кристесен-Максимова, И.И. Гапанович, славистика.

Предыстория развития австралийской славистики разными авторами трактуется, исходя из различных критериев. Одни исследователи в качестве отправной точки рассматривают её дидактические основы и сам факт открытия славистических кафедр, готовящих специалистов по странам Восточной Европы, другие предпочитают говорить о становлении славистических интересов на общем фоне эволюции российско-австралийских научных связей и контактов. Наконец, третьи рассматривают проблему генезиса славистической мысли в Австралии не столько с науковедческих позиций, сколько в её связи с историей формирования и развития российской научной диаспоры [6]. Актуальность темы особенно подчеркивается необходимостью продвижения глобального мирного диалога. Именно российская внешняя политика мягкой силы в сочетании с поддержкой, продвижением и культивированием русской культуры местной диаспорой в Австралии во многом способны укрепить и приумножить взаимное доверие, интерес и сотрудничество двух стран.

История российско-австралийских отношений берет начало с 1807 года, когда судно «Нева», шедшее в колонии Северной Америки, зашло по пути и бросило якорь в порту Сиднея. Уже в 1857 году начала дей-

ствовать русская консульская служба в австралийских колониях Великобритании. А в 2017 году Россия и Австралия отметили 75 лет установления дипломатических отношений [5]. С дореволюционной эмиграции начинается институт русской диаспоры, а первые потоки белой эмиграции 1923 года обогащают и усиливают русское влияние на материке. Благодаря переселенцам начинает формироваться и крепнуть русская община, естественным стремлением которой было сохранение и продвижение русской культуры и языка на австралийской земле.

Нина Михайловна Кристесен-Максимова прибыла в Австралию с первой волной белой иммиграции. Она покинула Санкт-Петербург в 1917 году вместе с матерью и отцом-капитаном дальнего плавания. С 1918 года вся семья жила в Харбине, где Н.М. Кристесен-Максимова училась в школе. В это время права на территорию, по которой проходила Китайская Восточная железная дорога (КВЖД), оспаривали друг у друга Китай и Япония, тогда как великие державы имели свои собственные представления о будущем железной дороги и прилегающих к ней районов. В 1924 году в правление КВЖД вошли представители Советской России, и сразу начались массовые увольнения белоэмигрантов. Жёсткая и бескомпромиссная линия поведения, особенно на начальном этапе, стала «визитной карточкой» советской администрации на КВЖД. Но ещё раньше, в 1923 году, семья Максимовых переехала в Брисбен на восточном побережье Австралии. Таким образом, отчасти благодаря профессиональному опыту и бесстрашию Михаила Ивановича Максимова, который решил на такой далёкий переезд, но уже в связи с именем его дочери начинается история академической славистической науки в Австралии.

Юной Н.М. Максимовой необходимо было продолжить свое образование, однако при скромном достатке и необходимости содержать всю семью, поскольку мать не работала, а отец не имел постоянного заработка, Нина Михайловна заочно получила степень бакалавра истории искусств в Квинслендском университете [1, с. 122]. Отсутствие завершённого высшего образования всегда угнетало Нину Максимовну. Мы не найдем ни ее опубликованных работ, ни даже диссертационного исследования. Однако именно ее педагогическая, просветительская деятельность способствовала фундаментальному укоренению русской культуры в стенах Мельбурнского университета, где в 1946 году Н.М. Кристесен-Максимова стала основателем и руководителем первого в Австралии отделения русского языка и литературы [2, с. 138]. Н.М. Кристесен-Максимова во многом опиралась на поддержку австралийских коллег, мнение

которых в 1945 году выразил Роберт Моррисон: «...На русском языке говорит 175 миллионов человек и, возможно, в будущем русский станет «вторым языком» вместо французского [...] мы должны были научиться хотя бы говорить и читать по-русски [...] это было бы первым шагом к изучению славянских языков. Мы, правда, находимся далеко от Европы, но с изменением сфер влияния в мире и экономике мы можем сблизиться с русским Дальним Востоком. Кроме практических причин, имеются другие. Русская литература так богата, а мы знакомимся с ней только в переводе [...] русская литература не менее важна, чем немецкая, итальянская и французская, а романы Достоевского и Толстого достигли непревзойденной высоты. Судя по университетской программе, можно подумывать, что австралийцы не знают о существовании русского языка и литературы, а ведь прошло более ста лет с момента смерти Пушкина» [14].

К 1958 году число студентов русского отделения превысило 150 человек, а число преподавателей достигло 27 [17, с. 228]. Это было понастоящему значительное достижение. «Унаследовав от своих англосаксонских предков богатый и универсальный язык, а также свойственное островитянам пренебрежительное отношение к языкам других народов, австралийцы совершенно не были предрасположены изучать русский», – писала Нина Михайловна [4, с. 8].

Важно отметить, что на начальном этапе в университете была лишь одна печатная машинка с кириллицей и вовсе не было учебных материалов, не говоря уже о библиотеке. Исследование А.О. Донских отчасти раскрывает секрет успеха Нины Михайловны в вопросе практического освоения русского языка студентами и их приобщения к русской культуре. Здесь и требование разговаривать на русском языке в стенах русского отделения, и регулярное справление национальных русских праздников, организация летних поездок и «русских лагерей», приглашение русскоязычных гостей в университет, организация открытых семинаров и лекций, обращение к литературному наследию России и другие приёмы, известные нам сегодня как метод погружения [1].

Н.М. Кристесен-Максимова с особым вниманием относилась к истории русского присутствия в Австралии. Она основала при Мельбурнском университете архив истории русской эмиграции. В 1968 году под ее редакцией начала выходить монографическая серия «Русские в Австралии».

На базе начинаний Н.М. Кристесен-Максимова формируются славистические культурные и научные центры, внедряются университетские и школьные программы по русскому языку, литературе и истории.

В 1950–1960-х годах в Квинслендском университете (Брисбен), в Университете Нового Южного Уэльса (Сидней) и в Австралийском национальном университете (Канберра) были открыты отделения русского языка и литературы. А Мельбурнский университет становится признанным центром славистики и русистики в Австралии. Здесь же начинает издаваться журнал «Melbourne Slavonic Studies» и создается Ассоциация австралийских и новозеландских славистов.

Значительный вклад в академический уровень развития славистической науки в Австралии внёс выпускник историко-филологического факультета Санкт-Петербургского университета, историограф русского зарубежья, этнограф коренных народов Камчатки и Дальнего Востока, специалист по истории русской колонизации Северо-Восточной Евразии и Дальнего Востока Иван Иванович Гапанович (1891–1983).

В 1950-х – первой половине 1980-х годов в Австралию переселилось более 15 тысяч русских из Китая [15, с. 74]. Профессор Гапанович прибыл в Канберру с супругой и дочерью в 1953 году. В 1955 году Иван Иванович уже преподавал русский язык в университетском колледже Канберры (Canberra University College). В 1960–1964 годах он вёл занятия в Австралийском национальном университете (Australian National University), в состав которого колледж вошел в 1960 году. Позже учёный переехал в Сидней, где читал лекции в Университете Нового Южного Уэльса даже и после выхода на пенсию в 1964 году. «Многие его бывшие ученики могли засвидетельствовать широту и глубину его обучения, а его курсы варьировались от современного русского языка, истории через историю языка до литературы и развития российского общества и мысли» [16, с. 4].

За годы жизни в Австралии учёный опубликовал около тридцати научных работ, посвященных советско-американским отношениям, советской историографии, русской литературе. В австралийский период И.И. Гапанович много сил отдавал педагогической работе. В Австралии им написан и издан учебник «Очерк древней русской литературы» (1953). Значительная часть работ учёный посвятил мемуарно-биографическому описанию своей научной жизни. По-видимому, потребность австралийской академической среды в заложении фундаментальных основ знания русского языка и русской литературы была столь велика, что Н.М. Максимова и И.И. Гапанович могли целиком отдаваться педагогической работе. Вместе с тем оба исследователя пристально следили за научной жизнью коллег как в России, так и в Европе. Так, И.И. Гапанович периодически публиковал рецензии в выходившем в Мюнхене «Вестнике Института по изучению

СССР». В свою очередь, Н.М. Кристесен-Максимова, вспоминает О.А. Донских, «старалась (и не просто старалась – считала своим долгом как заведующая отделением) всё время быть в курсе самых последних достижений в области русистики и именно с этой позиции оценивала работы своих сотрудников, имевших научные степени. Не боялась вступать с ними в споры и часто эти споры выигрывала. Но учёной при этом она себя не считала. Тем не менее, она говорила мне, что подала в отставку со своей должности именно потому, что уже не могла, как прежде, читать журналы по славистике и по методикам преподавания и поэтому полагала, что она не вправе быть главой Русского отделения» [1, с. 123].

Плоды трудов, заложенные Н.М. Кристесен-Максимовой, И.И. Гапановичем не заставили себя ждать. Вторая половина XX века стала периодом расцвета славистической науки, значительный прогресс которой начался вместе с появлением информационно-славистических ресурсов (пополнившихся баз данных библиотек, архивов) и участием австралийских специалистов в деятельности международных славистических ассоциаций и конгрессов. Некоторые представители русской диаспоры были приглашены на работу в отделы славистики ведущих библиотек Австралии. Всех их объединяла в своих рядах профессиональная Ассоциация австралийских и новозеландских славистов, созданная в 1967 году. При поддержке Ассоциации выходят такие журналы, как «Славянские и восточно-европейские исследования в Австралии» (Australian Slavonic and East European Studies) [11], и «Славянский журнал Новой Зеландии» (New Zealand Slavonic Journal) [13]. Оба издания в основном печатают статьи, посвященные проблемам языка, литературы и культуры, хотя время от времени также публикуются исследования по истории, политическому и социальному развитию. Весьма востребованным в кругу славистов остается журнал «Melbourne Slavonic Studies».

Открывшиеся на волне популярности в конце 1980-х годов славистические центры в Австралии весьма болезненно переживали эпоху перемен в 1990-е годы. Этот период характерен завершением научной деятельности исследователей старшего возраста и дефицитом финансирования славистических программ [7, с. 15]. Смена поколений, произошедшая в 1990-е годы, значительно отразилась на общем положении дел в австралийской славистике. Внутренний кризис этого периода во много явился следствием глобальных сдвигов в мировой политике, приведших к снижению интереса к региональным исследованиям и, соответственно, поддержки славистических программ. Так, Австралийский национальный

университет, являвшийся институциональным центром «советских, российских и восточнославянских исследований», не стал замещать освобожденные должности. Такие институты как «Центр русских и восточноевропейских исследований» и основанный на его базе «Центр российских и евроазиатских исследований» продолжили существовать благодаря частным дотациям. Их основной задачей в трудное время стала помощь и поддержка исследований Европы и Евразии, организация программ научных обменов и контактов между специалистами.

Современная австралийская славистическая наука во многом зависит от распространения и культивирования русского языка в Австралии. Естественно, что на основе владения русским языком и достигнутого русской австралийской лингвистикой уровня формируется дальнейшая возможность развития академической славистики в университетской среде. Но в целом присутствие русского языка в регионе за последние годы заметно сужается, несмотря на приезд новых мигрантов из России. Закрылись русские отделения практически во всех университетах Австралии и Новой Зеландии. Русский язык, история и культура постепенно становятся уделом филологов, которых тоже не становится больше, а те, что продолжают работать, предпочитают публиковать свои исследования на английском языке. Русское отделение Университета Маккуори (Сидней), где обучается свыше 200 студентов, функционирует на положении бедного (читай – бюджетного) родственника, что вызывает неудовольствие университетской администрации, постепенно сокращающей аудиторный фонд русистов.

Все же Мельбурнский университет, когда-то ставший первым славистическим центром в Австралии, и сегодня имеет под своим началом русскую школу, которая базируется на кафедре Германистики и Славистики гуманитарного факультета [9]. Не прекращает свою деятельность Ассоциация славистов Австралии и Новой Зеландии, которая ежегодно проводит свои научные конференции.

Несмотря на отсутствие государственной поддержки и трудности в деле поиска меценатов, славистика в Австралии стремится выйти на новый уровень в использовании подходов и методов, присущих современным гуманитарным дисциплинам. В этом она находит поддержку у русской диаспоры, силами которой в 2015 году открылся первый Русский музей в Сиднее. Как отмечает русское издание «Австралийская лампада», это культурное учреждение создано с целью «привить русскость подрастающему поколению» [8]. С 1950 года не прекращала существования Сводно-казачья станица в Сиднее, принимающая активное участие в русско-австралийских дипломатических и

культурных отношениях [9]. Совет российских соотечественников в Австралии (СРСА) приложил усилия к созданию Комитета по образовательной деятельности русских школ и педагогов русского языка [12]. Изучение русского языка уже второй год пропагандируется в рамках Молодежного форума в Сиднее. Последний открылся 1 ноября 2020 года и, несмотря на сложную эпидемиологическую обстановку, прошел успешно. Среди основных целей мероприятия не только организация площадки для общения русскоговорящей молодежи Австралии, но и создание единого культурного, научного, информационного и образовательного пространства, которое поддержит и укрепит связь молодых людей с этнической родиной. В молодежной среде Австралии пользуется популярностью кинофестиваль «Русское возрождение», на котором демонстрируются современные русские кинокартины [18].

Русскоязычное население Австралии невелико, составляя всего около 0,4% численности всех иммигрантов на континенте, но активность и пророссийские настроения диаспоры всё же способствуют развитию славистической науки на его далёких берегах. При этом корпус документов по истории русской диаспоры, отложившийся в австралийских библиотеках и архивах, согласно новейшему исследованию, требует углублённого изучения и введения в научный оборот [3].

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Донских О.А. Нина Михайловна Кристенсен – основательница русистики на пятом континенте // Ойкумена. 2011. № 1. С. 125–127.
2. Каневская Г.И. Из истории русской эмиграции в Австралии: Н. М. Кристенсен-Максимова – основательница русистики на пятом континенте // Вестник Санкт-Петербургского Университета. 2008. Сер. 2, Вып. 4. Ч. 1. С. 137–143.
3. Каневская Г.И. Современное положение русской диаспоры в Австралии (по личным впечатлениям от посещения пятого континента в 2015 г.) / Г.И. Каневская, А.Я. Массов // Владивосток – точка возвращения: прошлое и настоящее русской эмиграции: материалы Второй междунар. науч. конф. / отв. ред. С.М. Дударёнок, М.А. Тулиглович. Хабаровск, 2017. С. 29–33.
4. Кристенсен Н.М. Воспоминания о создании и работе первого в Австралии Отделения русского языка и литературы // Австралиада. Русская летопись. Сидней, 1997. № 16. С. 8.
5. Лавров С.В. «Россия и Австралия: 75 лет взаимодействия» на сайте посольства РФ в Австралии (https://australia.mid.ru/australia/-/asset_publisher/mjUKMzKzrNH1/content/stat-a-ministra-inostrannyh-del)

[rossii-s-v-lavrova-rossia-i-avstralia-75-let-vzaimodejstvia-?inheritRedirect=false](#) дата обращения: 08.03.2021).

6. Петров Е.В. Историческая память русского зарубежья как историографический феномен // Русское наследие в странах Восточной и Центральной Европы. Материалы межгосударственной научной конференции 5-8 июля 2010 г. приуроченной к 600-летию битвы при Грюнвальде: Фонд Русский мир, Москва. Брянск: РИО БГУ, 2010. С. 138–145.

7. Holmes L. The State and Future Tasks of Slavic Studies in Australia and Beyond during the Post-Communist Period: One Australianís Perspective. 2005 No. 7. P. 15.

8. http://australianlampada.com/article/istor/istor_5215.html (Русский музей в Австралии (дата обращения: 08.03.2021).

9. <http://cossack.net.au/> (Сводно-казачья община (дата обращения: 08.03.2021).

10. <https://about.unimelb.edu.au/> (Мельбурнский университет (дата обращения: 08.03.2021)

11. <https://arts.unimelb.edu.au/school-of-languages-and-linguistics/our-research/research-publications/european-studies/asees-journal> // Журнал Славянских и восточноевропейских исследований в Австралии (дата обращения: 08.03.2021).

12. <https://rarc.com.au/> (Совет российских соотечественников в Австралии (дата обращения 08.03.2021).

13. <https://www.jstor.org/journal/newzealslavjour> // Славянский журнал Новой Зеландии (дата обращения: 08.03.2021).

14. Morrison, R.H. “Russian Studies in Australia.” The Australian Quarterly. 1945. Vol. 17. No. 4. P. 27–30.

15. Price Ch. Russians in Australia: A Demographic Survey // Russia and the Fifth Continent: Aspects of Russian–Australian Relations / Eds. J. McNair and T. Poole. Brisbane: University of Queensland Press, 1992. P. 57–65.

16. Rigby T. H., Gapanovich, Ivan Ivanovich (1891–1983), Obituaries Australia, National Centre of Biography Australian National University Reporter, April 1983.

17. Travers M. Melbourne slavonic studies. The first twenty-five years 5/6.

18. www.russianresurrection.com Кинофестиваль «Русское возрождение», (дата обращения 08.03.2021).

RUSSIAN ACADEMIC ABROAD AND THE FORMATION OF SLAVIC PROGRAMS IN AUSTRALIAN UNIVERSITIES

Annotation: The proposed article analyzes the pedagogical and educational activities of Nina Mikhailovna Christesen-Maksimova and Ivan Ivanovich Gapanovich - representatives of the Russian diaspora in Australia. Being one of the pioneers in the popularization of the Russian language on Australian soil, they conceived and developed the first Slavic department within the walls of the University of Melbourne in 1946. After overcoming a number of crises, fundamental Slavic science in Australia continues to develop both within universities and in a number of separate centers, and on the pages of periodicals.

Keywords: Australia, Russia, Christesen-Maksimova, Gapanovich, Slavic studies.

Куприянова Ангелина Николаевна, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, angelinakupriianova@gmail.com

Kupriyanova Angelina Nikolaevna, Postgraduate Student, Saint Petersburg State University, Russia

Малнач А. Д.

(Латвия. Санкт-Петербургский государственный университет)

ХУДОЖНИК В. И. КОЗИН НА ПЕРЕЛОМАХ ИСТОРИИ И ПЕРЕКРЕСТКАХ КУЛЬТУРЫ ОПЫТ «УСТНОЙ ИСТОРИИ» И ИСКУССТВОВЕДЧЕСКОЙ ЭКСПЕРТИЗЫ

Аннотация: В статье освещается жизненный и творческий путь художника В. И. Козина. Источниками для её написания послужили фрагменты бесед с мастером и созданные им на протяжении многих десятилетий художественные произведения. Путь Козина в искусство начался во Дворце пионеров города Бежица, прошёл через Витебское художественное училище и дорогами Великой Отечественной войны привёл его в Латвийскую Академию художеств, где он стал профессором и долгие годы возглавлял кафедру живописи и композиции. Соединив в своём творчестве русскую школу рисунка с

принципами латышской школы тональной живописи, Козин внёс значительный, но недооценённый вклад в изобразительное искусство Латвии.

Ключевые слова: В.И. Козин, Витебское художественное училище, Латвийская Академия художеств, русская школа рисунка, латышская тональная живопись, латвийское искусствоведение

Среди множества множеств любопытных и таинственных вещей на свете всегда была, есть и будет судьба художника. Будь он артист, писатель, композитор или живописец, нам интересно знать, откуда берёт начало его талант, что его питает, как он прокладывает себе путь среди людей, преодолевает препятствия или, напротив, создаёт их.

Владимир Иванович Козин – старейший художник Латвии (родился 17 сентября 1922 года), участник Великой Отечественной войны, член Союза художников Латвии с 1950 года, профессор Латвийской Академии художеств (ЛАХ) и Латвийской Христианской академии, заведующий кафедрой живописи и композиции ЛАХ (1953–1989), заслуженный деятель искусств Латвийской ССР (1978). В. И. Козин продолжает работать, участвует в художественной и общественной жизни, выставляется, преподаёт. Своё 98-летие мастер отметил персональной выставкой в Брянском художественном музее и выпуском монографии [14].

«Руководя 36 лет кафедрой живописи ЛАХ вы воспитали целую плеяду латышских художников. В наследии латвийского искусства это огромное богатство, которое вы помогли собрать и приумножить. [...] Художник с русскими корнями, Владимир Козин в латвийском искусстве представляет целую эпоху» [12], пишет в предисловии к изданию президент Академии наук Латвии, профессор ЛАХ Ояр Спаритис (*Ojārs Spārītis*).

Художник – это всегда феномен: выдающееся, многослойное и многогранное явление общественной жизни, значение которого далеко не исчерпывается плодами его творчества, но прирастает собственно творческим процессом во всей его полноте, от истоков к итогам. Увы, не всякому дано подвести их самостоятельно. Здесь, как и во многом другом, В.И. Козин счастливое исключение. Мастер не оставляет кисти, как и размышлений о природе и задачах изобразительного искусства. Но что сделало художником его самого? Где тот

первотолчок, после которого Козин уже не мыслил для себя иной судьбы? Когда мечта стать художником сделалась для него путеводной звездой?

18 марта 1939 года в Москве открылась Всесоюзная художественная выставка «Индустрия социализма». Володя Козин, тогда студент Витебского художественного училища, оказался одним из её посетителей. Побывав на ней, он пережил удивительное воздействие и понял, кто есть художник.

– Выставка «Индустрия социализма» долго готовилась. Художников разослали в командировки по промышленным и сельскохозяйственным центрам. На этой выставке была впервые представлена картина Иогансона «На старом уральском заводе». Я ходил, разинув рот. Смотрел работы Дейнеки, Сергея Герасимова, Пластова, Пименова и других. Шедевры! [1] [3]

Эпохальная по замыслу и исполнению экспозиция – 479 участников, 1015 экспонатов, в том числе живопись, графика, скульптура, художественные лаки, фарфор [7] – произвела на Козина ошеломляющее впечатление новизны и, как ни странно, открыла окно в действительность. Для него свершилось обыкновенное чудо искусства – познание жизни через творения художников.

– Словно пелена спала. Я не видел раньше такого солнца, как у Герасимова или Дейнеки. Я сто раз пас корову, но не видел такого стада, как у Пластова. И меня это поразило. Я ещё не мог оценить мастерство художника, качество рисунка или живописи, а вот ощущение жизни – это мне стало понятно. Я захотел жить жизнью художника – человека, который видит сам и рассказывает другим об увиденном.

Здесь встречаются два разных подхода в понимании русского искусства. Так, Александр Николаевич Бенуа различал два течения в художественном творчестве, сводя первое исключительно к поискам красоты, а второе – к желанию «посредством живописи рассказать что-либо забавное, поучительное или обличительное» [3, с. 9]. Причём «значительную часть русской живописи общеевропейского её фазиса» он относил именно ко второму течению. Всё же Бенуа оговаривается, что «в эпохи сильного религиозного подъёма или в творчестве отдельных религиозно настроенных личностей искание красоты в живописи смешивалось неразьединимым образом с выражением их религиозных

и философских взглядов» [3, с. 10], забывая при этом, что вера в прогресс, гуманистические идеалы, революцию или, скажем, в коммунистическое будущее всего человечества сродни религиозной одержимости и может стать могучим стимулом к созданию изумительных произведений искусства, равно прекрасных как по форме, так и по содержанию. Для русского изобразительного искусства как раз характерно такое сочетание.

В свою очередь, Евгений Евгеньевич Климов, младший современник Бонуа, как и он замечательный художник, историк и критик искусства, писал, что «для русского художника живопись была не забавой, не игрой, но выражением своих чувств перед лицом Божиим, перед красотой своей природы, потребностью в осознании своего национального характера, своего исторического прошлого» [9, с. 316]. «Русский художник верил, что искусство связано с нравственными запросами и с жадной истины, что красота, добро и истина не могут идти вразброд, но по существу совпадают» [9, с. 316], настаивал Климов.

Это его утверждение применимо к большинству русских художников, живших и творивших в Латвии, как к самому Климову, так и к Владимиру Ивановичу Козину. И всё же хотелось бы понять, как случилось, что деревенский парнишка, у которого не было ни малейшего представления о профессиях, кроме профессии крестьянина, стал художником? Как это стало возможным в стране, потрясённой войнами; в стране, где даже мирное строительство порою оборачивалось разрушением основ жизни миллионов людей?

Что в судьбе Владимира Козина от человека, от его собственных устремлений и осознанно сделанного выбора, что от стихии общественной жизни, увлекающей своим неумолимым потоком огромные массы людей, погружающей на дно одних и выносящей на поверхность других? Нет и не может быть точного, выверенного ответа, но может быть попытка ответа. Ведь что-то же было у Володи Козина, что определило и, как знать, предопределило его неспешное, но неуклонное движение навстречу призванию.

Прежде всего его крестьянское происхождение. Заметил же кто-то из художников: если во фразе «я пишу» заменить одну букву, получится «пашу» – самый крестьянский глагол [2]. И правда, у художника-реалиста та же зависимость от света, погоды, сезона, что и у

земледельца. И бесспорно много работы: весна, лето, осень, зима и снова весна. Труд хоть и в радость, а не всегда вознаграждается урожаем, не всё всходит и вызревает. А бывает и так, что и взшло, и созрело, да погибло от непогоды. А случается, ты пашешь, сеешь, а жнут – другие.

Близость к природе, общение с нею сзымальства, тесная с природою взаимосвязь и взаимозависимость разве не подготавливают человека к постижению её изменчивой красоты и величия? Что горожанину даётся путём специального изучения, крестьянский ребёнок впитывает самым естественным образом, едва ли не с молоком матери. Язык природы, открытый каждому, но не каждому внятный, усваивается им в тот период развития, который психологи называют сензитивным, то есть в период наиболее чувствительный к восприятию и овладению знанием, когда оно откладывается где-то на подкорке. Первые детские впечатления, почти всегда самые яркие, самые прочные, таким образом, уже с самого начала проникнуты принятием природы, несут на себе глубокий её отпечаток и нередко художественны по своему происхождению и заряду.

Для творчества художника элегического склада, каким является Козин, прошлое часто оказывается важнее настоящего. Правда, повзрослев, сделавшись художником, человек не всегда отдаёт себе отчёт в значимости и художественной силе образов, запечатлевшихся в детстве, так глубоко бывают они запряваны. Кажется, Владимир Иванович не осознаёт. Он даже не считает своё детство счастливым, хотя именно таковым оно и было.

– Все воспоминания начинаются с детства и всегда это нечто радужное, счастливое, светлое. Я не могу так вспомнить о своём детстве. Я родился в крестьянской семье и лет до семи жил жизнью обыкновенного крестьянского ребёнка.

Село Левенка Стародубского уезда ныне Брянской области, где прошли детские годы Володи Козина, находилось в пойме речушки Вабля. Леса давно уже свели на нет, местной достопримечательностью были глубокие овраги, где детвора и пропадала целыми днями.

– Бегали на речку, ловили раков, лазили по оврагам, - перечисляет ребяческие забавы Козин. – Овраги поросли кустарником, в них мы лазили, находили птичьи гнёзда, собирали ежевику. Обычное де-

ревенское детство. Но с тех пор у меня на всю жизнь осталось ощущение теплоты земли, когда босиком бежишь по дорожке и пятками ощущаешь эту землю. Я и писать люблю всякие тропинки.

Свою мать Владимир Иванович характеризует тремя словами – добрая, хорошая, неграмотная. Не каждый может похвастаться. И ещё о матери: «очень набожный человек». Он помнит, как мать и старшая сестра работали в поле, жали серпами, согнувшись в три погибели. Значит, ещё и трудолюбивая. Воспитывают ведь не словами, а личным примером.

Личный пример. «Я помню немножко своего деда. Одно такое наблюдение. Он что-то строгал, поранил руку. У него кровь шла, но он не обращал на это внимание и продолжал работать. И это запомнилось», рассказывает Козин.

Запомнилось настолько, что спустя десятилетия попросилось на холст. Не ту ли это руку перевязывает раненый боец на картине «Бой» 1974 года? Не той ли это рукой другой боец утирает слёзы радости при получении известия о победе и окончании войны на парной к ней картине «Победа» [3]? И не те ли это руки – руки старика – ожидают подаяния на одной из поздних работ Козина [4]? Сложную эволюцию проделали рабочие руки в сознании и творчестве художника. Так прошлое возвращается в настоящее и заглядывает в будущее.

Есть у художника портрет отца [5], на котором фамильные козинские руки тоже играют заметную роль. Свои руки, если судить по автопортрету 1979 года [6], Владимир Иванович видит иначе, хотя в действительности они у него такие же трудовые, мозолистые – руки крестьянина, мастерового, а не артиста. Совсем как у того старика-пенсионера на упомянутой выше работе «Без названия».

Первое воспоминание об отце связано с лошадьми: «У отца было две лошади, и я помню – это было весной, когда появился жеребёнок – отец меня повёл смотреть жеребёнка». И хотя прямого отображения в творчестве художника этот и подобные ему образы не получили, трудно не заметить, как от новорожденного жеребёнка берут начало те лошади, что мечутся на одном из самых значительных для мастера полотен [7]. Лошади для него стали олицетворением всего живого [8].

Самого себя Козин помнит лет с семи. Он помнит весну, начало весны, таяние огромных, в метр-полтора, залежей снега и огромные

ручьи (эпитет «огромный» Владимир Иванович особенно любит и произносит его, растягивая второе «о»). Мальчишки делали водяные мельницы, ставили их на ручьях и смотрели, как те вертятся. А ещё они делали «ужасные вещи»: когда талая вода подмывала снег, выкапывали колодец где-нибудь на тропинке, закрывали его пробкой из снега, чтобы кто-то провалился. То-то было веселье.

И ещё одно весеннее воспоминание. Возле дома была горка, и когда солнце по весне припекало, на ней первой обнажалась земля. «Это было большое удовольствие – выскочить босиком из дома, пробежаться по снегу и скакнуть на эту землю. Грязная, холодная земля, а забавно было». Снова земля и снова сверкают голые пятки.

Но за весной следует лето и именно с этим временем года связано одно из «самых светлых воспоминаний». Когда становилось тепло, Володю и его брата Мишу, старшего четырьмя годами, переселяли в сарай – большой сарай, в котором стояли лошади, телеги и всевозможный хозяйственный инвентарь. А самый старший брат, Александр, развёл голубей – пар тридцать их было, которые жили в подвешенных под крышей вёдрах и корзинах.

– И вот рано утром, когда просыпаешься, через щели сарая бьёт солнце, такие яркие, золотые столбы света. Голуби воркуют, тяжело вздыхают лошади. И вот эта картина мне очень хорошо запомнилась, как я просыпался с таким радостным-радостным, светлым чувством.

Вот только не всегда удавалось поспать вволю. В обязанности детей входило с восходом солнца выводить коров «на ранки», прежде чем пастух заберёт их в стадо. Поднимали по очереди и Володю: «Это я тоже помню: босиком по росе, а роса холодная. Спать хотелось ужасно, но что поделаешь, идёшь полусонный». Прежде чем командовать самому, научись сперва подчиняться.

Если говорить о самых красочных впечатлениях детства, то это, конечно, ярмарки в Стародубе – яркое солнце и пёстрые, крикливые цыгане. Стародуб – старинный город, весь в церквях; и столпотворение народу – совершенно кустодиевский мотив.

– Жара. Телеги стоят. Лошадей распрягли, кормят их овсом из торб, привязанных к мордам. Площади и близлежащие улицы запружены людьми. На каждом углу церкви. Лабазы старинные, купеческие. Мальчишки бегают с вёдрами и бидонами – воду продают, под-

рабатывают. В Стародубе было три базара. На конном базаре, где продавали домашний скот и живность, заводили цыгане. Умельцы привозили из деревень утварь. Горшки лежали россыпью. Это не та керамика, что сейчас сбывают туристам – минимум декора. А из украшений – бумажные, раскрашенные радугой веера, которые, когда их раскрываешь, превращаются в круг, ветрячки на палочке и глиняные свистульки. Из лакомств – мороженное. Страшно вкусное, натуральное, – словно красками пишет Козин.

И только однажды в рассказах Владимира Ивановича о детстве слово «страшно» встречается в его прямом значении. Маленький Володя входил в единственную комнату их дома и ему казалось, «что слева – там были иконы и два окна – светло и очень приятно, а вот в правой части темно и страшно, потому что там было одно окно и стояли всякие хозяйственные принадлежности».

Разве не замечательна в своей картинности эта оппозиция света и тьмы, икон и утвари? Солнечный свет, вообще свет и, порою спокойные, вкрадчивые, а иногда напряжённые, драматические отношения света и тени всегда будут в центре внимания художника Козина. Передача света и тени, их столкновений и противоборства станут для него не только способом моделирования формы, но и самим предметом, одним из ведущих мотивов творчества.

Иконы у Козина на картинах тоже появятся. Это будут и православный Саваоф, и русская, рублёвская Троица, и нерусская, рафаэлева или давинчева Мадонна с младенцем, и опять же они будут взяты в сложных отношениях света и тени, когда свет исходит изнутри, а тень наступает снаружи [9].

При этом Владимир Иванович не считает себя верующим человеком. Мама у него была набожной женщиной, а вот отец не отличался религиозностью, как и среда в целом. Те сёла, что побогаче, что имели свою церковь, всем миром отмечали день святого или новозаветного таинства, во имя которого был освящен сельский храм. Размашисто отмечали свой «национальный» праздник, приглашали соседей, пили, гуляли, дрались, но не молились. Не молился и Володя Козин.

– Не помню, как называлась наша церковь [10]. Церквушка стояла высоко на горе, деревянная, одноглавая, в окружении лип. Тут же площадь и сад, хороший церковный сад и дом священника. А внизу

школа была. И ещё родник бил из-под этой горы с чистой-чистой, кристальной водой.

Источник тот не считался священным. Из него брали воду для чаепитий, у кого были самовары. Родник не замерзал. Зимой от воды шёл пар. В эту пору женщины туда ходили стирать и полоскать бельё. А потом церковь сломали. Владимир Иванович помнит, как мужики свергали крест.

– В один далеко не прекрасный день всё село собралось возле этой церкви. Это был 1930 или 1929 год. Молодцы забрались наверх, на купол, связали вожжи, завязали за крест, внизу ещё молодёжь подхватила, раз-два и крест летит на землю. Вой стоит: женщины плачут, мужики постарше крестятся, молодёжь смеётся. Очень ясно мне это видится и не только содержательно. Я очень хорошо представляю себе эту сцену как картину Юона: насыщенные такие ритмы — вся деревня собралась. Но не праздник, драма.

Церковь ещё какое-то время простояла. Потом её разобрали и куда-то увезли. А потом стали увозить и людей, а иные сами уходили, куда глаза глядят. Вот такая, почти что суриковская по сюжету и накалу страстей сцена:

– Я помню морозный зимний день. Соседи-кулаки. Что за кулаки? Семья – отец, мать, два женатых сына, дочери, все жили вместе – улей работоспособных пчёл. Мы узнали, что их увозят, побежали к ним на двор. Посреди двора стоят сани, запряжённые двумя лошадьми, кругом стоят крестьяне. Идёт выселение. Из хаты выводят старшего с женой, невесток, дочерей (сыновья ещё раньше, сразу после раскулачивания, подались в город). Все они одеты были по-праздничному, в шубах. Им сказали: «Одевайтесь получше, потому что с собой ничего взять не сможете». Усадили их в сани – соседи-мужики плачут – и увезли на Соловки.

Этот эпизод просится, да так и не лёг на холст. Однако довольно и того, что он, как, наверное, и ряд других ему подобных, виденных когда-то в детстве, засевших и погребённых в памяти, оставил ощущение гигантского сдвига, слома привычных устоев, перелома жизни. «Беззаконие, беспредел», – говорит Владимир Иванович. Неслучайно именно с семи лет он и помнит себя.

– Когда началось раскулачивание, в это самое время кончилось моё детство. Кончились забавы, игры. Я начал понимать, что такое

хорошо и что такое плохо; что есть справедливость, а что – насилие; стал думать, что можно говорить, а чего нельзя. Я почувствовал, что другой мир начался.

Великий исторический перелом словно пробудил к жизни сознание Володи Козина. А вдруг он и предопределил интерес будущего художника к осмыслению и разработке именно исторических сюжетов? Интерес никогда не угасавший, хотя и проявлявший себя не всегда прямо.

Владимир Иванович не понимает и не принимает разговоров о воспитании. «Я не знаю, что такое воспитание», говорит он. Его-то самого никто не воспитывал. Так он считает. Ему невдомёк, что правильное воспитание вырастает из естественного, продиктованного самой природой распределения ролей в семье.

– Отец был довольно высокий с большими, рабочими руками, очень сильный, здоровый мужик. В одиночку гумно строил. Я видел, как он эти огромные балки наверх поднимал. К маме я на ты обращался, а к отцу – на вы. Почему, не знаю. И так до конца их жизни. Мать больше жалела, а отец более строгий был, но не наказывал.

Из наставлений отца Козин помнит только одно: «Отвечай за себя сам». Натворил что-нибудь – отвечай. И для Владимира Ивановича этого фундаментального правила оказалось достаточно. На языке современной психологии оно звучит иначе: человек должен столкнуться с последствиями своего выбора. Но был ли выбор?

Коллективизация пришла в Левенку и навалилась на семью Козиных, когда характер Володи в целом уже сформировался. Бурные события общественной жизни могли доставить ему неудобства, причинить боль, даже убить, но не искалечить душу. Если задаться целью и попробовать вычленив самое главное, стержневое в Козине тогда и теперь, то, помимо любви к природе, мы обнаружим сильно развитое в нём гуманистическое начало. Или это одно и то же? Ведь человек часть природы. Можно назвать это цельностью натуры, благородством души, которое впоследствии так естественно и щедро проявилось в творчестве В.И. Козина.

Чего мы в нём днём с огнём не найдем, так это ожесточения против тех, кто «размазал по стенке», ненависти как таковой. Судьба Владимира Козина, и он не может этого не понимать, служит примером того, что в народе называется «не было бы счастья, да несчастье помогло». Ведь если

впечатлительность, предрасположенность к художественному восприятию окружающего мира зарождается в человеке из общения с природой, а значит, по условиям того времени, в деревне, то сколько-нибудь полноценное развитие эти задатки получают в городе. А в город семья Козиных перебралась не своей волей и не от хорошей жизни.

То есть, жили не хуже, чем другие. До поры, до времени. Дом – бревенчатая хата под железной крышей. Пол не земляной, как у других, а дощатый. Отец Владимира Ивановича прошёл через империалистическую и гражданскую войны, служил в частях противохимической обороны. Там он чему-то, по-видимому, научился, хотя у него было образования только четыре класса земской школы. Вернувшись с Гражданской войны, отец стал вести более разумное хозяйство, обзавёлся инвентарём, держал двух лошадей и корову. По тогдашней классификации – середняк. А раз в колхоз не вступил, то середняк-единоличник. Как середняков семью Козиных не внесли в список подлежащих раскулачиванию и высылке, а как единоличников-подкулачников – обложили твёрдым налогом, выплатить который было физически невозможно. Глава семьи, видя бесперспективность дальнейшей жизни в деревне, ушёл в город, подался в Бежицу, ныне – район Брянска. А с семьёй рассчитались односельчане.

– Всё отобрали, а потом и из хаты выбросили. В марте месяце, вещи покидали прямо на снег. Отца судили заочно за неуплату налога, дали два года. Его разыскали и взяли только в 1937 году. Год он провёл под арестом и на общественных работах, тут же в Брянске. По тем временам – сущий пустяк.

Живя в деревне, Володя ещё успел окончить четыре класса сельской школы. А у Михаила вышел перерыв – в пятый класс его, сына подкулачника, не взяли; возобновил учёбу уже в городе, вместе с младшим братом пошёл в пятый класс, что не помешало ему впоследствии окончить Московский институт философии, литературы и истории имени Н.Г. Чернышевского и стать учёным-историком, специалистом по аграрным отношениям в Латвии [11].

Ничего из начальной школы Владимир Иванович не помнит, и продолжает недоумевать: где, когда началось для него увлечение искусством? «Может, услышал что-то такое на занятиях, – гадает он. – Иначе, чем объяснить тот факт, что в 1933 году, когда я перебрался к отцу в Бежицу, меня каким-то попутным ветром как семечко занесло

во Дворец пионеров и сразу в скульптурный кружок? Никакого выбора, сразу в скульптурный кружок, где я и пророс, и с тех пор ни о чём больше не думал».

Никаких поползновений к творчеству Володя Козин до переезда в город не обнаруживал. Но два-три случая соприкосновения с искусством в раннем детстве всё-таки оставили след в памяти. Сначала репродукция картины «Тревога», увиденная в доме друзей старшего брата Михаила, на которой была изображена погранзаезда и пограничники, седлающие лошадей по тревоге. Володя даже запомнил фамилию автора – Покаржевский [12]. А потом, те же мишины друзья вырезали из бумаги лошадок и наклеивали их на оконные стёкла. Это Володя тоже запомнил. И ещё, когда он уже учился в начальной школе, ему попалась на глаза и запомнилась репродукция картины А.К. Саврасова «Грачи прилетели».

Всем остальным Козин обязан исключительно городу и горожанам. Первые настоящие учителя Володи жили в Бежице. Ольга Александровна Рождественская, преподаватель русского языка и литературы в школе, и Зинаида Павловна Мейер, руководитель скульптурного кружка во Дворце пионеров. Не учителя советской формации, а интеллигенты «из бывших» повели за собой деревенского мальчика. Так, Зинаида Павловна была дочерью царского полковника, правда, побывавшего на сахалинской каторге, и женой доцента Бежицкого института машиностроения.

– Это та старая интеллигенция, с которой я раньше никогда не сталкивался. Я бывал дома у Зинаиды Павловны, где встретил обстановку дореволюционной интеллигентной семьи. Она когда-то училась в Харьковском художественном институте, к скульптуре не очень-то имела отношение, скорее к живописи и рисунку. У неё дома по стенам в золочёных рамках висели этюды, выполненные её рукой, и среди них копия Поленова – интерьер. Великолепно! С восторгом я смотрел на эти работы. А Ольга Александровна была дочерью священника. Она семьи своей не имела, жила одна. Как день от ночи отличалась она от советских преподавателей. Всегда приходила с причёской, в строгом, закрытом платье с брошью на груди. Литературный язык, обращение, невозмутимость. Это не могло не воздействовать.

По словам Владимира Ивановича, практически ежедневное общение с этими двумя женщинами имело для него большое воспитательное значение, сказавшись впоследствии, например, в подходе к

портрету, к выбору и отношению к модели, к людям, которых он изображал, в представлении о человеке вообще.

В Бежице искусство с разных сторон входило в жизнь Володи Козина, но главное – это, конечно, скульптурный кружок. Во Дворце пионеров, юный скульптор пропадал дотемна. Зинаида Павловна разрешала заниматься и без неё. Ничто другое Козина тогда не интересовало, ни спорт, ни подготовка уроков. Только искусство.

Но почему скульптура? Может быть, именно в глине, замес за замесом, удавалось ему выместить, освободиться от всего того негативного, разрушительного, что должно было нарождаться, накапливать в душе ребёнка при соприкосновении с реалиями тогдашней советской жизни. Художественное творчество как способ сосуществования с действительностью, средство претворения, преобразования яви со знаком минус в явь со знаком плюс. Создание идеала в неидеальных условиях. Что в эпоху Возрождения, что в эпоху строительства социализма, что сегодня, в момент кризиса капиталистической системы. Всегда.

– Дворец пионеров – целая республика. Сколько людей благодаря Дворцу пионеров получило путёвку в жизнь. Только из нашего скульптурного кружка в Витебск поехали и поступили в Художественное училище два человека, а в Орёл – три человека. Рядом работал Изокружок – из него вышли братья Ткачёвы, впоследствии народные художники СССР, академики, – погибает пальцы Козин.

Советская детвора в то время была под большим впечатлением от кинематографа. Не будет преувеличением сказать, что кино выступало в роли авторитетного воспитателя для Козина и его сверстников. Оно будило воображение, приобщало к героическому, призывало к свершениям: «Чапаев», «Броненосец “Потёмкин”», «Мы из Кронштадта».

– В скульптурном кружке мы занимались совсем не детскими делами. Мы научились понимать, что такое образ. Конечно, это были уже готовые образы, подхваченные из кино. Но мы очень серьёзно над этим работали.

За стенами Дворца пионеров была трудная, полуголодная жизнь, бесконечные очереди, съёмные клетушки. Во Дворце пионеров царил совсем другая атмосфера – героизация всего и вся. Через Дворец пионеров можно было получить талоны на одежду, ездить в пионерские

лагеря, посещать оперные спектакли во время гастролей столичных театров. На счету Володи Козина «Севильский цирюльник» Россини, «Русалка» Даргомыжского, «Евгений Онегин» Чайковского.

– Это была совсем другая жизнь, моя жизнь. За три года в скульптурном кружке под руководством Зинаиды Павловны Мейер я узнал о мире искусства. Она нам рассказала о великих художниках, о замечательных произведениях, выставленных в Третьяковской галерее и о самой этой галерее. Она подготовила и по рисунку, и по живописи, и по лепке. Она сделала из нас художников и определила дальнейший путь. И всё же поступление в Витебское художественное училище не было для меня осуществлением мечты. Это было продолжение, лёгкое и естественное, моей бежицкой жизни. Я легко поступил.

Довоенный Витебск очень отличался от современного, и архитектурой, и составом населения, и градусом общественной и культурной жизни. Витебск, а не Минск был культурной столицей тогдашней Белорусской ССР. В Витебске жили все художники. Витебск был главным учебно-педагогическим центром изобразительного искусства республики. Не потому ли, не раздумывая, Владимир Козин именно в Витебске решил продолжить своё художественное образование? Ясного ответа на этот вопрос у него нет, как и ответа на другой вопрос: почему он поступил на отделение живописи, а не скульптуры?

Правда, Витебское художественное училище образца 1937 года было мало похоже на учебное заведение, каким оно создавалось на рубеже 1918 и 1919 года Марком Шагалом [13]. Шагала в Витебске помнили, но и только.

– Ничего особенного там не было, всё как обычно – рисунок, живопись. От нас требовали честно выполнять программные требования: порядочно рисовать, писать форму.

По окончании второго курса, Володя Козин поехал в Москву к брату – студенту Института философии, литературы и истории, и, конечно же, в гости к Третьяковской галерее.

– По Третьяковке ходил как по храму, всматривался в знакомые по репродукциям картины, фамилии. Помимо известных работ – Репина, Сурикова, Васнецова – мне врезалась в память картина, как ни странно, латышского художника Карла Гуна «Сцена из Варфоломеевской ночи». Вот не знаю, почему. Для меня это было чем-то сверхъестественным, а художники представлялись какими-то небожителями.

Но не в залах Третьяковки, а на выставке современного ему искусства Козин понял, что такое художник. Там его вдруг осенило, что художники не небожители, что это люди, которые живут среди людей, ходят, ездят, бывают в колхозах, на производствах и отражают увиденное в своих работах. Вот тогда-то и появилась у него мечта овладеть мастерством и заняться тем же самым, а именно – закончить училище, поехать в Ленинград, поступить в Академию художеств и стать художником. Посещение выставки «Индустрия социализма» способствовало формированию мировоззрения, вытолкнуло в жизнь. С тех пор Владимир Иванович считает, что художник должен быть членом общества, таким же, как любой другой человек. Художник не может, не должен запирается в своей мастерской, не должен считать себя вне или выше общества, но обязан быть выразителем его чаяний.

– Ответственность художника перед самим собой, перед людьми, перед обществом и, в конечном счёте, перед искусством огромна, – утверждает Козин.

И, наверное, не случайно на четвёртом курсе у него появился учитель – Хайнан Самойлович Гутерман (1909–1942). Он приехал из Ленинграда по окончании Академии художеств, которая называлась тогда Ленинградский институт живописи, скульптуры и архитектуры Всероссийской Академии художеств (с 1944 года – имени И. Е. Репина).

Год занятий под руководством Гутермана не остался без последствий – основы академического рисунка русской школы были заложены. Когда Козин появился в стенах Латвийской Академии художеств, это было ещё во время войны, он ещё носил военную форму, его сразу направили на третий курс, где учились студенты, знавшие русский язык. Козин пришёл в класс и сходу стал рисовать обнажённую модель, а до того не рисовал четыре года.

Разумеется, Витебское художественное училище дало Козину основы не только рисунка, но и живописи, хотя сложившимся художником, готовым профессионалом он себя не ощущал. Да к тому же и закончить полный курс обучения ему не пришлось. Помешала война. К витебскому же периоду относится увлечение историей.

Великая Отечественная война, участником которой стал Владимир Иванович Козин (его демобилизовали в Риге), направила эти поиски в русло осмысления опыта, уроков и итогов войны. Здесь достаточно отметить, что дипломная работа Козина в ЛАХ «Гурты на

дорогах» (1949) написана по его военным впечатлениям. К теме миновавшей войны он и потом обращался неоднократно.

В свойственной ему реалистической манере художник, однако, решает символические задачи. Война, даже справедливая, даже освободительная – страшное зло, гигантское кладбище человеческих судеб, людских надежд. Когда ещё зарастёт травой, когда ещё будет вспахано и перепахано это изрытое снарядами поле, когда ещё заколосится на нём рожь?

В высказываниях художника на военную тему не увидишь батальных эффектов. Мастер сознательно их избегает. То, что Козин говорит о войне, то как он это говорит, больше напоминает военную лирику или лучше сказать – элегию. Большинство его работ на эту тему исполнены в пейзажном ключе. Наверное, поэтому на общем их фоне так выделяется, так поражает экспрессией триптих «К жизни» (1974). В центре летящие лебеди (эти гордые и прекрасные птицы – излюбленный мотив художника), а слева и справа два бойца – один, ошалелый от огня, в пылу сражения перевязывающий себе руку (Бой»); другой, ошалелый от счастья («Победа»), утирает слёзы радости.

Но, пожалуй, ещё более сильное впечатление производит скромный холст «Ночи без сна» (1975) [14]. Инвалид, очевидно без ноги, сидит на табурете в госпитальном санузле и курит, опираясь на костыль. Выкрашенные масляной краской стены, расчерченный на ромбы (в эскизе) или квадратики пол, ряд умывальников, всё здесь создаёт ощущение жизненного тупика. И ещё больше усиливает чувство безысходности приоткрытое, особой конструкции – из такого не вылезешь – окно с кусочком ночного неба под потолком. Неверными точками опоры служат табурет, костыль и струйка дыма от папиросы – то ли канат, брошенный утопающему, то ли верёвка удушенника.

Козин пощадил наши чувства, развернув своего героя спиной к зрителю, но от этого вещь стала ещё пронзительней по звучанию: болит ведь душа, а не тело. Чужая своя история. Ведь что бы ни писал художник, он всегда автопортретен [15]. И это ещё один случай, когда прошлое не просто возвращается в настоящее, но и стучится в будущее. Перед нами отнюдь не старик. Герой картины – молодой по летам человек, который может быть ветераном Афганской или Чечен-

ской войны точно так же, как и Великой Отечественной. «Как в прошедшем грядущее зреет, так в грядущем прошлое тлеет», сказала Анна Ахматова.

– Война для меня – это не только форма уничтожения и калечения людей. Это калечение человеческих душ. Так я вижу войну и так её отражаю. В моей работе «Идут бои» [16] вообще нет героя, нет массовых сцен, нет криков «ура!», а есть бесконечное жертвоприношение.

Война внесла свои коррективы и в порядок осуществления мечты. Вместо ленинградской Козин поступил и окончил в 1949 году Латвийскую Академию художеств. Так сложились его обстоятельства, но был в этом и своего рода вызов, который Козин принял. Вызов всей его прежней живописной выучке.

– В Витебске никто даже не заикался о постановке формальных задач в искусстве. В Латвийской Академии художеств чувствовалось очень сильное влияние французской школы, бельгийской школы, собственно латышской школы, уже достаточно к тому времени сформировавшейся.

Вот и пришлось Козину вживаться в новую атмосферу, в корне пересматривать уже сложившееся понимание предмета живописи и уже в соответствии с этим вновь приобретённым видением ставить себе учебные задачи чисто колористического свойства. Мучительный процесс, по словам художника: «По сорок раз приходилось переделывать. Бесился, конечно, а как иначе добиться результата?».

– Без достижений импрессионизма живопись в наше время невозможна. Мне пришлось многое пересмотреть в своём к ней отношении. Может быть, поэтому я по собственному желанию остался на второй год на пятом курсе. Поступил то сразу на третий. Не Витебское художественное училище, а ЛАХ сделала из меня художника.

В академии работал Янис Тилберг (*Jānis Roberts Tilbergs*), ученик Дмитрия Николаевича Кардовского, продолжавший русскую школу, но выбор Козина пал на мастерскую профессора Гедерта Элиаса (*Gederts Eliass*), который считался авторитетом по части композиции. По этой дисциплине у Козина в училище всегда были пятёрки. Отличала его и склонность к решению чисто композиционных задач. К тому же Элиас прошёл серьёзную европейскую школу, учился в Ко-

ролевской академии художеств в Брюсселе и в художественной студии Жана-Поля Лорана в Париже. Это не могло не привлечь к нему Козина, как и присущая Элиасу интеллигентность.

Всё же по окончании Латвийской Академии художеств Козин планировал поступать в аспирантуру Репинского института, но Отто Скулме (*Oto Skulme*), ректор ЛАХ, уговорил его остаться в alma mater преподавателем. О принятом шесть десятков лет назад решении Владимир Иванович не жалеет.

– Впоследствии я много раз ходил по Ленинградской академии, по этим репинским коридорам, но уже в качестве преподавателя Латвийской Академии художеств. Я не испытывал сожалений. В качестве награды или компенсации жизнь предоставила мне возможность познакомиться, встречаться и общаться не только со многими классиками латышского искусства, но и со всеми теми советскими классиками, которые, сами того не ведая, оказались у истоков моей мечты, включая самого первого – Покаржевского.

Тут возникает вопрос, к какой школе и к какому направлению в изобразительном искусстве следует отнести творчество В. И. Козина? Считать ли его русским или латышским художником? Причислять его к соцреалистам, в ряды которых скопом записывают едва ли не всех, кто получил художественное образование и работал в советское время, или отмечать и выискивать у него проявления модернистских тенденций?

Сам Козин полагает себя реалистом, а термин «социалистический реализм» ставит под сомнение. Никаких стилистических особенностей соцреализм, по его словам, не имеет, это политическое название, выдуманное Максимом Горьким [17], а не искусствоведческое понятие, хоть оно и получило широкое распространение: как применялось раньше в советском искусствоведении, так и сегодня служит целям маркировки артефактов и явлений культуры советской эпохи. От критического реализма XIX столетия соцреализм, по мнению Владимира Ивановича, отличается лишь преимущественно оптимистическим, жизнеутверждающим настроением. Другое дело, что стремление к бесконфликтности в известной мере подтачивало жизненные силы советского искусства, ибо создание художественного образа без конфликта попросту невозможно, особенно в живописи, где столь многое построено на контрастах.

– Я со студенческих лет понял, что в основе картины должен быть конфликт, не обязательно литературный, но изобразительный – непременно. Сам всегда искал какой-то изобразительный конфликт. Уже начиная с диплома «Гурты на дорогах» и получившей известность картины «Первый трудовень» [18].

Разумеется, проще всего было обнаружить и обозначить конфликт, обратившись к проблематике минувшей войны. Так и делали Козин и многие из его русских коллег по цеху латвийских художников, среди которых было немало ветеранов Великой Отечественной войны (сам Владимир Иванович долгие годы возглавлял ветеранскую секцию СХ ЛССР). Однако тема войны, хотя и проходит через всё творчество мастера, не является для него главной. Многие полотна писались по возвращении из поездок по стране. Здесь Козин в точности следовал заветам Всесоюзной художественной выставки «Индустрия социализма» – бывать, смотреть и делиться с людьми своими творчески переработанными впечатлениями.

Так, например, по впечатлениям от поездки на Кольский полуостров в начале 1960-х была написана картина «Горняки севера» [19]. На ней изображены поднявшиеся на поверхность из тёмной, сырой шахты горнорабочие, жмурящиеся на ярком, слепящем солнце. Этот обыденный, из смены в смену на протяжении всего заполярного лета повторяющийся для шахтёров, и, возможно, даже не замечаемый ими, переход от тьмы к свету, поразил художника, став темой жанровой многофигурной композиции. Козин пишет картину, исполненную такого сияния, что, глядя на неё, зритель сам невольно щурится. Шахтёрский труд необычайно тяжёл и опасен, но мажорное звучание работы как бы говорит нам, что это труд не подневольный.

При желании можно назвать это социалистическим реализмом. Но сам Козин предпочитает говорить о реализме романтическом. «Я воспеваю радость жизни, данной нам свыше, радость жизни, как таковой», подчёркивает художник.

Верный своему кредо и пониманию предназначения художника, Козин откликается на переломные события XX столетия, такие как, например, освоение космоса на рубеже 50–60-х годов и возрождение религии на рубеже 80–90-х. Он также один из самых заметных и значительных латвийских портретистов своего времени. А ведь портрет – это само воплощение, сгусток истории.

Крайне редко и, по-видимому, неохотно обращается Козин к заказному парадному портрету. Его отчуждённость, холодность по отношению к модели в этих случаях сразу обнаруживает себя. Совсем иначе он подходит к изображению тех, кого хорошо знает, стало быть, своих собратьев по ремеслу. Козин создаёт целую портретную галерею художников – это и его учитель Гедерт Элиас, и коллеги по Академии художеств Лео Свемп (*Leo Svemps*), Николай Брейкш (*Nikolajs Breikšs*), Эдгар Илтнер (*Edgars Iltners*), Индулис Зариньш (*Indulis Zariņš*) [20], и просто добрый товарищ и ученик Иван Васильевич Пустошкин [21]. Здесь Козин присматривается не только к внешним, но и к внутренним проявлениям модели. Продолжая лучшие традиции русского и латышского, вообще психологического портрета, он строит драматургию образа преимущественно композиционно-колористическими средствами. Порою избранные художником ракурсы, поворот головы, эффекты светотени указывают на известную дистанцию, которую, несмотря на всю близость профессионального и личного общения, держали с ним латышские коллеги. Далеко не всё в них открыто взору живописца, что-то сокровенное его модели оставили при себе, а именно то, чем они могли поделиться только в кругу соплеменников. Как ни парадоксально, в этой недосказанности и заключается острота характеристики, глубина раскрытия образов И. Зариньша, Л. Свемпа, Э. Илтнера. И тут тоже в пору говорить об автопортретности [22] [6, с. 277]. По словам, Андрея Германиса (*Andrejs Gērmanis*), портреты кисти Козина «представляют подлинную культурно-историческую и художественную ценность» [14, с. 47]. Запоздалое признание.

Для латвийского искусствоведения в целом характерна тенденция замалчивать вклад в искусство Латвии художников нелатышского происхождения. В оценке художественных явлений и конкретных произведений искусства явно прослеживается узконациональный, этнический подход. В Латвии всегда жили и плодотворно работали художники разных национальностей. В советский период, будучи полноправными членами Союза художников ЛССР, они выполняли государственные заказы, участвовали в республиканских выставках, их картины поступали в фонды латвийских музеев, но латышские искусствоведы их едва замечали. Так, в монографии Скайдрите Циелава «Искусство Латвии», выпущенной в 1979 году ленинградским отделением издательства «Искусство» в серии «Очерки истории и теории изобразительных искусств»

В.И. Козин называется лишь однажды в ряду «получивших возможность завершить своё профессиональное образование художников-фронтовиков из братских республик, с боями достигших побережья Балтийского моря и встретивших день великой Победы на земле Прибалтики, с которой они навсегда связали свою жизнь» [13, с. 176–177]. Во вступительной статье к альбому «Латышская советская живопись» (1985) и вовсе не упомянут ни один инациональный, русскоязычный художник, хотя представлены репродукции работ наиболее заметных из них, работы В.И. Козина в том числе. Умолчание о последнем здесь удивляет тем более, что творчество Козина, сохраняя своеобразие, на наш взгляд, удачно вписывается в панораму латвийского искусства. К нему вполне приложимо сказанное Расмой Лаце об эволюции портретного жанра в искусстве Латвии: «Если в 1950-е годы портрет был утверждением социального идеала эпохи, в 1960-е главной задачей поиска была типизация образа, то в 1970-х годах внутренний мир человека, его духовная и эстетическая сущность рассматриваются как определённая социальная ценность» [8, с. 287]. Вполне применимо к творчеству Козина и другое её высказывание: «Если раньше (в 1950–60-е годы – А.М.) положительная или отрицательная оценка какого-либо явления давалась в конкретном изображении, то теперь художник нередко скрывает её в метафорической образности. Такой подход позволил и натюрморту обрести значение тематической картины» [8, с. 287].

О даровании и наклонностях художника легче судить по тому, на чём он отводит душу, к чему он наиболее чувствителен. В случае Козина это этюды, пейзажи и натюрморты. Именно в этих интимных жанрах сильнее всего проявляется его талант живописца. Тут он по-настоящему свободен. Здесь-то и раскрывается в полной мере диалектика отношений художника и природы.

Творчество артиста в широком смысле слова всегда определяется богатством его образного мышления и внутреннего мира, глубиной чувств и остротой переживаний. Студентов, а ныне – своих студентов Владимир Иванович учит доверять натуре, и, вместе с тем, понимать и помнить, что натура – неважно, человек ли это, пейзаж или натюрморт – таит в себе бесконечные возможности для проявления индивидуальности. «Натуру исчерпать невозможно, она бесконечна также, как наши чувства» [10, с. 34], утверждает мастер.

Заговорят в тебе чувства в момент созерцания природы, заговорит и она сама. Останешься холоден, равнодушен, и отвернёшься от тебя целый мир, каким бы красочным и прекрасным он ни был. Без восторга перед природой нет художника. Причем не имеет значения, что именно его восторгает, вид цветка или дичи, зрелище самого совершенного творения человека – а это тоже часть природы – или самого уродливого общественного явления. Перед искусством всё и все равны. Мы судим не природу, но художника, дающего ей жизнь вечную: справился или не справился.

Козин истинный художник. Оживает всё, к чему ни прикасается его кисть, карандаш или пастельный мелок. С нами говорят линии, краски, штрихи. Порою глаз и рука мастера останавливаются на самых простых предметах, но на поверку они оказываются далеко не такими простыми, какими их видит досужий наблюдатель. Натюрморт занимает большое, быть может, центральное место в творчестве художника.

Пейзажист Николай Карагодин (*Nikolajs Karagodins*) назвал этот жанр самым трудным. «Натюрморт беседует с небесами и Богом», - его слова. «Мертвая природа» в работах живет своей особенной, по-шарденовски двойственной жизнью. Неслучайно на одном из его холстов обосновались атрибуты искусств [23]. Спустя много-много лет Владимир Иванович вспоминает, что начинал со скульптуры: женская головка, слепок с антика, представляет художества; скрипка отвечает за музыку; стопка книг – за литературу. Реминисценция Шардена налицо, но, в отличие от великого француза, у Козина предметы, порождённые и одухотворённые гением человека, даны на фоне природы. Они освещены естественным, а не искусственным светом, и дышат в унисон с природой, хочется сказать – живой природой, хотя мы видим только небо и облако.

Так тленный мир вещей выступает у Козина заодно с нетленным, бесконечным мирозданием, а связующим звеном между ними оказывается человек. Или, наоборот, это они верные посредники в диалоге двух творческих начал, непрерывном разговоре человека с Создателем. Вот только человек не всегда оправдывает оказанное ему высокое доверие, обращаясь с оружием против своих единственных друзей во Вселенной. Слишком патетично, скажет кто-то. Вовсе нет.

Скорее — трагично. Мотив вырубки, устрашающее зрелище изничтоженного леса долгие годы бередил сознание художника. Вновь и вновь на холсте возникало подобие кладбища, где оголённые стволы и обрубленные ветви деревьев лежат вповалку словно кости [24].

В натюрмортах Козина произведения живой природы и человеческого искусства всегда соседствуют. И сам человек входит в них украдкой, появляясь на репродукциях картин старых мастеров или иконах. Если же это цветы, то как правило полевые (легко догадаться, почему Владимир Иванович любит их больше садовых), но обязательно в вазе или в банке. Ваза, банка — это уже человек. Но и пейзаж у Козина редко-редко обходится без присутствия человека, даже в этюдах. Здесь же отметим богатство и свободу живописи, которая именно в пленэрных работах и эскизах достигает у Козина наивысшей степени.

– Ни один пейзажист не может работать без оглядки на французов, — поясняет Владимир Иванович. — Я много писал на пленэре. Но всё же, несмотря на любовь к импрессионистам, остаюсь приверженцем русской школы пейзажа, уделяющей много внимания настроению и выражению содержания через ландшафт, а не просто решению задач воздушной перспективы.

Каково же преобладающее настроение козинских пейзажей? Почти всегда приподнятое. Таков наш мастер, таково его мировосприятие. Тем и привлекает к себе его искусство. Теперь и на «родной его сердцу брянщине», где 18 сентября 2020 года, в ознаменование 98-летия мастера открылась ретроспективная выставка «Обязан быть счастливым» в составе 31-й работы, которые художник подарил Брянскому художественному музею [25].

Всё дальше уходит от нас, обрастая всевозможными мифами, та эпоха, что создала художника Владимира Козина. Но она оставила богатое наследие, увы, не всегда в должной мере ценимое современниками. И придёт время (не может оно не прийти), когда к нему вновь обратятся потомки, и кто-то непременно приведёт тогда слова зачинателя русской художественной критики Константина Николаевича Батюшкова, переадресовав их Козину и художникам его поколения: «Прекрасное наследие древности, драгоценные остатки, которые яснее всех историков свидетельствуют о просвещении древних; в них-то искусство есть, так сказать, отголосок глубоких познаний природы, страстей и человеческого сердца!» [1, с. 82].

Как и всякая сила, советская власть одной рукой забирала, другой – давала. Чего больше – давала или забирала – вопрос спорный. В.И. Козин получил образование, стал профессиональным художником, признанным мастером своего дела. Его увлечение искусством сделалось смыслом жизни. За долгие годы творческой активности Козин успешно проявил себя практически во всех жанрах живописи, создал десятки произведений крупной формы, вошедшие в музейные собрания разных стран, а также сотни работ камерного характера. Современное искусствоведение отводит ему место «как бы в точке пересечения русской и латышской художественных традиций», с «осмысленностью выражения, свойственной всей русской школе» [26], и лежащими в основании латышской школы принципами тональной живописи, получившими столь убедительное воплощение во всех работах В.И. Козина [14, с. 20].

Доверяя холсту свои мысли и чувства, Козин ищет и находит в живописи способ выражения идей и красоты, очень изменчивых по форме, но вечных по сути. Колорит и композиция в его работах зрелого периода всегда тщательно продуманы и вместе с тем подкупают своей естественностью и кажущейся простотой. Маэстрия красок увлекает и отвлекает зрителя от того огромного труда, который затрачивается, чтобы создать впечатление лёгкости и спонтанности. Техникой живописи Козин владеет в совершенстве, его рука тверда, кисть убедительна.

Художник живо откликается на актуальные темы. Его занимают масштабные общественные явления, волнуют капитальные сдвиги в жизни общества, а творческое мышление стремится к охвату целого, глобального. Но и в так называемых мелочах жизни он умеет уловить и передать отблеск всеобщего. Более того, стремясь к высказыванию и самовыражению в больших, общественно значимых полотнах, Козин как личность и живописец полнее раскрывается в интимных по звучанию работах малого формата. Здесь мир эмоций и чувств художника проявляется совершенно свободно, его кисть становится особенно трепетной, а живопись утончённой. Вневременные художественные ценности он создаёт, делаясь сокровенным. Козина всегда вдохновляла природа, восторженным певцом и чутким интерпретатором настроений которой он по праву считается.

Полвека мастер отдал Латвийской Академии художеств, воспитав целую плеяду художников. Он и сегодня, несмотря на преклонный возраст, продолжает делиться своим колоссальным опытом с учащейся молодёжью, у которой пользуется заслуженным авторитетом.

[1] Здесь и далее прямая речь принадлежит В. И. Козину. Аудиозаписи интервью с художником находятся в личном архиве автора.

[2] Из интервью современной российской художницы Ольги Калашниковой газете «Труд» [11].

[3] Триптих 1974 года состоит из картин «Бой» (х/м, 100x84), «К жизни» (х/м, 110x110) и «Победа» (х/м, 100x81) и находится в собрании Союза художников Латвии (СХЛ).

[4] «Без названия» (х/м, 60x40, 2007).

[5] Портрет отца (х/м, 92x73, 1982), собрание Латвийского Национального художественного музея (ЛНХМ).

[6] Автопортрет (х/м, 100x60,5, 1979), собрание ЛНХМ.

[7] «Начало» (х/м, 150x150, 1974), собрание ЛНХМ.

[8] Центральным образ лошадей стал в картине «Возвращение» (х/м, 170x150, 1971), собрание ЛНХМ.

[9] «Вера» (х/м, 68x55, 1985); «Хлеб наш» (х/м, 62x55,5, 1985), обе в собрании Брянского художественного музея (БХМ); «Полка» (х/м, 81x70, 1977); «Натюрморт со старой книгой» (х/м, 54,5x65, 1978), «Посвящение» (х/м, 61x54, 1984).

[10] Левенская церковь основана в 1691 году, поставлена на Шилиной горе и была изначально освящена во имя покрова пресвятой Богородицы. В 1799 году было возведено новое здание Свято-Покровской церкви, простоявшее до начала 30-х годов XX века. С 1867 года при церкви существовала начальная школа, а в 1890-х годах в селе открылась земская школа.

[11] Михаил Иванович Козин (1 сентября 1918, с. Левенка – 27 августа 2008, Рига) — кандидат исторических наук, доктор истории, специалист по аграрной истории Латвии XIX века. С 1951 г. и до ухода на пенсию в 1990 г. работал в Институте истории Академии наук Латвийской ССР.

[12] Пётр Дмитриевич Покаржевский (1889, Елисаветград, Херсонская губерния – 1968, Москва) — русский советский живописец, график, педагог, член МОСХ РСФСР, профессор МГХИ им. В. И. Сурикова.

[13] Витебское художественное училище основано в 1918 году как Витебское народное художественное училище и впоследствии неоднократно меняло своё название. Изначально задумывалось как трудовая школа, состоящая из разнообразных художественно-производственных мастерских, задачей которых было украшение города. В первый период его существования (1918–1923) в училище, кроме М. Шагала, преподавали К. Малевич, Л. Лисицкий, И. Пуни, В. Ермолаева, Р. Фальк [4].

[14] «Ночи без сна» (х/м, 130х130, 1975), собрание НХМЛ; эскиз «Ночи без сна» (х/м, 63х65), собрание БХМ.

[15] Об этом говорит М. М. Бахтин в статье «Проблема текста»: «Автора мы находим (воспринимаем, ощущаем, чувствуем) во всяком произведении искусства. Например, в живописном произведении искусства мы всегда чувствуем автора его...» [2, с. 130].

[16] «Идут бои» (х/м, 100х139, 1985), собрание СХЛ.

[17] В. И. Козин ошибочно приписывает А. М. Горькому изображение термина «социалистический реализм» [5].

[18] Дипломная работа В. И. Козина «Гурты на дорогах» (х/м, 1949), собственность ЛАХ; «Первый трудовой день» (х/м, 89х96, 1951), собрание ЛНХМ.

[19] «Горняки севера» (х/м, 174х210, 1961), частная коллекция (Германия).

[20] Портрет И. Зариньша (х/м, 91х82, 1977), собрание ЛНХМ; портрет Л. Свемпа (х/м, 104х77, 1978), собрание ЛНХМ; портрет Л. Свемпа (х/м, 105х75, 1979), собрание СХЛ; портрет Г. Элиаса (х/м, 100х77, 1979), собрание Елгавского музея истории и искусства; портрет Н. Брейкша (х/м, 92х70, 1980), собрание ЛНХМ; портрет Э. Илтнера (х/м, 81х92, 1987), собрание ЛНХМ; портрет Э. Илтнера (темпера, 92х72, 1987), собрание СХЛ.

[21] И. В. Пустошкин (1940) – латвийский пейзажист-акварелист.

[22] Портретную галерею художников Латвии прекрасно дополняют автопортреты В. И. Козина 1979 года (х/м, 100х60,5) и 1983 года (х/м, 25х25), оба в собрании ЛНХМ.

[23] «Окно» (х/м, 61х55, 1994), собрание БХМ.

[24] «На ветру» (х/м, 140х170, конец 1980-х), частное собрание (Латвия).

[25] Семь своих работ В. И. Козин передал в дар Художественному музею Витебска и ещё шесть – Латгальскому культурно-историческому музею в Резекне.

[26] Определение П. П. Чистякова (1832–1919), педагогическую систему рисунка которого через Х. С. Гутермана усвоил и развивает в своей творческой и учебной практике В. И. Козин.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Батюшков К.Н. Прогулка в Академию Художеств // Опыты в стихах и прозе. М., 1978. С. 71–94.

2. Бахтин М. Проблема текста // Вопросы литературы. 1976. № 10. С. 122–151.

3. Бенуа А.Н. Русская школа живописи. М., 1997. 336 с.

4. Гугнин Н.А. Из истории Витебской художественной школы // Шагаловский сборник. Материалы I-V Шагаловских чтений в Витебске (1991–1995). Витебск, 1996. С. 101–115.

5. Захаров А.В. К вопросу о возникновении термина «Социалистический реализм» // Вестник Санкт-Петербургского университета. История. 2006. Сер. 2. Вып. 1. С. 107–118.

6. Зингер Л.С. Автопортрет в системе жанров // Очерки теории и истории портрета. М., 1986. С. 274–294.

7. Индустрия социализма: каталог выставки. М.; Л., 1939. 136 с.

8. Лаце Р. Советская латышская живопись // Latviešu padomju glezniecība. Reprodukciju albums. Rīga, 1985.

9. Малнач А.Д. Возвращение, или Русский художник Евгений Климов // Русский вопрос: Публицистические очерки русского национально-освободительного движения в Латвии. 2004-2006. Сборник статей. Рига, 2008. С. 314–317.

10. Малнач А.Д. Неповерженный // Бизнес-КЛАСС. 2012. № 9. С. 32–34.

11. Сергеев В. Художник – как крестьянин: надо работать много // Труд. 2017. 7 апр.: http://www.trud.ru/article/07-04-2017/1348889_xudozhnik_kak_krestjanin_nado_rabotat_mnogo.html.

12. Спаритис О. Приветствие из молодости // Vladimirs Kozins. Glezniecība. Rīga, 2020. С. 28–31.

13. Циелава С. Искусство Латвии. Л., 1979. 308 с.

14. Vladimirs Kozins. Glezniecība. Rīga, 2020. 208. lpp.

ARTIST V. I. KOZIN: AT TURNING POINTS IN HISTORY AND CROSSROADS OF CULTURE. “ORAL HISTORY” AND ART HISTORY EXPERTISE EXPERIENCE

Abstract: The article highlights the life and artistic journey of artist V. I. Kozin. Information sources of the article are extracts of conversations with the master as well as works of art he had created over many decades. Kozin's path to art began in the Palace of Pioneers of the city of Bezhitsa, continued at the Vitebsk Art School. The course of World War II brought him to the Latvian Academy of Arts, where he became a professor and was for many years head of the Department of Painting and Composition. By combining the Russian school of drawing with the principles of the Latvian school of tonal painting in his work, Kozin made a significant, however, underestimated contribution to the fine arts heritage of Latvia.

Key words: V. I. Kozin, Vitebsk Art School, Latvian Academy of Arts, Russian school of drawing, Latvian tonal painting, Latvian art history

Малнач Александр Дмитриевич, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Латвия, amalnach@gmail.com

Malnach Alexander Dmitrievich, post graduate student, Saint Petersburg State University, Latvia, amalnach@gmail.com

Богданова Т. В.

(Россия. Российский государственный исторический архив)

**К.Х. ФОН ГИНЦЕЛЬ – ПРАВИТЕЛЬ
ВЫБОРГСКОГО НАМЕСТНИЧЕСТВА 1785-1793 гг.
(по документа Российского государственного исторического архива)**

Аннотация: Во второй половине XVIII в. управляющие губерниями, а после губернской реформы императрицы Екатерины II 1775 г., в том числе и наместничествами играли важную роль, занимая особое место в административном аппарате управления государством. На такие должности назначались чиновники, имеющие большой административный опыт, ведь от них напрямую зависело не только решение внутривластных, экономических и социальных задач, но и благосостояние населения. Интерес к изучению взаимодействия высших органов власти, центральных и местных учреждений с каждым годом возрастает. Особое внимание исследователями уделяется приграничным регионам. Богатым источником для изучения этой темы являются документы Российского государственного исторического архива. В статье на основе сохранившихся архивных документов рассказывается о правителе Выборгского наместничества К.Х. фон Гинцеле.

Ключевые слова: институт губернаторства, Выборгское наместничество, административное управление, высшие учреждения государственной власти России, К.Х. фон Гинцель.

Финляндия – регион, расположенный в Северной Европе, история которого насчитывает тысячелетия. Соседствующие друг с другом финский и русский народ в течении длительного времени активно и успешно взаимодействовали друг с другом. Регионы знали как периоды многовекового противостояния, противоборства и столкновений, так и союзнических отношений, и дружбы. Географическая близость и взаимозависимость исторических судеб заставляли население тесно развиваться в условиях трансграничья.

В Российском государственном историческом архиве хранится наиболее значимый с исторической точки зрения материал по экономическим, торговым, культурным и научным русско-финским связям,

по истории присоединения г. Выборга и ближайших территорий, а также по истории Финляндии в период действия автономного статуса в составе Российской империи.

Как известно, г. Выборг и большая часть ближайшей, принадлежащей шведам, финской территории были присоединены в результате Северной войны (1700–1721 гг.). При императрице Елизавете Петровне была присоединена часть западных земель, таким образом была образована Выборгская губерния. Губернская реформа 1775 г. не только упорядочила административно-территориальную систему страны, но унифицировала и усовершенствовала органы местного управления. Императрица Екатерина II 25 июля 1783 г. именным указом Правительствующему Сенату «О составлении Выборгского Наместничества» повелела образовать Наместничество, а местечко Сердобль именовать городом [12, л. 64 а]. В состав Выборгского наместничества вошло шесть уездов с городами – Выборгом, Вильманстрандом, Кексгольмом, Нейшлотом, Сердоблем и Фридрихсгамом. В качестве герба Выборгского наместничества был выбран герб г. Выборга [2, с. 20].

Во главе Наместничества был поставлен наместник, а функции гражданского губернатора исполнял правитель Наместничества. 16 июля 1785 г. по высочайшему повелению исполнять должность правителя Выборгского наместничества был назначен Карл Христианович фон Гинцель (1741–1816 гг.). Текст именного указа Правительствующему Сенату гласил: «Всемиловнейше повелеваем генерал-майору Карлу Гинцелю отправлять должность Правителя Выборгского наместничества. Екатерина» [13, л. 146].

Карл Христианович родился в 1741 г. в Риге, родом происходил из лифляндских дворян. Как и все представители дворянского сословия того времени начал свою службу на военном поприще. В 1756 г. поступил кадетом в бомбардирскую роту Преображенского лейб-гвардии полка. Воевал в Семилетней войне (1756–1763 гг.). В 1770–1772 гг. участвовал в военных действиях в Польше, с октября 1772 г. по январь 1773 г. исполнял обязанности военного коменданта Бендерской крепости. В русско-турецкую войну (1768–1774 гг.) был непосредственным участником знаменитого штурма Туртукая. В битве при Рущуке был тяжело ранен пулей в голову. После окончания

войны с собственным полком вернулся в Нижний Новгород. Впоследствии состоял на службе в Эстляндской и Воронежской дивизиях [3, с. 243–244.].

По именному указу Правительствующему Сенату 21 апреля 1787 г. Карл Христианович был произведен в генерал-поручики и утвержден в должности правителя Выборгского наместничества [14, л. 114]. В функции правителя Наместничества главным образом входило управление хозяйственными и финансовыми делами. К.Х. Гинцель 22 сентября 1787 г. был награжден орденом Святого Владимира 2-ой степени [4, л. 43 об., 44].

Время управления К.Х. Гинцелем Наместничеством совпало с предпоследней русско-шведской войной (1788–1790 гг.). Как известно, именно Швеция развязала войну с Россией, шведы планировали вернуть себе превосходство на Балтике. В этом их поддержал ряд европейских держав, в том числе Великобритания. В начале войны была предпринята неудачная попытка штурма крепости Нейшлот, после чего шведские войска отступили с территории России. Императрица Екатерина II высмеяла это поражение в своей комической опере «Горобогатырь Косометович» [5, л. 28]. Впоследствии основные вооруженные столкновения и сражения были перенесены с суши на море.

Во все время войны К.Х. Гинцель не покидал территорию Наместничества и каждые два-три дня слал рапорты выборгскому наместнику графу Я.А. Брюсу в Санкт-Петербург. Рапорты Гинцеля обсуждались на заседаниях Совета при высочайшем дворе. Как известно, Совет был образован еще в 1769 г. во время войны с Турцией, на его заседаниях рассматривались вопросы, связанные с ведением военных действий и обеспечением безопасности государства. Тем не менее, после окончания войны с турками Совет продолжил свою работу и был упразднен только в 1801 г. императором Александром I.

Какие сведения сообщал Гинцель в своих рапортах? Так, 15 февраля 1788 г., еще до начала шведской кампании, Карл Христианович докладывал, что на шведской границе замечено тщательное изучение расположения на границе русских войск. Этот рапорт был заслушан на заседании Совета 21 февраля [6, л. 94]. Позже правитель сообщал об объезде приграничной территории графом Поссе [6, л.

167 об.] и о постепенном увеличении и сосредоточении шведских войск на русско-шведской границе [6, л. 224].

На заседании Совета 3 июля 1788 г., на котором лично присутствовала императрица Екатерина II, обсуждался присланный накануне рапорт К.Х. Гинцеля о том, что неприятель «в больших силах» пересек границу и вторгся на территории Империи. Императрица потребовала полного отчета о мерах, предпринятых к задержанию продвижения противника. Высшие сановники тотчас заверили императрицу, что все необходимые меры были предприняты. Также Екатерину II интересовал вопрос об обеспечении пропитания войск, она «изволила указать генералу Салтыкову немедленного истребовать исчисления сколько для тамошней армии потребно быков и баранов, дабы по тому ее величество могла дать свои повеления о доставлении туда пищи войскам сего скота» [7, л. 1-3].

Как упоминалось выше, шведы предприняли попытку захвата Нейшлотской крепости и 10 июля 1788 г. на заседании обсуждался очередной рапорт Гинцеля, присланный накануне, о том, что «замок Нейшлотский еще держится и что неприятель по ту сторону забирает казенную рожь из кирхшпилей» [7, л. 38 об.].

На заседании 21 августа обсуждался рапорт К.Х. Гинцеля от 18 августа «об оставлении неприятелем всего Вильманstrandского уезда, о состоянии в каком по отступлении шведов найдены крепость Нейшлотская» и «о неусматриваемой в шведском генерал-майоре Армфельте довольно твердости» [7, л. 145].

Медлительность шведов в ведении войны вводило в заблуждение русских чиновников, строились предположения, что шведские войска готовятся к широкомасштабным военным действиям. Известный историк М.М. Бородкин в своем труде «История Финляндии. Время Екатерины II и Павла I» описывает такой случай. К.Х. Гинцель решил подкупить фаворита шведского короля Г.М. Армфельта, вечно нуждающегося в деньгах, для того, чтобы получать достоверную информацию о планах шведской короны. Для этого ему было послано анонимное письмо и предложены выгодные условия, но Г.М. Армфельт ответил отказом [1, с. 163].

В последующих своих рапортах К.Х. Гинцель докладывал о том, что в шведских войсках «поговаривают» о том, что в случае

нападения русских на территорию Швеции им поможет прусский король [7, л. 240, 240 об.] и о приезде в начале декабря 1788 г. в Шведскую Финляндию короля [7, л. 337 об.], а 15 марта 1789 г. правитель наместничества докладывал «что на границе все спокойно» [8, л. 154].

В мае 1789 г. на о. Сайме на воду были спущены десять канонерских судов, там же и построенных [8, л. 233]. В июле 1790 г. К.Х. Гинцель доложил о прибытии в Фридрихсгамский замок ста судов, принадлежавших русскому флоту [9, л. 9].

Русско-шведская война закончилась подписанием 3 августа 1790 г. Верельского мирного договора, по условиям которого оба государства сохранили свои довоенные границы. Россия отвергла все территориальные претензии Швеции [11, л. 9].

Один из последних рапортов К.Х. фон Гинцеля, который обсуждался на Совете при Высочайшем дворе 1 августа 1793 г. и который представляет несомненный интерес, о плане восстановления губернского города Выборга после произошедшего в июле 1793 г. пожара, превратившего почти весь город в пепел. Выборгский правитель предлагал заменить существующие деревянные дома на каменные.

На восстановление города императрицей Екатериной II было выделено взаимобразно пособие на 8 лет в размере 50000 руб. Совет, рассмотрев этот доклад, отклонил его, решив, что город Архангельск, «претерпевший такое же несчастье, по местоположению своему и другими обстоятельствами важнее Выборга». «Немалую» сумму, которую уже выделили для отстройки города, Совет счел достаточной помощью, чтобы население, которое там проживало, со временем, своими силами могли восстановить город [10, л. 167-168].

Императрица Екатерина II именным указом Правительствующему Сенату 21 октября 1793 г. повелела следующее: «Генерала-поручика правителя Выборгского наместничества Карла Гинцеля по прошению его за болезнью всемиловейше увольняется от всех дел, и в расуждение долговременной его усердной службы, повелеваем производить ему по смерти нынешнее его жалованье. Екатерина» [15, л. 224].

Умер Карл Христианович Гинцель в январе 1816 г. в своем имении в Вольмарском уезде Лифляндской губернии.

На протяжении всей жизни судьба благоволила к К.Х. фон Гинцелю. Являясь неоднократно непосредственным участником военных сражений, он дослужился до чина генерал-поручика, до третьего класса

Табели о рангах. После окончания военной карьеры он был назначен высшими правительственным чиновником в Выборгском наместничестве. Карл Христианович неукоснительно соблюдал возложенные на него функции, являлся первым блюстителем неприкосновенности прав верховной власти в вверенном ему Наместничестве, в точности исполнял все высочайшие повеления и предписания начальства, проявил себя добросовестным и честным управленцем. Всю свою жизнь К.Х. фон Гинцель посвятил службе на благо Российской империи и принес пользу не только государству, но и всему русско-финскому населению Наместничества, умело и мудро ими управляя.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. История Финляндии. Время Екатерины II и Павла I : с портретами, иллюстрациями, планами и картой 1789 г. / М. Бородкин. Санкт-Петербург : Государственная типография, 1912. XXXII. 446 с., 9 л. ил. : ил, планы, карта.
2. Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. СПб. : Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830.
3. Русский биографический словарь / Изд. под наблюдением пред. Имп. Рус. ист. о-ва А.А. Половцова. Санкт-Петербург : Имп. Рус. ист. о-во, 1916. Т. 5.
4. Российский государственный исторически архив (далее РГИА). Ф. 496. Оп. 3. Д. 1446. Список кавалеров ордена Владимира 2-ой степени. 1782–1823 гг.
5. РГИА. Ф. 497. Оп. 14. Д. 475. Сказка «О Горобогатыре Косометовиче» и либретто одноименной комической оперы. 1789 г.
6. РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 6. Протоколы собраний за 1788 г. Часть I.
7. РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 7. Протоколы собраний за 1788 г. Часть II.
8. РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 8. Протоколы собраний за 1789 г. Часть I.
9. РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 11. Протоколы собраний за 1790 г. Часть II.
10. РГИА. Ф. 1146. Оп. 1. Д. 15. Протоколы собраний за 1793 г.
11. РГИА. Ф. 1260. Оп. 1. Д. 523. Указы Екатерины II по разным вопросам. Мирные договоры со Швецией от 6 августа 1790 г. и Турцией от 29 января 1792 г. Копии. 1762–1792 гг.

12. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 154. Именные указы Сенату вторая половина 1783 г.

13. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 158. Именные указы Сенату за майскую треть 1785 г.

14. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 163. Именные указы Сенату за 1787 г.

15. РГИА. Ф. 1329. Оп. 1. Д. 175. Именные указы Сенату вторая половина 1793 г.

K. C. GINZEL-RULER OF THE VYBORG VICEROYALTY IN 1785-1793 (ACCORDING TO THE DOCUMENT OF THE RUSSIAN STATE HISTORICAL ARCHIVE).

Abstract: In the second half of the XVIII century, the governors of the provinces, and after the provincial reform of the Empress Catherine II in 1775, including the governorates, played an important role, occupying a special place in the administrative apparatus of state administration. Officials with extensive administrative experience were appointed to such positions, because not only the solution of domestic political, economic and social problems, but also the well-being of the population directly depended on them. The interest in studying the interaction of higher authorities, central and local institutions increases every year. The researchers pay special attention to the border regions. A rich source for studying this topic is the documents of the Russian State Historical Archive. Based on the preserved archival documents, the article tells about the ruler of the Vyborg viceroyalty, K. H. von Ginzel.

Key words: institute of Governorship, Vyborg viceroyalty, administrative management, higher institutions of state power of Russia, K. C. Ginzel.

References

1. History of Finland. The time of Catherine II and Paul I : with portraits, illustrations, plans and a map of 1789 / M. Borodkin. - St. Petersburg: State Printing House, 1912. - XXXII, 446 p., 9 l. il.: il, plans, map.
2. The complete collection of laws of the Russian Empire. [Assembly 1st. From 1649 to December 12, 1825]. - St. Petersburg: Type. 2-th Department of the Russian Chancellery, 1830.

3. Russian biographical Dictionary / Ed. under the supervision of the pre-Imp. Rus. ist. O. A. Polovtsova, vol. 5. - Saint-Petersburg: Imp. Rus. ist. o-vo, 1916.

4. The Russian State Historical Archive (hereinafter referred to as the RSHA). F. 496. Op. 3. D. 1446. List of Knights of the Order of Vladimir, 2nd class. 1782-1823.

5. RSHA. F. 497. Op. 14. D. 475. The fairy tale "About Gorebogatyр Kosometovich" and the libretto of the comic opera of the same name. one thousand seven hundred eighty nine

6. RSHA. F. 1146. Op. 1. D. 6. Minutes of meetings for 1788 Part I.

7. RSHA. F. 1146. Op. 1. D. 7. Minutes of meetings for 1788 Part II.

8. RSHA. F. 1146. Op. 1. D. 8. Minutes of meetings for 1789 Part I.

9. RSHA. F. 1146. Op. 1. D. 11. Minutes of meetings for 1790 Part II.

10. RSHA. F. 1146. Op. 1. D. 15. Minutes of meetings for 1793.

11. RSHA. F. 1260. Op. 1. D. 523. Decrees of Catherine II on various issues. Peace Treaties with Sweden of August 6, 1790 and Turkey of January 29, 1792 Copies. 1762-1792.

12. RSHA. F. 1329. Op. 1. D. 154. Nominal decrees to the Senate the second half of 1783.

13. RSHA. F. 1329. Op. 1. D. 158. Nominal decrees to the Senate for the May third of 1785.

14. RSHA. F. 1329. Op. 1. D. 163. Nominal decrees to the Senate for 1787.

15. RSHA. F. 1329. Op. 1. D. 175. Personal decrees to the Senate second half of 1793

Сведения об авторе

Татьяна Васильевна Богданова – заместитель начальника отдела информации и научного использования документов Российского государственного исторического архива. Email: taitiana@yandex.ru

Tatyana Bogdanova – Deputy Head of the Department of Information and Scientific Use of Documents of the Russian State Historical Archive. Email: taitiana@yandex.ru

Новиков М. Д.

(Россия. Санкт-Петербургский государственный университет)

ТРУДЫ А.Г. БРИКНЕРА (1834–1896) В ОЦЕНКАХ СОВРЕМЕННОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Аннотация: в данном историографическом обзоре представлен анализ работ о жизни и творчестве русского историка немецкого происхождения А.Г. Брикнера (1834–1896). Приводится краткая характеристика некоторых статей, освещающих биографические и профессиональные вехи исследователя. Оценивается их вклад в формирование понимания научного наследия А.Г. Брикнера, определение его места в историческом познании. Делается вывод о необходимости ознакомления с трудами Брикнера для формирования новых позиций в современных теоретико-методологических спорах об историческом познании.

Ключевые слова: русская историография, А.Г. Брикнер, история источниковедения, эпистемология.

В современной отечественной и зарубежной историографии довольно редко встречаются работы о жизни и творчестве русско-немецкого историка Александра Густавовича Брикнера, несмотря на его обширное научное наследие. На Западе он считается недооценённой страницей в русском историописании, в отечественной традиции вероятность встретить публикации о нём крайне невелика, однако это не позволяет категорично заявлять, что современные исследователи не располагают информацией об этом учёном.

Интерес к персоне и научной деятельности А.Г. Брикнера можно обусловить следующими причинами: во-первых, Брикнер сочетал в себе традиции европейского историописания и понимание общего хода российской истории, что позволяло выводить исторические труды о России в европейское интеллектуальное пространство. Во-вторых, непосредственная деятельность Брикнера цементировала фундамент отечественных традиций историописания, источниковедения и методологии истории, которые продолжают использоваться и по сей день.

Признание вклада А.Г. Брикнера в развитие проблематики европеизации России, изучения эпох Петра I и Екатерины II, а также российской финансовой и экономической жизни в среде российских историков второй половины – конца XIX в. было неоспоримым, однако широта рамок изучения вызывала у его коллег ощущение компилятивности и вторичности материала [2, с. 9]. Тем не менее, никто не умалял заслуг Брикнера по введению в отечественный корпус исторических источников зарубежного архивного материала. Смерть Брикнера, к сожалению, не позволила осуществить масштабные проекты, позволившие бы раскрыть новую историю России наиболее полным образом. Живой интерес историка к широкому спектру проблем отразился в его библиографическом списке, сформированном Е.Ф. Шмурло в некрологе А.Г. Брикнера, опубликованном в Журнале Министерства народного просвещения. Даже тот список, который предложил Шмурло, казался его автору не до конца полным (позже он был расширен в рамках второго тома «Биографического словаря профессоров и преподавателей Дерптского университета» [3, с. 151]). Многие из этого списка написано на немецком языке, что значительно увеличивало охват читательской аудитории и позволяло породить зарубежные дискуссии о проблемах истории России в заграничной исторической среде.

К сожалению, современная историческая наука не предоставляет нам широкого спектра исследований непосредственной деятельности Брикнера, тем не менее есть работы, позволяющие нам взглянуть на особенности его исторических трудов с точки зрения истории источниковедения. Таким исследованием является статья Н.И. Приймак, которая непосредственно посвящена источниковедческой теории и практике в исследованиях Брикнера [1]. В этой работе демонстрируется хронологическое развитие взглядов избранного автора на вопросы теории истории, задачи истории как науки, проблемы исторического источниковедения. Впитав в себя немецкие традиции «исторической критики», Брикнер почти сразу обозначил проблему определения места исторической науки в человеческом знании вообще. Его взгляды на историческое познание вообще были ближе к историософским, поскольку он полагал, что ранкианский подход к критике источника не позволяет в полной мере добиться всестороннего исторического зна-

ния. Филологический метод сделал значительный вклад в изучение некоторых групп источников, но для ряда других его рамки сдерживают получение значительного объёма информации. Отголоски этих рассуждений мы можем наблюдать в рамках современных учебных курсов, читаемых на современных исторических факультетах. В похожем контексте он рассуждает и об историографии, обозначая её место не просто как определённого списка исследований по той или иной проблематике, имеющих достоинства и недостатки в литературном изложении, а скорее, как способ оценки влияния тех или иных работ на развитие научной мысли в целом.

Отдельное внимание было уделено теоретико-методологическим рассуждениям Брикнера о месте исторического знания в системе общечеловеческого знания. Н.И. Приймак определяет его отношение как категоричное, поскольку он считал, что историк не может быть полноценным учёным, не обладая специфическим методологическим инструментарием. Без него «историки могут быть хронистами, беллестристами» [1, с. 102]. Тем не менее, сам Брикнер не оставил нам обобщённого концептуального труда, посвящённого методологии исторического знания. Судить о его воззрениях мы можем на основе ряда статей.

Источниковедение для Брикнера не было пустым местом в историческом исследовании, поэтому его сильно беспокоила узость круга исторических источников, рассматриваемых в контексте обучения «ремеслу историка». Каждый новый период истории усложняется и экспоненциально обрастает информацией, а семинары Ранке и Вайца не позволяли преодолеть этот увеличивающийся поток сведений ограниченным доверием к сравнительно небольшому кругу источников. Способ решения проблемы Брикнер видел во внедрении курса «общего источниковедения», позволявшего собрать информацию об основных исторических материалах по разным историческим периодам, а уже в рамках «семинарских» занятий нужно было разбирать «сырой» материал, погружаясь в мастерство историка. Эта идея была реализована в программе практических занятий по истории России XVI–XVIII вв. во время работы А.Г. Брикнера в Дерптском университете. Такая практическая работа могла привлечь студента к бу-

душей исследовательской работе, потому что из сочинений на семинарах появлялись исследовательские работы малых и больших форм (статьи и диссертации).

Таким образом, узловыми местами в данной статье являются размышления А.Г. Брикнера о месте истории в системе человеческих знаний, источниковедческая практика в научном и педагогическом процессах, а также особенности создания источниковедческих пособий. В отношении последнего вопроса мы также сталкиваемся с очередной постановкой проблемы, но с отсутствием крупного итогового продукта. Н.И. Приймак отмечает хвалебные слова Брикнера в адрес первого тома «Русской истории» К.Н. Бестужева-Рюмина. Книга была названа Брикнером «драгоценным изданием», поскольку позволяет судить как об особенностях источниковедения, так и об особенностях конкретных видов источников [1, с. 106]. Однако сам Брикнер приступил к некоему большому источниковедческому проекту незадолго до своей смерти.

В целом, мысли А.Г. Брикнера о теории и методе исторического познания не утратили своей актуальности. Они до сих пор остаются в поле зрения современной историографии. Знакомство с работой Н.И. Приймак позволяет убедиться в том факте, что историческое сообщество не смогло полностью прояснить ряд источниковедческих и методологических вопросов, чтобы воплотить брикнеровское понимание истории как науки о «человеческом прогрессе».

Зарубежная историография также не может похвастаться полными и обстоятельными исследованиями жизни и творчества Александра Брикнера. Единственной статьёй, которая целиком и полностью посвящена Брикнеру, была статья Лео Лоуэнсона. Она была приурочена к пятидесятой годовщине смерти учёного. В отличие от работы Н.И. Приймак данная статья в меньшей степени фокусируется на источниковедческой проблематике и больше напоминает биографический очерк с рассуждениями об историографии, позволяющий западному читателю сформировать базовое представление о трудах А.Г. Брикнера. Л. Лоуэнсон особое внимание уделяет трудам Брикнера о Петре I и Екатерине II, характеризуя их как «opus magnum» русско-немецкого историка. В своей оценке его творчества Лоуэнсон опирается на труды Е.Ф. Шмурло, поскольку именно благодаря ему,

мы имеем достаточно объёмный библиографический очерк научного наследия Брикнера.

По мнению Лоуэнсона, возможность Брикнера свободно писать на двух языках, сильная связь с западной историографией делали его одной из необычных фигур русской исторической мысли. Однако, двуязычность автора не всегда была преимуществом для читателей. Лоуэнсон отмечает, что Брикнер имел привычку переводить свои работы на немецкий без каких-либо существенных пояснений и адаптаций для зарубежного читателя, а также нередко делал обобщения из своих предыдущих работ, выпуская их под видом новых [3, с. 155]. Тем не менее, темы, затронутые Брикнером в научной деятельности, порождали дискуссии и довольно противоречиво оценивались современниками. В первую очередь, это касается проблем европеизации России, поскольку во время творческой активности Брикнера острота дискуссии славянофилов и западников непосредственно влияла на оценку и критику трудов рассматриваемого нами исследователя. Западные исследователи-современники также не оставались в стороне и вступали с ним в полемику, особенно по вопросу роли Петра в процессе европеизации России.

Данный процесс для Лоуэнсона является основополагающим в оценке научной деятельности Брикнера, потому что сам процесс нельзя отнести к чисто историческим проблемам. Л. Лоуэнсон считает, что её стоит относить к историсофским. Европеизация России для Брикнера началась задолго до Петра I, что выразилось в ряде публикаций по теме, демонстрировавших трансформацию России из государства азиатского в европейское. Агентами европеизации Брикнер считал «русских за границей», которые наращивали культурные контакты за рубежом и «иностранцев в России», которые также привносили в русскую жизнь иные черты, направлявшие ход исторического развития в европейском русле. Брикнер считал, что Россия стала бы европейским государством и без Петра, а уже такая постановка вопроса порождала противоречия между ним и его коллегами. (Справедливости ради, стоит сказать, что современное общество и профессиональное историческое сообщество до сих пор не определилось с местом Петра I в российской истории, но сторонниками и противниками Петра в равной степени признаётся коренное изменение Петром хода русской истории.) Но именно ставя вопрос объёмно, с широкими

временными рамками можно было превратить историю из искусства рассказа о прошедших событиях в науку, способную на сложные обобщения и располагающую обширным количеством разнообразных фактических данных.

Критика подхода Брикнера современниками заключалась в демонстрации его «максимальной неисторичности», поскольку он пренебрегал влиянием варягов, Византии и финальным аккордом Петра, который бесповоротно «поставил Россию на европейские рельсы». В статье приводятся слова немецкого историка Т. Шиманна, который писал, что Россия не сможет быть полностью европеизирована из-за небольшого содержания «европейской крови», неспособной генетически вести русских на Запад. Однако Лоуэнсон отмечает, что подобные замечания были сделаны без отрыва от актуального на тот момент политического контекста (речь шла о процессе русификации Балтийских территорий). Сюда же встраивалась и довольно предвзятая славянофильская критика Брикнера, строившаяся на приписывании ему всех смертных грехов, за которые он ранее «бичевал» «балтийских» историков, а также недооценка Византийского влияния на историю и культуру России. Тем не менее, Брикнер не боялся выступать с ответами на критику своих работ и нередко побеждал в этих интеллектуальных баталиях.

Лоуэнсон заключает, что Брикнер был весьма незаурядным учёным и преподавателем, поражавшим своим обаянием и профессионализмом даже тех, кто не был полностью согласен с его взглядами. Двухязычное историческое наследие также значительно повлияло на исследователей разных стран, провоцируя на новые размышления и порождая интерес к проблемам европеизации России [4, p. 80].

В похожем стиле размышляет и профессор Тартусского (Дерптского) университета Тит Розенберг, в котором А. Брикнер долго работал [5]. В исторической памяти университета, несомненно, фигура русско-немецкого историка занимает немалое место и до сих пор остаётся одним из фундаментальных профессиональных ориентиров.

Обе статьи оценивают вклад Брикнера в историческую науку в положительном ключе, демонстрируя схожее понимание смыслов, закладываемых А.Г. Брикнером в свои труды по русской истории. Возможно, если бы историк оформил свой источниковедческий труд, то

мы бы смогли крайне подробно разобрать его взгляд на тонкости извлечения исторической информации из прошлого.

Эпистемологические вопросы, над которыми размышлял А.Г. Брикнер не потеряли своей актуальности и в современном профессиональном сообществе, поскольку до сих пор не найден чёткий ответ на вопрос о научности исторического знания, его месте в системе наук, особенностях и ограничениях определённых методов исторического исследования, именно поэтому с его взглядом стоит, как минимум, ознакомиться, а, как максимум, актуализировать в свете современных дискуссий о теории и методологии исторического познания в России.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Приймак Н. И. Вопросы теории и практики источниковедения в научном наследии А. Г. Брикнера // Государство, общество, архивы в истории России к 60-летию А.Р. Соколова. Сборник научных статей. СПб.: Лики России, 2009. С. 100–109.

2. Шмурло Е.Ф. А. Г. Брикнер: (Некролог) // Журнал Министерства народного просвещения. 1897. № 2. Отд. 4. СПб.: Типография В.С. Балашева и К°.

3. Lowenson L. The Historian Alexander Bruckner, 1834–1896 (A Neglected Page of Russian Historiography) // *The Slavonic and East European Review*, Vol. 25, No. 64. 1946. pp. 149–158.

4. Petrov E. Bilingualism in the Russian Expatriate Communities. Baron Sergei Korff at the Universities of Finland, Estonia and the USA // *Tartu Ülikooli ajaloo küsimusi*. XLII. 2014. №. 42. P. 79–101.

5. Rosenberg T. (2004). *Tartu ülikooli Vene ajaloo professor Alexander Brückner (1834–1896)*. Grichin, K. (Toim.). *Õpetatud Eesti Seltsi Aastaraamat 2002 (42–58)*. Tartu: Õpetatud Eesti Selts.

WORKS OF A. G. BRÜCKNER (1834–1896) IN ASSESSMENTS OF MODERN HISTORIOGRAPHY

Abstract: The review provides an overview of the work on the life and work of the Russian historian of German descent, A. G. Brückner (1834–1896). A brief description of some articles covering the biographical and professional milestones of the researcher is given. Assessing their contribution to the understanding of the A.G. Brückner’s scholar heritage and the definition

of his place in historical knowledge. It is concluded that it is necessary to familiarize with the works of Brückner for the formation of new positions in modern theoretical and methodological disputes about historical cognition.

Keywords: Russian historiography, A.G. Brückner, historical source study history, epistemology.

Новиков Максим Дмитриевич, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия.

Novikov Maxim Dmitrievich, post graduate student, Saint Petersburg University, Russia.

Петров Е. В., Дудченко Г. Б., Эльц Е. Э., Рябова Л. К.
(Россия. Санкт-Петербургский государственный университет)

ОТ НАУКОВЕДЕНИЯ К НАУЧНОЙ ДИПЛОМАТИИ: ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИСТОРИИ РОССИЙСКО- ШВЕЙЦАРСКИХ АКАДЕМИЧЕСКИХ СВЯЗЕЙ

Аннотация: в статье рассматриваются историографические аспекты изучения истории российско-швейцарских академических отношений. В ней переосмысливаются основные направления и формы развития двухстороннего научного сотрудничества. В качестве доминирующего подхода в литературе XX столетия, авторами вычленяются работы, выполненные в науковедческом жанре. С точки зрения истории научной мысли рассматриваются работы, посвященные швейцарским ученым на службе Петербургской академии наук. Современная тематика исследований двусторонних академических связей переосмысливается авторами в контексте интеллектуальной истории, которая лишней раз свидетельствует о важности развития института «научной дипломатии».

Ключевые слова: Академические связи, российско-швейцарское сотрудничество, научно-образовательный обмен, историография, научная дипломатия

В 2014 году Россия и Швейцария чествовали 200-летний юбилей установления дипломатических отношений. Странами была анонсирована и реализована программа торжественных мероприятий, затрагивающая разносторонние сферы российско-швейцарского сотрудничества. Были проведены первые в истории двух стран «перекрестные сезоны культуры». Юбилейный год, стартовавший с мероприятий Швейцарского дома в Олимпийском парке в Сочи, акцентировал внимание на роль научно-образовательных связей между странами. В гостевом доме Швейцарии, ставшим не только местом встречи швейцарских спортсменов, болельщиков и журналистов, но и площадкой для общения с видными российскими деятелями и широкой публикой, был представлен фильм, посвященный истории и текущим проектам научного сотрудничества. О давней истории развития и масштабах академических связей России и Швейцарии нам напоминает установленный в юбилейный год памятный знак в честь профессора Женевского Университета Луи Дюпарка. Он являлся первооткрывателем и исследователем месторождений платины в Свердловской области [34], там же в областном краеведческом музее был установлен бюст его основателю, уроженцу Швейцарии, Онисиму Егоровичу Клеру.

Академические связи являются традиционно сильной стороной двусторонних отношений. На данную тему неоднократно высказывались ведущие политики двух стран, отдавая должное «научной дипломатии». В 2006 г. в рамках официального визита в Россию госсекретарь Швейцарии по науке и образованию Ч. Кляйбер заявил о желании подписать соглашение с целью более тесного сотрудничества с Россией в сфере науки и образования, а также восстановления исторических университетских связей двух стран.

В феврале 2007 года Государственный секретариат по образованию и науке Швейцарии наделил Университет Женевы полномочиями основного координатора по реализации программы научно-технического сотрудничества с Россией, со-координатором назначен Федеральный политехнический институт Лозанны (EPFL) [13]. Важную роль в поддержке крупных двусторонних исследований продолжает играть Швейцарский национальный научный фонд [37] В 2019 г. фонд заключил «Меморандум о сотрудничестве в сфере поддержки фундаментальных научных исследований» с Российским фондом

фундаментальных исследований (РФФИ), с которым накопил опыт продолжительного двустороннего взаимодействия.

Опубликованные к настоящему моменту в России и Швейцарии сведения о масштабах научного сотрудничества, позволяют вести речь об успешном опыте научной дипломатии двух стран, наиболее активными участниками которой с российской стороны выступают Минобрнауки, Российская академия наук, РФФИ, ведущие университеты. Множество проектов были реализованы международным центром культурного и научного сотрудничества «Хеленика» [1].

Важным свидетельством укрепления научных связей послужил швейцарско-российский форум «Вызовы инновации в современной России и Швейцарии» [1], проводившийся в 2013 г. и курировавшийся правительствами двух стран. Несколько лет назад совместными усилиями в Женеве была учреждена российско-швейцарская научная ассоциация (Russian-Swiss Science Association, RSSA) [21, с. 236], которая одной из главных своих целей ставит развитие взаимодействия между учеными, научными организациями и промышленными предприятиями двух наших стран. Следует отметить проведение многочисленных научно-образовательных форумов в рамках российско-швейцарского соглашения о научно-техническом сотрудничестве» [25], одну из последних выставок «Россия – Швейцария. 300 лет сотрудничества (из истории российско-швейцарских отношений в XVII–XX вв.)».

Данный опыт сотрудничества свидетельствует об исключительной роли академических институтов в решении сложных и противоречивых вопросов нашего времени.

История российско-швейцарских научных отношений достаточно обстоятельно изучалась в отечественной историографии. В Российской Империи выходило в свет немало работ, посвященных ученым из Швейцарии, жившим и работавшим в России, которые оказали влияние на развитие отечественной науки, российского общества и государства. Документы и материалы «архивной россики», хранящиеся в швейцарских коллекциях и собраниях изучались стараниями Сергея Михайловича Строева (1815–1840), Михаила Ивановича Сухомлинова (1828–1901) и графа Алексея Сергеевича Уварова (1825–1884). Сергей Михайлович Строев целенаправленно выезжал

за границу в 1837 г. с поручением «привести в известность» русские и славянские памятники в разных европейских архивах.

По возвращению в Петербург, он приступил к описанию находок, но труд, вышел в свет уже после смерти его автора [19]. В марте 1858 г. Михаил Иванович Сухомлинов (1828–1901) посетил крупнейшие европейские и западнославянские центры культуры, где изучал памятники мировой литературы в знаменитых библиотеках и университетских архивах. Свои впечатления от заграничной поездки он оставил в статьях, опубликованных в журнале «Русский Вестник».

Он был первым из российских историков, которому удалось познакомиться с архивными материалами Лагарпа в Лозанне. По возвращении из-за границы, в декабре 1860 г. Михаил Иванович Сухомлинов был назначен экстраординарным, а в 1864 г. ординарным профессором Санкт-Петербургского университета. Позже на изучении таких вопросов как педагогическая деятельность Лагарпа остановился [20] Граф А.С. Уваров, который во время зарубежных поездок в конце 1860-х не только приобретал отечественные древности и произведения западноевропейского искусства, но и описал рукописи учебных материалов Лагарпа, переданные в Лозаннскую библиотеку [22].

Данные работы стали библиографической классикой, на основе которых появились труды, претендующие на более широкие историографические обобщения. Об исследователе флоры и фауны в России и организаторе биологической науки Иоганне Аммане в 1831 г. оставил описание Й.Ф. Брандт. Темы, связанные с российско-швейцарскими контактами, раскрыты в работах П. Пекарского, Ф.И. Рупрехта, В. Рихтера по истории Императорской академии наук и истории медицины в России. В 1903 г. В.А. Скрипицын опубликовал свои воспоминания об А.П. Энгельгардте. Также имена ученых швейцарского происхождения упоминаются в биографических справочниках С.А. Венгерова, И.П. Бородина, С.Ю. Липшица, Д.И. Литвинова.

В советское время академические контакты между странами развивались в условиях особой роли, которую играла Швейцария в системе международных отношений. Предметом интереса советских историков являлись темы, связанные с изучением численности и состава русской революционной эмиграции в Швейцарии, выявлением архивных коллекций по истории международного рабочего движе-

ния. Сюжеты, связанные со Швейцарией, представлены в издававшейся в СССР мемуарной литературе – в воспоминаниях А.В. Луначарского, Н.А. Семашко, С.Д. Меркулова, Н.Г. Кулябко-Корецкого, В.Ф. Фигнер.

Они же активно прорабатывались в советских журналах «Каторга и ссылка» и «Красная летопись», издававшихся в 1920-е – 30-е годы, соответственно, в Москве и Ленинграде. Обращает на себя внимание переизданная в 1923 г. книга В.М. Величкиной «Швейцария. Швейцарские горы, швейцарские города и деревни, жизнь швейцарского народа» [2]. Следует заметить, что швейцарская тематика нашла свое отражение в художественной литературе и искусстве, в произведениях, получивших в стране чрезвычайную популярность. Таковы образ Франца Лефорта в романе А.Н. Толстого «Петр I», кинофильм В.И. Пудовкина «Суворов», роман Ю.С. Семенова и фильм Т.М. Лиозновой «Семнадцать мгновений весны».

Из специальных работ советского периода, посвященных истории академических контактов, следует выделить статьи А.Я. Кипермана «Русская эмигрантская колония в Цюрихе в начале 70-х годов XIX века» [5] и работу В.Н. Фирстовой «Царская дипломатическая миссия в Берне» [23]. Отдельные сюжеты научного сотрудничества двух стран нашли свое отражение в литературе русского зарубежья. В начале 1930-х годов в Берлине были изданы книги П. Аксельрода под общим заглавием «Прожитое и пережитое», в 1968 г. в Мюнхене вышла книга Н.О. Лосского «Воспоминания. Жизнь и философский путь», в 1985–1986 гг. в Париже – двухтомник А.Э. Краснова-Левитина «По морям, по волнам...», посвященный истории русской диаспоры. Там же в 1985 г. вышла книга А.В. Герасимова «На лезвии с террористами». Среди исследовательских публикаций также выделяется работа П.Е. Ковалевского «Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970)», опубликованная в Париже в 1971 г. [6].

Основные направления и формы двухстороннего научного сотрудничества переосмысливались в работах швейцарских авторов. Также как и в Советском Союзе, исследователи затрагивали академические контакты в темах, связанных с историей русского революционного движения. Например, Э. Клуге «Русская революционная пресса во второй половине XIX века», изданная на немецком языке в

Цюрихе в 1948 г., многие работы А. Зенна, выходявшие в основном в США в 1970-е – 80-е годы.

Ряд работ, изданных в Швейцарии, посвящен отдельным персоналиям, связанным с историей российско-швейцарского взаимодействия. В одних случаях тема академических контактов затрагивается в общем контексте, в других работы посвящены тем личностям, которые работали на ниве науки и образования. Выделить эту грань сложно, и за авторством швейцарских исследователей в XX в. вышло много работ, посвященных людям, чья жизнь и судьба связана как с Россией, так и со Швейцарией. В качестве примеров таких работ следует упомянуть статью Й. Эрета об архитекторе Н.Ф. Гербеле, опубликованную в Базеле в 1949 г., статью Б. Трабера о профессоре Анне Тумаркиной, помещенную в изданном в 1980 г. справочнике о сорока знаменитых женщинах Берна за семь веков. Кроме статей выходили и книги: в 1961 г. – Ф. Мейера о Марке Шагале, в 1986 г. – Ф. Тюрлеманна о Василии Кандинском, в 1988 г. – Б. Фетке о Марианне Веревкиной.

Общую характеристику информационно-славистических ресурсов швейцарских библиотек и архивов можно найти в ряде специальных работ. Среди них статья Э. Ланге «Швейцарская печать на русском языке», подготовленная к 50-летию юбилею Национальной библиотеки Швейцарии, который отмечался в 1945 году. Из более поздних публикаций можно выделить статью И. Реслера о терминологии российских архивных документов, опубликованную в 1956 г., статью Ф. Либа «Русско-славянская библиотека в университетской библиотеке Базеля», вышедшую в Цюрихе в 1962 г., статью М. Банковски-Цюллига «Первая «Русская библиотека в Цюрихе (1870-1873)» в сборнике за 1986 г. [28].

Еще одним тематическим блоком стали работы, посвященные истории русских академических сообществ в Швейцарии и, соответственно, швейцарских в России. В 1923 г. в Лозанне на французском языке вышла брошюра Г. Рейнолда «Российские академические группы. Отчет о положении и организации российских интеллектуалов за пределами России». В 1950-1954 гг. в журнале «Basler Zeitschrift für Geschichte» Й. Эрет опубликовал статьи, посвященные истории Базельской миссии в России [32; 33]. Взаимоотношениям двух стран за длительный период посвящена книга Д. Дрейера

«Швейцарский крест и советская звезда: отношения между разными партнерами с 1917 года», вышедшая в Цюрихе в 1989 г. [31].

На рубеже XX–XXI вв. отношения между странами развивались в условиях глобализации и складывания новой архитектуры межгосударственных отношений европейских стран. По уже устоявшимся направлениям исследований вышли новые публикации.

По архивному и библиотечному делу можно выделить работы Б. Штудера «Открытие российских архивов» и «Российские архивы в качестве источника современной швейцарской истории», опубликованной в 1994 г. В журнале «Арбидо» в 1999 г. на французском языке Д. Гранге, М. Майер и П. Шек опубликовали статью под заголовком «Российские муниципальные архивы». Тогда же появились работы И. Черновой-Бургер, посвященные швейцарской библиотеке Восточной Европы и ее русскоязычным коллекциям [24, 29].

Продолжились исследования и по персоналиям. В 1993 г. в Люцерне была издана книга о художнике-графике и карикатуристе Грегоре Рабиновиче. В 1994 г. в сборнике, посвященном И.К. Лафатеру, была опубликована статья Р. Гейера «Лафатер в интеллектуальной и культурной жизни России XVIII–XIX вв.». В 1995 г. в Базеле вышла публикация Р. Ганера «Карьера в Москве» об известном промышленнике Хайнрихе Хандшине.

В общественном мнении двух стран всегда оставался весьма актуальным запрос на сотрудничество. Об этом свидетельствуют материалы сборника «Образ и встреча: культурное взаимодействие Швейцарии и Восточной Европы на протяжении веков», изданный в Базеле в 1996 г. и данные статьи М. Ленгена «Структурный срез поколения швейцарцев в России накануне Первой мировой войны», опубликованную в журнале «Schweizerische Zeitschrift für Geschichte» в 1998 г. [36]. Следует отметить книгу Ж. Нива, изданную в 1993 г. на французском языке в Лозанне, «Россия – Европа: конец расколу. Литературные и политические исследования». А также статьи: С. Павильона «Новый образ советской России в Швейцарии (1943–1944)» в сборнике за 1995 г., Т. Штеффена «Контрастные партнеры: отношения Швейцарии и Советского Союза в 1946–1956 гг.» в журнале «Studien und Quellen» за 1995 г. [38]. В 1995 г. усилиями обеих стран был издан уникальный сборник документов «Россия – Швейцария. Russie – Suisse. Russland – Schweiz. 1813–1955: Документы и материалы» [15].

Ряд научных мероприятий был приурочен к 300-летию Санкт-Петербурга. В 2002 г. при поддержке международного центра «Хеленика» вышел сборник «Швейцарцы в Петербурге» [26]. В 2003 г. совместно со швейцарскими партнерами *Санкт-Петербургский Филиал Института Истории Естествознания и Техники РАН* организовал швейцарско-петербургский colloquium «Базельские математики и физики XVIII в. в Санкт-Петербургской Академии наук». В 2007 г. в Северной столице прошла международная конференция «Леонард Эйлер и современная наука», по материалам которой был издан совместный сборник трудов [9].

Из более поздних публикаций следует отметить статью Г.А. Тишкина и А.С. Крымской «Российские студентки в Швейцарии в 60-е годы XIX – начало XX в.» в сборнике, вышедшем в 2007 г. в Санкт-Петербурге. В 2008 г. была издана книга Рудольфа Мументалера «Швейцарские ученые в Санкт-Петербургской академии наук, XVIII в.» [10]. О материалах академической россики в Швейцарии в отечественной историографии публиковались статьи Е.В. Петрова, Т.С. Криницыной, Г.Б. Дудченко и др. [4; 12]. Данная проблематика освещалась в целом ряде беллетристических работ. В 2011 г в Москве была напечатана книга М.П. Шишкина «Русская Швейцария» [27], посвященная многим знаменитым россиянам, побывавшим в Швейцарии. Современное состояние российско-швейцарских культурно-гуманитарных связей России и Швейцарии стало предметом исследования в публикации Ю.В. Николаевой и Е.Э. Эльц, приуроченной к чествованию 200-летнего юбилея с момента установления дипломатических отношений двух стран [11].

За долгое время изучения истории академических контактов России и Швейцарии сложилась обширная историография, определились традиционные направления исследований. Отечественная и зарубежная библиография по истории российско-швейцарского научного сотрудничества по всем отраслям знаний насчитывает весьма большое количество наименований. В XX столетии опыт взаимодействия национальных академий переосмысливался с науковедческой точки зрения. Отечественные и зарубежные труды этого периода способствовали накоплению материала по содержанию академических контактов, деятельности русской революционной эмиграции в Швей-

царии. Они позволили переосмыслить роль и масштабы научно-образовательных форм сотрудничества и его важнейшие направления. С началом XXI века взаимодействие и сотрудничество российских и швейцарских исследователей, всё больше поддерживается и даже инициируется субъектами научной дипломатии обеих стран, связанными и с органами исполнительной власти, и с фондами, и с научными и образовательными центрами. В настоящее время в историографии изучения российско-швейцарских отношений все сильнее проявляется фактор «дипломатии для науки» - направления научной дипломатии, способствующего популяризации исследований российских и швейцарских ученых, и поддерживающего международное научное сотрудничество.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. В Лозанне состоялся первый Российско-Швейцарский форум по вопросам инновационной политики [Электронный ресурс].-Режим доступа: https://www.samregion.ru/press_center/news/v-lozanne-sostoyalsya-pervyj-rossijsko-shvejtsarskij-forum-po-voprosam-innovatsionnoj-politiki/ (дата обращения: 03.05.2018).

2. Величкина В.И. Швейцария. Швейцарские горы; швейцарские города и деревни; жизнь швейцарского народа. М.: Коммунист, 1918. 240 с.

3. Данилевский Р.Ю. Русские миражи в Швейцарских Альпах (Швейцария и российские социокультурные утопии) // К истории идей на Западе: «Русская идея». СПб.: Издательство Пушкинского дома, 2010.

4. Дудченко Г.Б., Криницына Т.С., Петров Е.В., Подсадников Д.А. Не должны быть допускаемы к какой бы то ни было педагогической деятельности»: о списке российских подданных в Цюрихском университете и «политехникуме» в 1873–1874 гг. // Историография и источниковедение отечественной истории. Вып. 8. Историк, документ, цензура. Источниковедческие и историографические аспекты изучения истории отечественной и зарубежной периодики. СПб., 2015. С. 297–304.

5. Киперман А.Я. Русская эмигрантская колония в Цюрихе и ее связи с Россией в начале 70-х годов XIX века // Ученые записки Шуйского педагогического института. Вып. 10. Шуя: ИШПИ, 1963. С. 215–239.

6. Ковалевский П. Е. Зарубежная Россия: История и культурно-просветительная работа русского зарубежья за полвека (1920–1970). Paris, 1971. 347 с.

7. Коллмер П. Архив русских швейцарцев при историческом семинаре Цюрихского университета [Электронный ресурс]. Режим доступа:

http://samlib.ru/j/jarich_irina_georgiewna/arhivruskihshejzarzev.shtml

(дата обращения: 25.02.2021).

8. Кудрявцева Е.Л. Документы русской эмиграции и материалы, касающиеся России и СССР в фондах Архива современной истории в Цюрихе. Режим доступа:

http://samlib.ru/j/jarich_irina_georgiewna/dokumenturusskemigracii.shtml

[Электронный ресурс] (дата обращения: 25.02.2021).

9. Леонард Эйлер и современная наука. Материалы Международной научной конференции / Отв. ред. Э.И. Колчинский, Э.А. Тропп. М.: РАН, 2007. 470 с.

10. Мументалер Р. Швейцарские ученые в Санкт-Петербургской академии наук. XVIII в. / Отв. ред. Л.И. Брылевская. СПб.: Нестор-История 2009. 236 с.

11. Николаева Ю.В., Эльц Е.Э. Роль Санкт-Петербурга в развитии культурного сотрудничества со Швейцарией (в начале XXI века) // Санкт-Петербург – Швейцария. 200 лет российско-швейцарских дипломатических отношений / Отв. ред. Е.Н. Кальщиков, С.Б. Коренева и др. СПб.: Издательство «Европейский дом», 2016. С. 512–527

12. Петров Е.В., Криницына Т.С., Коньков В. «Цюрихское дело» русских студенток 1873–1874 гг. и его последствия для развития высшего женского образования в России // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Выпуск II: Материалы всероссийской научной конференции «Печать и цензура в истории России». 14 марта 2016 г. – Брянск: «Курсив», 2016. С.134–144.

13. Программа Российско-Швейцарского научно-технического сотрудничества [Электронный ресурс]. Режим доступа:

<https://www.eda.admin.ch/countries/russia/ru/home/bilaterale-beziehungen/bildung.html> (дата обращения: 01.05.2014).

14. Российско-швейцарские научные связи: [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.uni-ch.ru/press_SV/prSV_2004_Badoux.htm (дата обращения: 01.05.2014).

15. Россия–Швейцария–Russie – Suisse – Russland –Schweiz. 1813–1955. Документы и материалы. М.: Международные отношения, 1995. 622 с.

16. Сверить часы: [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://www.rg.ru/2014/03/18/swiss.html> (дата обращения: 01.05.2014).

17. *Смекалкина В.В.* Русские путешественники в Швейцарии во второй половине XVIII – первой половине XIX в. М.: Языки славянской культуры, 2015. 374 с.

18. Степанов А.И. Швейцарцы в России и русские в Швейцарии // Новая и новейшая история. 2006. № 1. С. 120–151.

19. Строев С. М. Описание памятников славяно-русской литературы, хранящихся в публичных библиотеках Германии и Франции. Москва: Типография С. Селивановского, 1841. 176 с.

20. Сухомлинов М. И. Фридрих-Цезарь Лагарп, воспитатель императора Александра I. Санкт-Петербург: печатня В.И. Головина, 1871. 62 с.

21. Турко Т.И., Родионова Г.Г. Сотрудничество с учеными-соотечественниками, проживающими за рубежом // Инноватика и экспертиза: научные труды. 2015. № 2 (15). С. 234–242.

22. Уваров А. С. Бумаги Лагарпа, хранящиеся в публичной библиотеке в Лозанне // Русский архив. 1869. Вып. 1. С. 75–82.

23. Фирстова В.Н. Царская дипломатическая миссия в Берне и русская эмиграция // Вопросы истории. № 6. 1973. С.205–207.

24. Чернова-Бургер И. Русскоязычные книги и периодика конца XIX – начала XX века в швейцарской библиотеке Восточной Европы (Берн) // Staatsbibliothek zu Berlin – Preussischer Kulturbesitz. Veröffentlichungen der Osteuropa-Abteilung/ Hrsg. von F. Goerner. Bd. 23: 27. ABDOS-Tagung. Goettingen, 18–21. Mai 1998. Referate und Beitrage/ Zgst. V.W. Andreesen. Berlin, 1998. S. 131–142.

25. Швейцарско-российский научно-технический форум Швейцарские новости на русском языке Режим доступа: <https://nashagazeta.ch/node/15219> (дата обращения: 01.05.2018).

26. Швейцарцы в Петербурге / [Мадлен Изабель Люти, Эва Медер, Елена Тарханова]. СПб. : Изд-во «Петербург. ин-т печати», 2002 (Акад. тип. Наука РАН). 623 с.

27. Шишкин М.П. Русская Швейцария : литературно-исторический путеводитель. Москва : Вагриус, 2006. 654 с.

28. Bankowski-Zuellig M. Die erste «Russische Bibliothek in Zuerich» (1870–1873) // Zuercher Taschenbuch auf das Jahr 1987. Zuerich, 1986. S. 116–146.

29. Cernova-Burger I. Die «Davoser Bibliothek». Ein Bestand der Schweizerischen Osteuropa-Bibliothek Bern. Mit 12 Abb.// Librarium: Zeitschrift der schweizerischen Bibliophilen-Gesellschaft. H. III. Bern, Jg. 42 (Dez. 1999). S. 207–214.

30. Die besten Jahre unseres Lebens - Russlandschweizerinnen und Russlandschweizer in Selbstzeugnissen. 1821 - 1999/ Hrsg. von P. Collmer. - Zuerich: Chronos Verlag, 2001. 397 s.: Ill. (= Beitrage zur Geschichte der Russlandschweizer, Bd. 8.

31. Dreyer D. Schweizer Kreuz und Sowjetstern. Die Beziehungen zweier ungleicher Partner seit 1917. Zuerich: NZZ Verlag, 1989. 255 s.

32. Ehret J. Der Rückzug der Basler Mission aus Russland // Basler Zeitschrift für Geschichte und Alterumskunde. 1954. Bd 53. S. 159–204.

33. Ehret J. Die Anfänge der Basler Mission in Russland : 1820-1825 // Basler Zeitschrift für Geschichte und Alterumskunde. 1951. Bd 50. S. 113–145.

34. Expédition dans l'Oural et installation du mémorial Louis Duparc au Mont Duparc, Massif du Konjakovskii, Kytlym, Sverdlovsk Oblast, Oural, Russie, septembre 2014 [Электронный ресурс].-Режим доступа: <http://athena.unige.ch/athena/perroud/publications/oural-14/perroud-oural-2014-fr.pdf> (дата обращения: 04.05.2018).

35. Goehrke C. Die Auswanderung aus der Schweiz nach Russland und die Russlandschweizer // Schweizerische Zeitschrift fuer Geschichte. No. 48. Basel: Schwabe, 1998. S. 291–324.

36. Lengen M. Ein Strukturprofil der letzten Russlandschweizer-Generation am Vorabend des Ersten Weltkrieges // Schweizerische Zeitschrift fuer Geschichte. No. 48. Basel: Schwabe, 1998. S. 360-390.

37. Scientific & Technological Cooperation Programme Switzerland-Russia [Электронный ресурс].-
<http://www.snf.ch/en/funding/programmes/bilateral->

programmes/russia/Pages/default.aspx#News (дата обращения: 02.02.2020).

38. Steffen Th. *Gegensaetzliche Partner: Die Beziehungen Schweiz – Sowjetunion 1946–1956 // Studien und Quellen. Vol. 21. Bern, 1995. S. 45–91.*

[1] HELENIKA (Хеленика) – международный центр культурного и научного сотрудничества в составе Швейцарского Центра (Swiss Center, St.Petersburg). Учрежден 15 июня 2006 г. г-жой Мадлен Изабель Люти (Madeleine Isabelle Lüthi), первым почетным генеральным консулом Швейцарии в постимперском Петербурге (1998–2006), создавшей в 1993 г. Швейцарский Центр. Цит. по: Helenika : [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.helenika.ru/index.php>. (дата обращения: 01.05.2014).

FROM SCIENCE STUDIES TO SCIENCE DIPLOMACY: HISTORIOGRAPHY APPROACH TO THE HISTORY OF RUSSIAN-SWISS ACADEMIC RELATIONS

Annotation: the article examines the historiographical aspects of studying the history of Russian-Swiss academic relations. It rethinks the main directions and forms of development of bilateral scientific cooperation. As a dominant approach in the literature of the 20th century, the authors are identified works made in the science genre. From the point of view of the history of scientific thought, the works dedicated to Swiss scientists in the service of the St. Petersburg Academy of Sciences are considered. The contemporary research of bilateral academic relations is rethought by the authors in the context of intellectual history, which demonstrates the important role of "scientific diplomacy" institute.

Keywords: Academic relations, Russian-Swiss cooperation, scientific and educational exchange, historiography, scientific diplomacy

Сведения об авторах:

Петров Евгений Вадимович – Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории, профессор, доктор исторических наук. pyotroff@gmail.com

Дудченко Герман Борисович – Невский институт языка и культуры, доцент. канд. ист. наук gdud@rambler.ru

Эльц Елена Эдуардовна – Санкт-Петербургский государственный университет, факультет международных отношений, доцент, канд. ист. наук elenaelts@mail.ru

Рябова Людмила Константиновна – Санкт-Петербургский государственный университет, Институт истории, кафедра источниковедения истории России, доцент. канд. ист. наук ludmilar@mail.ru

Eugene V. Petrov – St. Petersburg State University, Institute of History, Professor, Dr of History.

Herman B. Dudchenko – Nevsky Institute of Language and Culture, Associate Professor.

Elena E. Eltz – St. Petersburg State University, Faculty of International Relations, Associate Professor, Ph.D.

Lyudmila K. Ryabova – St. Petersburg State University, History Institute, Associate Professor.

Креницына Т. С.

(Россия. Санкт-Петербургский государственный университет)

**РОЛЬ МЕЖПРАВИТЕЛЬСТВЕННЫХ
ДОГОВОРЕННОСТЕЙ
В ДЕЛЕ РАЗВИТИЯ НАУЧНО-ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО
СОТРУДНИЧЕСТВА РОССИИ И США
(1990–2010 гг.)**

Аннотация: Статья посвящена роли межправительственных договоренностей в деле развития академического сотрудничества между США и Россией в 1990–2010-е гг. Двусторонние соглашения, выработанные в ходе деятельности специализированных комиссий, позволяют оценить степень готовности наших стран к научно-образовательному диалогу, выделить ключевые направления сотрудничества, выявить основные проблемы выстраивания двусторонних отношений в сфере науки и образования.

Ключевые слова: МИД РФ, Государственный департамент США, международные гуманитарные связи, научно-образовательное сотрудничество

Несмотря на то, что двусторонние связи между Россией и США имеют давнюю историческую традицию, после распада СССР политикам Соединенных Штатов пришлось выстраивать отношения с де-юре новым государством. Политическая, экономическая и социальная ситуация на постсоветском пространстве была близка в катастрофе: перед молодыми демократическими государствами стояла острая проблема нормализации жизни территорий. В этих условиях США, как страна-лидер демократического мира поддерживала молодые государства, предоставляя им денежные займы и консультируя демократические правительства в вопросах построения современной рыночной экономики и демократического общества. В рамках давних традиций и американской публичной дипломатии, и выстраивания взаимоотношений с Россией, одним из важнейших аспектов такой поддержки выступила сфера науки и образования. Несмотря на то, курс на поддержку был взят не только правительственными структурами Соединенных Штатов, но и некоммерческими организациями и фондами, предметом интереса данной статьи выступает именно межправительственный диалог, благодаря которому было возможно продолжение стратегического партнерства в области науки, техники и образования.

В 1991 году, практически одновременно с распадом Советского Союза, прекратило свой период действия Женевское соглашение о контактах, обменах и сотрудничестве в области науки, техники, образования, культуры 1985 года. Новое аналогичное соглашение подготовлено не было. Вместо этого, президенты двух стран – Б.Н. Ельцин и Дж. Буш-старший летом 1992 года подписали Хартию российско-американского партнерства и дружбы, в рамках которой приветствовали расширение контактов между гражданами двух государств, в том числе, в рамках научных организаций и объединений [2, с. 432].

Обращение Российской Федерации к демократическому пути развития открыли новые возможности для расширения двусторонних контактов в сфере науки и технологий, реализации космических и энергетических программ. Открывшиеся перспективы поставили перед главами государств вопрос о новой форме двустороннего взаимодействия. Еще в 1993 году на первой встрече президентов двух стран – Б.Н. Ельцина и Б. Клинтона в Вашингтоне был поднят вопрос о создании специальной Комиссии, координаторами которой стали вице-

президент США А. Гор и председатель правительства РФ В.С. Черномырдин. Официальное название новой структуры звучало как «Российско-американская комиссия по экономическому и технологическому сотрудничеству», однако даже в отчетных документах она именуется как комиссия «Гор-Черномырдин» (а затем и «Гор – Примаков», «Гор – Кириенко» и т. д.). В основе интересов Комиссии лежал тезис о необходимости создания среды, наиболее благоприятной для русско-американского сотрудничества в сфере космических исследований, энергетики, науки, техники и рыночной экономики. В разное время в состав Комиссии были включены от 3 до 8 специализированных комитетов, которыми руководили главы профильных министерства и ведомств.

Особый интерес вызывает деятельность отделов, связанных с развитием научно-технического сотрудничества между РФ и США, а именно комитетов по вопросам космической сферы, энергетики, развития науки и технологий, сохранения окружающей среды и развития здравоохранения. Фактически, названия данных комитетов тематически перекликаются с названиями соглашений, заключенных между СССР и США еще в 1970-е годы, что говорит об устойчивом интересе сторон и понимании необходимости стратегического сотрудничества в данных областях. Важно отметить, что по оценкам американских экспертов работа в рамках комитетов, тематически дублирующих советско-американские соглашения, была более продуктивной и больше соответствовала духу двустороннего взаимодействия, то время как комитеты, занимающиеся вопросами построения демократического общества и развития рыночной экономики, скорее, были площадками, где «американские чиновники на собственном примере преподавали уроки правильного государственного управления» [8, р. 29] своим русским коллегам.

За все время своего существования (1993–2000 гг.), Комиссией было проведено 12 сессий и подписано порядка 40 межправительственных соглашений, в том числе, о развитии научно-технического сотрудничества в сфере космических и энергетических исследований [7]. Кроме того, Комитет по вопросам науки и технологий способствовал подписанию первого российско-американского соглашения о защите интеллектуальной собственности, которое являлось частью соглаше-

ния о научно-техническом сотрудничестве. Важно отметить, что данное соглашение, подписанное 13 декабря 1993 года, продолжает действовать и сегодня.

В рамках реализации обозначенных направлений научного взаимодействия комитет инициировал принятие ряда меморандумов: о развитии исследования в области здравоохранения (в области генетики, иммунологии, нейробиологии и др.), наук о земле (исследования в области глобального изменения климата, водных ресурсов, нефтяной геологии, сейсмических и вулканических опасностей) и фундаментальных исследований (в области оптической физики и космоса) [7].

Достигнутые переговорные успехи, особенно, успехи в области обменных программ в научной, технологической, культурной и других сферах были закреплены подписанием в 1998 году Меморандума о взаимопонимании между Правительством РФ и Правительством США о принципах сотрудничества в области культуры, гуманитарных и общественных наук, образования и средств массовой информации [1, с. 268-270]. Данный документ был призван стать юридической базой для будущих договоров в данной сфере. Тем не менее, документа, аналогичного советским соглашениям так и не было заключено, а обе стороны до сегодняшнего момента ограничиваются регулярными продлениями существующих Меморандумов.

Несмотря на то, что Комиссия официально прекратила свое существование только в 2000 году, эффективность ее работы начала планомерно снижаться со второй половины 1990-х годов. Это отразилось и в количестве достигнутых соглашений, и в снижении количества встреч после отставки В.С. Черномырдина с поста председателя Правительства РФ, что подчеркивает роль личного фактора в процессе ведения переговоров. Большое влияние на развитие двусторонних отношений в рамках Комиссии Гора-Черномырдина имели и внутривластные причины: с одной стороны все чаще начали звучать обвинения в излишней бюрократизации, неэффективности работы Комиссии и потворству коррупции внутри России со стороны Конгресса США [5, р. 6-9]. С другой стороны, Россия продолжала преобразования, которые болезненно отражались на экономической и политической ситуации внутри страны. Кроме того, конец 1990-х годов обозначился ростом напряженности в российско-американских

отношениях. Причины охлаждения крылись в несогласии российской стороны с расширением блока НАТО за счет включения в его состав восточно-европейских государств и операции блока в Балканском регионе. В свою очередь американская сторона очень внимательно и критично относилась и ко внешней, и ко внутренней политике Российской Федерации [5, р. 12-19]. Тем не менее, важно выделить, что Комиссия Гора-Черномырдина по экономическому и технологическому сотрудничеству представляла собой первую попытку к выстраиванию прямого диалога между правительствами РФ и США по самому широкому спектру вопросов.

Следующая попытка институционализации межправительственных отношений между США и Россией была предпринята одновременно с декларацией о необходимости «перезагрузки» застоявшихся американо-русских отношений. После Мирового экономического кризиса 2008 года и России, и США необходимо было найти новые стимулы и возможности для дальнейшего роста и развития, а практически одновременная смена президентов в наших странах стала еще одним поводом для пересмотра двусторонних отношений. В 2009 году президенты Б. Обама и Д.А. Медведев выступили с заявлением о создании двусторонней Президентской комиссии, координаторами которой выступили главы внешнеполитических ведомств Х. Клинтон и С.В. Лавров [3].

Комиссия Обамы – Медведева представляла собой институт взаимодействия, основанный на стремлении к взаимному сотрудничеству и равноправному партнерству [8, р. 41-42]. Обращает на себя внимание не только количество комитетов Комиссии (17 против 8 в варианте Комиссии Гора – Черномырдина), но и широкий спектр обсуждаемых вопросов: от рабочей группы по вопросам контроля наркотрафика и борьбы с международным терроризмом, до группы по вопросам развития гражданского общества. В данном контексте для нас представляются наиболее важными подкомиссии: по вопросам образовательных и культурных обменов, по вопросам науки и техники, по вопросам освоения космоса, охране окружающей среды, здравоохранения и мирного использования атомной энергии. Беспценным источником информации о деятельности подкомиссий для нас выступают годовые отчеты, опубликованные на официальных сайтах Государственного департамента США и МИД РФ.

Деятельность различных рабочих групп Комиссии лежала, прежде всего, в практической плоскости и представляла из себя развитие коммуникации и реализацию совместных проектов между американским и российским академическими сообществами: встречи между руководителями профильных институтов и научных центров, разработка совместных меморандумов и планов работы, стимулирование академических обменных процессов через федеральные целевые программы, программы РФФИ, программы Фулбрайта, научных стипендий Госдепартамента США и т.д. [6, р. 3-7]. Коммуникация была особенно успешна в области математических и естественнонаучных дисциплин, информационных технологий, что отвечало принципам решения практических задач современной науки.

За 3 года существования Комиссии между представителями наших стран было проведено свыше 400 встреч, а в работе были задействованы более чем 60 научных учреждений России и США [6, р. 8]. Работа продолжала быть продуктивной: подписывались новые меморандумы и соглашения, реализовывались совместные программы исследований, продолжал реализовываться взятый курс на коммерциализацию совместных научных изысканий. Однако, несмотря на отмечаемый прогресс в двустороннем взаимодействии, в отчетах рабочих групп перечисляется целый комплекс проблем, замедляющих процесс международного сотрудничества: налогообложение, визовая политика, таможенные процедуры и затрудненное получение разрешений для исследований в рамках экспедиций [6, р. 12].

В 2013 году американская сторона вышла из рабочей группы по вопросам развития гражданского общества [9], а в 2014 году из-за политических разногласий деятельность Комиссии была приостановлена полностью.

Подводя некоторые итоги работы двусторонней президентской комиссии в области научно-образовательного сотрудничества, мы должны отметить, что все инициативы, которые разрабатывались и реализовывались в ходе ее работы, имели исключительно практическую ориентацию. Сферы, в которых предполагалось развитие двусторонних контактов, были весьма традиционны: космос, изменения окружающей среды, здравоохранение являются устойчивыми направлениями в совместной работе России и США. Безусловно, обращает

на себя внимание и тот факт, что большое внимание в ходе реализации проектов в данных сферах должны были строиться на инновационном фундаменте – эта мысль красной нитью проходит через всю работу двусторонней комиссии. Причина этого кроется в заинтересованности обеих сторон в модернизации экономик на основании прикладных исследований. Не случайно, научное сотрудничество в сфере фундаментальных и естественных наук выходит на первый план, оставляя вопросы сотрудничества в сфере общественных дисциплин в тени.

Говоря о характере сотрудничества, стоит отметить тот факт, что создание комиссии Обама – Медведев проходило в атмосфере понимания необходимости обновления отношений между РФ и США. В отличие от комиссии 1990-х гг., мы можем говорить об обоюдной заинтересованности в положительных результатах сотрудничества, поиске нового пути роста экономик и стремлении ко взаимной кооперации, строящейся на основе паритета. Тем не менее, нельзя не отметить, что возможность сотрудничества была зависима от внешнеполитической конъюнктуры. Вслед за сменой политического лидера в России (В.В. Путин вновь занял президентский пост в 2012 году) корректировке был подвержен и внешнеполитический курс нашей страны, что немедленно отразилось на работе комиссии. Закономерным итогом стало прекращение ее работы, что подтверждает мысль о цикличности развития двусторонних российско-американских отношений. Тем не менее, стоит отметить, что работа президентской комиссии представляется гораздо более удачной попыткой выстраивания равноправного и симметричного диалога между Россией и Соединенными Штатами.

Говоря об опыте российско-американского межправительственного взаимодействия в сфере науки и образования в 1990–2010-е гг. невольно напрашивается проведение аналогий с периодом советско-американских контактов. Прежде всего, стоит отметить, что научно-техническое сотрудничество во время работы двусторонних комиссий было взято под государственный контроль (пусть и не такой жесткий, как во времена Холодной войны). И со стороны США, и со стороны РФ межправительственные институты возглавляли высшие чиновники, что демонстрировало высокую степень заинтере-

сованности в действительном развитии ситуации и некоторым образом облегчало двустороннее взаимодействие. Важно также отметить, что работа комиссий концентрировалась скорее в практической сфере: работа должна была принести результаты, способствующие реальному изменению экономики и двусторонних отношений, а обменные программы носили не столько академический, сколько информационно-ознакомительный характер. Тем не менее, работа комиссий по-прежнему оставалась в прямой зависимости от международно-политической конъюнктуры и останавливалась в случае изменения позиций сторон.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Меморандум о взаимопонимании между Правительством Российской Федерации и Правительством Соединенных Штатов Америки о принципах сотрудничества в области культуры, гуманитарных и общественных наук, образования и средств массовой информации // Международные соглашения о сотрудничестве в сфере образования. М., 2009. С. 268–270.

2. Хартия российско-американского партнерства и дружбы, от 17 июня 1992 года, Вашингтон//Внешняя политика России. Сб. док-в. 1990–1992. М., 1996. 432 с.

3. Bilateral Presidential Committee: Mission Statement Fact Sheet. [Электронный ресурс] // The White House: President B. Obama. 2017. URL: <https://obamawhitehouse.archives.gov/the-press-office/fact-sheet-us-russia-bilateral-presidential-commission> (дата обращения 08.03.2021).

4. Review of Gore-Chernomyrdin Policy. Hearing of the Committee of Foreign Relations U.S. Senate. [Электронный ресурс] // U.S. Government Publishing Office. 2018. URL: <https://www.gpo.gov/fdsys/pkg/CHRG-106shrg69753/pdf/CHRG-106shrg69753.pdf> (дата обращения 08.03.2021).

5. Russia's Road to Corruption: How the Clinton Administration Exported Government Instead of Free Enterprise and Failed the Russian People. [Электронный ресурс] // FAS. 2018. URL: https://fas.org/irp/congress/2000_rpt/russias-road.pdf (дата обращения 08.03.2021).

6. U.S.-Russia Bilateral Presidential Commission: 2012 Joint Annual Report [Электронный ресурс]//U.S. Department of State. 2017. URL: <https://2009-2017.state.gov/documents/organization/187041.pdf> (дата обращения 08.03.2021).

7. U.S. – Russian Joint Commission on Economic and Technological Cooperation. Fact Sheet: Gore-Chernomyrdin Commission. 1993-1997 [Электронный ресурс] // U.S. Department of State. 2018. URL: <http://dosfan.lib.uic.edu/ERC/bureaus/eur/releases/950620Gorer.html> (дата обращения 08.03.2021).

8. Rojansky M. Indispensable Institutions: The Obama-Medvedev Commission and Five Decades of U.S.-Russia Dialogue. Carnegie Endowment for International Peace, Washington D.C., 2010.

9. U.S. Withdraws From Project With Russia on Civil Society [Электронный ресурс]//New York Times. 2018. URL: https://www.nytimes.com/2013/01/26/world/europe/us-withdraws-from-project-with-russia-on-civil-society.html?_r=0 (дата обращения 08.03.2021).

THE ROLE OF INTERGOVERNMENTAL ARRANGEMENTS IN THE DEVELOPMENT OF SCIENTIFIC AND EDUCATIONAL COOPERATION OF RUSSIA AND THE USA (1990s – 2010s)

Abstract: The article is devoted to the role of intergovernmental agreements in the development of academic cooperation between the United States and Russia in the 1990s-2010s. Bilateral agreements developed by specialized commissions make it possible to assess the degree of readiness of our countries for scientific and educational dialogue, highlight key areas of cooperation, and identify the main problems of building bilateral relations in the field of science and education.

Key words: international humanitarian ties, scientific and educational cooperation.

Криницына Таисия Сергеевна, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия,
taisiakrinityna@gmail.com

Krinitysna Taisiia Sergeevna, graduate, St.Petersburg State University, Russia, taisiakrinitysna@gmail.com

Кунаев А. Г.

(Россия. Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина)

**ХАРАКТЕРИСТИКА ЦИФРОВЫХ КОЛЛЕКЦИЙ
И СОБРАНИЙ ПРЕЗИДЕНТСКОЙ БИБЛИОТЕКИ
ИМ. Б.Н. ЕЛЬЦИНА**

Аннотация: в статье рассматривается академическая и социальная значимость цифровых коллекций и собраний Президентской библиотеки им. Б.Н. Ельцина. Дается краткая характеристика основных цифровых ресурсов по истории России. Показана методология экспертной деятельности посредством аналитического подхода и репрезентативной выборки. Рассматриваются концепции и перспективы экспертного анализа цифровых коллекций и собраний.

Ключевые слова: Президентская библиотека, цифровые коллекции, экспертный анализ

В современном научном сообществе экспертная деятельность играет все большую и возрастающую роль. Ни одно фундаментальное исследование или научно-исследовательская работа не обходится, как правило, без научной экспертизы, или, по крайней мере, экспертной оценки. Если говорить об экспертной деятельности в исторических науках, то есть целое направление, где экспертная деятельность еще ждет своего развития. Речь идет о цифровых или электронных библиотеках исторической направленности, а также о цифровых исторических ресурсах или коллекциях, размещенных в этих библиотеках.

Одной из крупнейших цифровых национальных библиотек России, хранящих значительный гуманитарный фонд, в том числе и исторической направленности, является Президентская библиотека. Она занимается оцифровкой архивных и библиотечных фондов России. На этой работы она формирует свои исторические цифровые коллекции различной тематики.

Прежде чем говорить об экспертной оценке этих цифровых коллекций, или проводить их экспертный анализ, следует сказать о

самой научной экспертной деятельности Президентской библиотеки. Здесь можно выделить четыре основных аспекта.

Первый аспект – это формирование и обработка цифровых ресурсов и их экспертная оценка. Для её проведения в Президентской библиотеке действует экспертный совет по книжным памятникам, созданный 7 августа 2020 г. Деятельность экспертного совета регулируется специальным положением по книжным памятникам, а также регламентом деятельности данного экспертного совета.

Второй аспект экспертной деятельности Президентской библиотеки – научно-образовательный. Библиотека проводит научные конференции, организует круглые столы.

Следуя последним инновационным разработкам, библиотека ведёт портал видеолекций, где размещаются записи выступлений, прочитанных в Президентской библиотеке в рамках видеолектория «Знание о России». С лекциями перед аудиторией традиционно выступают авторитетные специалисты из научных и образовательных учреждений Москвы, Санкт-Петербурга и других городов России. Тематика видеолектория отражает основные направления формирования фондов Президентской библиотеки: история Российского государства и права, русский язык как государственный язык Российской Федерации.

Третий аспект экспертной деятельности – редакционно-издательская работа.

Основным направлением редакционно-издательской деятельности Президентской библиотеки является публикация изданий, посвящённых истории России, теории, истории и практике российского права, вопросам продвижения национального культурного наследия в электронной среде. Помимо сборников научных трудов, которые выходят как отдельными выпусками, так и в тематических сериях, издаётся методическая литература для библиотек, репринтные и иллюстрированные книги.

И наконец, четвертый аспект экспертной деятельности Президентской библиотеки – это научно-методическое обеспечение каталогизации архивных и библиотечных фондов. В свою очередь данный аспект включает в себя три направления деятельности Президентской библиотеки: первое направление – нормативные документы и методические материалы, к ним относятся: российский коммуникативный

формат RUSMARC, правила каталогизации архивных и библиотечных фондов, действующие стандарты системы СИБИД, международные стандарты ISO, описание архивных материалов в формате RUSMARC и методические материалы Президентской библиотеки.

Второе направление - стандарты метаданных в области культурного наследия в библиотеках архивах музеях. Универсальные схемы метаданных, а также правила и стандарты описания каталогизации архивных и библиотечных фондов, разработанных, в том числе и самой Президентской библиотекой.

Третье направление – обучающие семинары в Президентской библиотеке. В частности, семинар по теме «Методика каталогизации цифровых копий различных типов и видов ресурсов».

В рамках семинара рассматриваются проблемы, связанные с описанием и индексированием различных типов и видов ресурсов (изобразительные, аудиовизуальные, картографические и др.), ведением авторитетных файлов, учетом электронных ресурсов. Особое внимание уделено международным форматам представления библиотечных, архивных и музейных ресурсов и основным принципам и подходам к формированию интегрированного библиотечного каталога.

В рамках семинара «Формирование цифровых коллекций» рассматриваются вопросы разработки концепции цифровых коллекций, принципы отбора ресурсов, виды коллекций, технологические аспекты формирования и ведения, создание метаданных цифровых коллекций, дизайнерское оформление и представление цифровых коллекций, организация поиска и доступа.

Вместе с тем стоит отметить что, несмотря на довольно разные аспекты экспертной деятельности самой Президентской библиотеки, многие ее цифровые исторические и тематические коллекции еще ждут своего экспертного заключения. Тем более что количество цифровых исторических и тематических коллекций в Президентской библиотеке постоянно пополняется.

Здесь хотелось бы обратить внимание на теоретические и концептуальные подходы экспертной оценки и анализа цифровых коллекций Президентской библиотеки, а также ее дальнейшие перспективы.

Если говорить о концептуальном подходе экспертной оценки и анализа цифровых коллекций Президентской библиотеки, то здесь со

всей очевидностью можно применять аналитический метод, то есть, анализ и аналитика цифровых коллекций.

Экспертный анализ конкретных цифровых коллекций и оцифрованных материалов целесообразно проводить также с помощью другого концептуального подхода – метода репрезентативной выборки.

В качестве иллюстрации метода репрезентативной выборки цифровых коллекций Президентской библиотеки, которая затем может быть использована для дальнейшей экспертной оценки и анализа можно привести тематические разделы и ресурсы Президентской библиотеки, используемые научно-образовательных и просветительских целях.

Предлагаемая коллекция библиотеки отражает многообразие концепций и методологических подходов в области создания учебных пособий по этой дисциплине на протяжении XIX – начала XXI в. Она позволяет проследить их эволюцию и лучше понять сознание людей, воспитывавшихся на тех или иных идеалах. Базовые цифровые фонды Президентской библиотеки представлены в четырёх ключевых коллекциях.

Первая из них – «Государственная власть». В состав данной коллекции вошли официальные и архивные документы, научные, научно-популярные и учебные издания, аналитические материалы, фото- и кинохроника, аудио- и видеозаписи, документальные фильмы. Представленные материалы характеризуют особенности государственной власти России в разные исторические периоды, правовые основы её деятельности и современные тенденции развития.

Вторая коллекция – «Российский народ», в которую вошли документы, всесторонне и последовательно раскрывающие это многозначное понятие. Народ представлен как источник власти, как население, как этнос, как социум, как движущая сила истории. Особое место в коллекции занимают биографические материалы о различных деятелях российской истории и культуры.

Третья коллекция – цифровая электронная коллекция «Русский язык». Материалы коллекции отражают основные этапы исторического развития русского языка (с его зарождения до сегодняшнего дня), исследования в области русского языка, изучение языка в учебных заведениях и в рамках самообучения, политику государства в языковой сфере. В состав коллекции вошли рукописи и публикации

памятников русской письменности, архивные дела, научные работы (включая диссертации и авторефераты диссертаций), словари и справочники, учебные пособия различных видов и уровней.

И электронная цифровая коллекция «Территория России». Основу коллекции составляют документы дореволюционного периода, а также издания до 1940 г. В дальнейшем планируется расширение её хронологических рамок вплоть до современных публикаций. В коллекцию включено значительное количество материалов о территории не только современной России, но и соседних стран, которые когда-либо входили вместе с Россией в одно государство как в рамках Российской Империи до 1917 г., так и в советское время.

Таким образом, обобщая приведенную репрезентативную выборку цифровых коллекций Президентской библиотеки и учитывая, что все вышеперечисленные электронные коллекции пополняются новыми оцифрованными материалами, их экспертный анализ – дело будущего. Причем каждая из приведенных цифровых коллекций заслуживает отдельного экспертного изучения и исследования.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. You Tobe канал Президентской библиотеки URL: <https://www.youtube.com/channel/UCG5X7AMMc2z-PRa4Qor6bcA> (дата обращения 12. 03. 2021).

2. Видеолекции на портале Президентской библиотеки URL: [Видеолекции // Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина \(prlib.ru\)](https://prlib.ru) (дата обращения: 12. 03. 2021).

3. «Вторая мировая война в архивных документах (комплекс оцифрованных архивных документов, кино- и фотоматериалов)» – цифровая коллекция URL: [Вторая мировая война в архивных документах \(комплекс оцифрованных архивных документов, кино- и фотоматериалов\) | Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина \(prlib.ru\)](https://prlib.ru) (дата обращения: 12. 03. 2021).

4. «Государика» – информационно-образовательный портал URL: [ПРЕЗИДЕНТСКАЯ БИБЛИОТЕКА - ШКОЛЬНИКАМ | Образовательный ресурс \(prlib.ru\)](https://prlib.ru) (дата обращения: 12. 03. 2021).

5. «Государственная власть» – цифровая коллекция URL: [Государственная власть | Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина \(prlib.ru\)](https://prlib.ru) (дата обращения: 12. 03. 2021).

6. Конференции и круглые столы в Президентской библиотеке URL: [Конференции | Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина \(prlib.ru\)](#) (дата обращения: 12. 03. 2021).

7. Нормативные документы и методические материалы на сайте Президентской библиотеки URL: [Нормативные документы и методические материалы | Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина \(prlib.ru\)](#) (дата обращения: 12. 03. 2021).

8. Обучающие семинары в Президентской библиотеке URL: [Обучающие семинары | Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина \(prlib.ru\)](#) (дата обращения: 12. 03. 2021).

9. «Российский народ» – цифровая коллекция URL: [Российский народ | Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина \(prlib.ru\)](#) (дата обращения: 12. 03. 2021).

10. «Русский язык» – цифровая коллекция URL: [Русский язык | Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина \(prlib.ru\)](#) (дата обращения: 12. 03. 2021).

11. Стандарты метаданных в области культурного наследия на сайте Президентской библиотеки URL: [Стандарты метаданных в области культурного наследия | Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина \(prlib.ru\)](#) (дата обращения: 12. 03. 2021).

12. «Территория России» – цифровая коллекция URL: [Территория России | Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина \(prlib.ru\)](#) (дата обращения: 12. 03. 2021).

13. «Учебные издания по истории» – цифровая коллекция URL: [Учебные издания по истории | Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина \(prlib.ru\)](#) (дата обращения: 12. 03. 2021).

14. Экспертный совет по книжным памятникам Президентской библиотеки URL: [Экспертный совет по книжным памятникам | Президентская библиотека имени Б.Н. Ельцина \(prlib.ru\)](#) (дата обращения: 12. 03. 2021).

Annotation: The article discusses the digital collections of the Presidential Library. Their brief description is given. The methodology of expert activity is shown by means of an analytical approach and a representative sample. The concepts and perspectives of expert analysis of digital collections are considered.

Keywords: Presidential Library, digital collections, expert analysis.

Кунаев А. Г. Россия. Президентская библиотека им. Б.Н. Ельцина.

Мокшев С. Н.

(Россия. Санкт-Петербургский государственный университет)

**НОВЫЕ ДОСТИЖЕНИЯ В ДЕЛЕ ИЗУЧЕНИЯ
ЕВРОПЕЙСКОГО И РУССКОГО ДЕРЕВЯННОГО
ЗОДЧЕСТВА (Рец. на книгу: *Historic Wooden Architecture in
Europe and Russia. Evidence, Study and Restoration*, edited by
Evgeny Khodakovsky and Siri Skjold Lexau. Basel, Birkhäuser,
2015. 184 p.)**

Аннотация: в рецензии содержится отзыв на международное издание *Historic Wooden Architecture in Europe and Russia. Evidence, Study and Restoration*, edited by Evgeny Khodakovsky and Siri Skjold Lexau. Basel, Birkhäuser, 2015. 184 p.

Ключевые слова: деревянное зодчество, реставрация, мачтовые церкви, колокольни, звонницы.

В коллективной монографии «*Historic Wooden Architecture in Europe and Russia. Evidence, Study and Restoration*» представлена современная ситуация, сложившаяся в сфере исследований исторических деревянных построек Скандинавии, Великобритании, Центральной Европы и Северо-Запада России. Статьи, опубликованные в ней, посвящены основным аспектам таких исследований и касаются данных археологии, письменных источников, самих сохранившихся зданий в качестве живых примеров, а также их реставрации и текущего обслуживания. Специалисты из четырех стран (Россия, Норвегия, Великобритания, Чехия) представили некоторые результаты изучения деревянных построек, среди которых церкви, колокольни и, реже, жилые здания. В статьях сборника демонстрируются различные методы археологических, архивных и эмпирических исследований, обсуждаются соответствующие меры по восстановлению и поддержанию памятников деревянного зодчества. Издание содержит богатый статистический и описательный материал. Читатель может познакомиться

со множеством эскизов, схем, рисунков, старых и новых фотографий, способствующих визуализации авторских текстов.

Выход подобной коллективной монографии – событие значимое само по себе. Издания, в которых обсуждаются памятники деревянного зодчества разных стран, довольно редки. Здесь в первую очередь следует назвать сборники НИИТАГ «Деревянное зодчество», в которых периодически публикуются статьи о деревянных постройках России и зарубежных стран (в большинстве работ, однако, рассматривается именно русское деревянное зодчество). Упомянем также созданную при участии советских авторов (РСФСР, Украина, Белоруссия), а также специалистов из Болгарии, Польши, Чехословакии и Югославии коллективную монографию «Дерево в архитектуре и скульптуре славян», которая вышла под эгидой ЮНЕСКО в 1981 году на французском языке. В 1987 году московское издательство «Советский художник» выпустило её сокращённый русский перевод [1]. Книга знакомила читателей как с культовым деревянным зодчеством славянских стран, так и с жилыми и хозяйственными постройками, а также деревянной скульптурой.

Рецензируемое издание раскрывает перед англоязычным читателем многие сюжеты, связанные именно с русским деревянным зодчеством. В целом корпус англоязычных текстов по этой тематике невелик. Можно назвать вышедшую тоже в 2015 году книгу крупного американского специалиста по русской архитектуре Уильяма Брумфилда [2], хотя, в отличие от рецензируемого издания, она носит скорее научно-популярный, нежели строго научный характер. Нельзя здесь не упомянуть и появившуюся спустя два года монографию Е.В. Ходаковского [3].

Вместе с тем было бы полезно выпустить рецензируемую книгу в переводе на русский язык. Российские специалисты, как и все любители этого вида архитектуры вообще, с радостью встретили бы издание по деревянному зодчеству, тем более – европейскому. Ведь специальной литературы по европейскому деревянному зодчеству на русском языке немногим больше, чем по русскому на языке английском. Кроме упомянутой выше коллективной монографии о деревянном строительстве у славян, здесь можно назвать такие сравнительно недавно опубликованные исследования, как статья Н.О. Михайловой «Деревянные церкви Норвегии» [4] и работы Е.В. Ходаковского, его

учебно-методическое пособие «Деревянное зодчество Скандинавии» [5] и монографию «Деревянные мачтовые церкви средневековой Норвегии» [6]. Впрочем, с учётом того, что тексты российских авторов из рецензируемой коллективной монографии, в том или ином виде уже выходили по-русски, можно было бы ограничиться публикацией на русском языке статей только зарубежных авторов, скажем, в периодических изданиях, затрагивающих вопросы и проблемы архитектуры вообще и деревянного зодчества в частности.

Рецензируемая книга состоит из введения, четырёх частей, озаглавленных: «Историческое деревянное зодчество в Европе и России: археологические свидетельства и исследования», «Письменные источники о средневековом деревянном зодчестве», «Архитектурный объект как основной исторический источник», «Эмпирическое исследование в сохранении и реставрации: опыт и перспективы», и заключения. Во введении, написанном Е.В. Ходаковским, говорится об основных проблемах, обсуждаемых на страницах сборника. В первой части даны три статьи, посвящённые археологическим сюжетам. Йорген Йенсениус пишет о раскопках норвежских частокольных и мачтовых церквей. Марк Гардинер рассказывает об английских находках. В свою очередь, М.А. Родионова, В.А. Попов и Н.Н. Точилова знакомят читателя с результатами раскопок деревянных построек средневекового Новгорода. Вторая часть также состоит из трёх статей, авторы которых обращаются к проблеме использования письменных источников для изучения средневековых деревянных построек. При этом Й. Йенсениус представляет информацию о норвежских церквях, М. Гардинер говорит об английских постройках, тогда как русским письменным источникам и архивам, в которых они хранятся, посвящена статья Е.В. Ходаковского и А.Г. Носковой.

В третьей части помещены четыре статьи, посвящённые описанию сохранившихся памятников деревянного зодчества. Лейф Анкер рассказывает о мачтовых церквях, а также говорит об успехах, достигнутых благодаря реализации «Программы сохранения мачтовых церквей». А.Б. Бодее освещает технические вопросы русского деревянного зодчества (инструменты, приёмы, детали деревянных построек и т. п.). И.В. Антипов рассматривает вопрос о том, как деревянные элементы применялись уже в каменной архитектуре средневекового

Новгорода. Наконец, Карел Куча рассматривает треугольные деревянные колокольни и звонницы Богемии и сравнивает их со шведской традицией, проводя некоторые параллели.

Четвёртую часть монографии составляют две статьи, касающиеся проблем реставрации. А.Б. Бодэ рассказывает об исторических и современных подходах и методах реставрации и консервации памятников русского деревянного зодчества. Арнт М. Хауген представляет опыт реставрации конкретного памятника – Преображенской церкви в Кижях. В заключении, написанном Сири С. Лексау, подводятся итоги: даётся краткая характеристика каждой статье и её значимости, высказываются мысли о перспективах дальнейших исследований русского и европейского деревянного зодчества. Издание содержит также краткую справку об авторах и указатель географических названий.

На наш взгляд, все статьи рецензируемого издания представляют большую ценность для тех, кто изучает деревянное зодчество России и других стран Европы. Нельзя, однако, не отметить, что около половины объема книги посвящено именно русским деревянным постройкам. Различные вопросы, связанные с русским деревянным зодчеством, трактуются авторами пяти статей. Тогда как норвежские деревянные церкви рассматриваются в трёх статьях, английским деревянным постройкам посвящены только две статьи, и лишь одна статья написана на материале чешской и шведской деревянной архитектуры.

Поскольку, как уже отмечалось выше, различные аспекты русской деревянной архитектуры, освещаемые в опубликованных в рецензируемой монографии статьях, хорошо известны российским специалистам, они (эти статьи) могут иметь первостепенное значение для зарубежных исследователей. В свою очередь, сведения о европейской деревянной архитектуре представляют интерес, прежде всего, для российских учёных. Таким образом, рецензируемое издание – замечательный пример обмена специальными знаниями.

Нельзя обойти вниманием и отдельные недостатки рассматриваемой коллективной монографии. Так, в её заглавии заявлено об «историческом деревянном зодчестве» в целом, но в опубликованных текстах анализируется в основном культовое деревянное зодчество: церкви, часовни, колокольни и звонницы. В гораздо меньшей степени затронуты другие виды деревянных построек. Монография почти не

содержит описания крестьянских деревянных жилищ, не считая статей, посвященных археологическим данным и техническим аспектам русского деревянного зодчества. Заголовок «Историческое культовое деревянное зодчество Европы и России», на наш взгляд, более точно определил бы содержание книги. Кроме того, в ней практически отсутствует сравнительный материал: все авторы, за исключением К. Кучи, который сопоставил чешские и шведские деревянные колокольни и звонницы, ограничиваются своим, строго очерченным регионом. Иначе говоря, читателю предоставляется самостоятельно заниматься сравнением различных традиций деревянного зодчества, опираясь на приведённые в монографии данные. При этом информация о русской деревянной архитектуре Центральной России и Сибири крайне скудна, упоминаются лишь несколько церквей из этих регионов. Основная масса примеров даётся по Русскому Северу и Новгородской области. Таким образом, монография не даёт систематического представления об особенностях русского и европейского деревянного зодчества, а представляет собой сборник отдельных, впрочем, очень достойных статей, посвящённых конкретным сюжетам и различными аспектами русского и европейского деревянного зодчества. Такую книгу сложно рекомендовать читателю, только начинающему знакомство с данным видом архитектуры и желающему получить самое общее представление о нём. Зато, специалисту по деревянной архитектуре будут полезны как отдельные статьи, связанные с конкретными научными интересами того или иного исследователя, так и монография в целом.

Таким образом, несмотря на отмеченные выше недостатки, рецензируемая монография, несомненно, является ценным вкладом в изучение европейского и, прежде всего, русского деревянного зодчества. Она содержит богатый материал необходимый для продолжения исследований в этой области.

Можно согласиться с автором заключения, Сири С. Лексау, которая выражает надежду, что тексты, собранные в книге, будут питать любознательность и вдохновлять читателя на постановку новых вопросов, которые, в свою очередь, способны воодушевить современных исследователей на дальнейшие исследования. Действительно, данная монография является, несмотря на её безусловно научный ха-

раक्टर, отнюдь не бесстрастным сборником «сухих» статей, но трудом исследователей, преданных своему делу. И потому эту коллективную монографию следует рассматривать как удачную и очень ценную попытку дать учёным из разных стран возможность представить читателю результаты своих исследований.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА

1. Дерево в архитектуре и скульптуре славян. М., 1987. 272 с.
2. Khodakovsky E. *Wooden Church Architecture of the Russian North: Regional Schools and Traditions*. London – New York: Routledge, 2016. 176 p.
3. Brumfield W. *Architecture at the End of the Earth: Photographing the Russian North*. Durham: Duke Univ. Press, 2015. 256 p.
4. Михайлова Н. О. Деревянные церкви Норвегии // *Деревянное зодчество*. Вып. II. Новые материалы и открытия. М.; СПб., 2011. С. 37–49.
5. Ходаковский Е. В. *Деревянное зодчество Скандинавии*. Учебно-методическое пособие. СПб., 2011. 70 с.
6. Ходаковский Е. В. *Деревянные мачтовые церкви средневековой Норвегии*. СПб., 2015. 256 с.

**THE NEW ACHIEVEMENTS IN THE RESEARCH
OF EUROPEAN AND RUSSIAN WOODEN ARCHITECTURE
(Rev.: *Historic Wooden Architecture in Europe and Russia. Evidence, Study and Restoration*, edited by Evgeny Khodakovsky and Siri Skjold Lexau. Basel, Birkhäuser, 2015. 184 p.)**

Keywords: wooden architecture, restoration, stave churches, bell-towers, belfries, log buildings.

Мокшев Сергей Николаевич, аспирант, Санкт-Петербургский государственный университет, Россия, mcsheff2006@yandex.ru.

Mokshev Sergey Nikolayevich, post-graduate student, Saint-Petersburg State University, Russia, mcsheff2006@yandex.ru.

Сапаров Д. Д.

(Россия. Санкт-Петербургский государственный университет)

**К ИСТОРИИ СТРОИТЕЛЬСТВА МУРМАНСКОЙ ЖЕЛЕЗНОЙ
ДОРОГИ. (РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ Н. РАЙНХАРД
«МУРМАНСКАЯ ЖЕЛЕЗНАЯ ДОРОГА (1915–1919):
ВОЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ
И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ СООБРАЖЕНИЯ».
(САНКТ-ПЕТЕРБУРГ: НЕСТОР-ИСТОРИЯ, 2011. 320 с.)**

Аннотация: Данная работа представляет собой рецензию на книгу известного исследователя железных дорог России – Н. Райнхарда, посвящённой строительству Мурманской железной дороги. Автор рецензии переосмысливает основные положения монографии, вышедшей в свет в 2003 г., и выдержавшей переиздания в 2007 и 2011 гг. В работе поднимается проблема развития железнодорожного транспорта в России в годы Первой мировой войны 1914–1918 гг., использования труда военнопленных, рассматриваются политические и социально-экономические события в жизни региона в указанный период.

Ключевые слова: Мурманская железная дорога, Первая мировая война, Гражданская война в России, российские железные дороги, Романов-на-Мурмане, Министерство путей сообщения, военнопленные, северные железные дороги, транспорт.

В российской и зарубежной историографии истории железных дорог России посвящены сотни статей, монографий, диссертационных работ по самым разным тематическим рубрикам. Однако, сталкиваясь с проблемой исследования отдельных железных дорог, особенно в их развитии не всегда удаётся обнаружить действительно серьёзный научный труд. Книга немецкого исследователя Н. Райнхарда посвящена истории строительства Мурманской железной дороги, одной из самых северных железных дорог России, сооружение которой проходило в условиях Первой мировой войны – одного из крупнейшего военного конфликта в истории человечества.

Одним из существенных достоинств данного исследования является тот факт, что автор проанализировал документы и материалы архивов России, Великобритании, Германии, Австрии, Венгрии, то есть тех

стран, которых касалась судьба региона и трудившихся там военнопленных. Данная книга является уже третьим изданием, переработанным и дополненным вариантом немецкого исследования, вышедшим в свет в 2001 и 2007 гг. соответственно. В книге 2001 г. вышедшем на немецком языке по признанию самого автора лишь побочно затрагивает судьбу Мурманской железной дороги, большая часть работы посвящена «австро-венгерским пленным в России в период 1914–1918 гг. По мнению Н. Райнхарда «объём и качество русскоязычного материала о Мурманской железной дороге и некоторых немецкоязычных архивных дел из Федерального архива Германии, касающихся только этой темы, требовали отдельной публикации, иначе они лишь увеличивали бы объём упомянутой выше работы».

Посему в 2007 г. помимо немецких архивов добавил в свой новый труд, посвящённый истории Мурманской железной дороги и материалы российских архивов, чем существенно расширил горизонты своего исследования. Н. Райнхард в предлагаемом третьем издании своего труда пользуется многочисленными материалами Российского государственного исторического архива, Российского государственного военно-исторического архива, Государственного архива Российской Федерации. Практически на каждой странице своего исследования автор ссылается на документы фондов департамента железных дорог, министерства внутренних дел, военного ведомства и т.п.

Представленное исследование имеет чёткую структуру: введение, семь основных глав, заключение, список приложений и сокращений, список использованных архивных источников и литературы, именной указатель. В библиографическом списке представлены работы российских и зарубежных авторов по представленной проблеме в исторической ретроспективе конца XIX – начала XXI века, что говорит о серьёзной аналитической работе автора. Не будет лишним отметить тот факт, что автор разбивает большую главу на 5-6 параграфов, делает краткие выводы по окончании каждого из них, а также обобщающие выводы по окончанию каждой отдельно взятой главы.

В первой и второй главах автор рассказывает о влиянии Англии на первоначальный ход изыскательских и строительных работ на Мурманской железной дороге, подробно рассматривается афера английской компании Полинга, борьба внутри русского военного министерства и министерства путей сообщения за идеи по строительству железной дороги к

одному из незамерзающих портов России – Романов-на-Мурмане, государственный контроль с российской стороны за ходом строительства стройки.

В третьей и четвёртой главах большая часть событий охватывает привлечение военнопленных (германцев, австрийцев, венгров, славян, т.е. подданных Германской и Австро-Венгерской империй) в качестве рабочей силы для строительства железной дороги. Автор объективно оценивает санитарные условия, национальный и квалификационный контингент военнопленных, а также уровень технической оснащённости России в период Первой мировой войны. Три отдельных параграфа четвёртой главы посвящены репрессиям со стороны германского правительства с целью улучшения условий содержания военнопленных в июле – декабре 1916 г.

В пятой главе Н. Райнхард описывает трагические события на строительстве и достройке Мурманской железной дороги в период революционных потрясений в России, рассматривает тему организованных побегов военнопленных и оказания им помощи при побегах со стороны частных лиц и стран происхождения. В этом плане стоит отметить нейтральность автора в данном вопросе, т.е. рассмотрения данного факта на основании архивных документов всех стран участников конфликта, а не одной из них.

В шестой главе книги подробно освящается вопрос политических и военных интересов Англии к Мурманской железной дороге, как к средству транспортного сообщения между портом и северными территориями России в ходе военной интервенции 1918–1920 гг. В бурный военный 1918 г. планы Англии стали выделяться на фоне Гражданской войны в России. Возможно, не в военно-материальном, но в политическом отношении Лондон стал играть ведущую роль среди зарубежных держав-интервентов. Поэтому английскому влиянию в книге Н. Райнхарда посвящена целая глава.

В седьмой главе автор делает обобщающие выводы о значении Мурманской железной дороги для хозяйственной колонизации края, рассматривает её как важнейший военно-политический инструмент в годы Гражданской войны на севере России. Отдельно рассматривается вопрос реконструкции железной дороги в 1920–1930-е гг. и последующая эксплуатация в период Великой Отечественной войны, когда Мурманский порт становится одним из важнейших пунктов по приёму иностранных военных судов, а также ключевым рубежом обороны на севере нашей страны.

Одним из существенных недостатков в данном исследовании на мой взгляд относится отсутствие цветных репродукций фотографий со строительства Мурманской железной дороги, хранящихся в фондах Центрального музея железнодорожного транспорта Российской Федерации и Центральном государственном архиве кинофотофонодокументов. Другим недостатком является отсутствие в работе биографической характеристики инженеров путей сообщения, участвовавших в строительстве Мурманской железной дороги, за исключением начальника строительства Горячковского. Автор также не поясняет деятельность Особой высшей комиссии для всестороннего исследования железнодорожного дела в России под председательством Н.П. Петрова, которая внесла огромный вклад в разработку проекта строительства Олонецкой и Мурманской железных дорог.

Однако, несмотря на имеющиеся недостатки, в свете зарубежной русистики, данное исследование в полной мере оправдывает поставленные задачи – общий обзор строительства дороги, применение труда военнопленных и арестантов, значение железной дороги в XX веке в исторической ретроспективе. Таким образом, представленное Н. Райнхардом монография является одним из фундаментальных современных трудов в области исследования истории России и истории железнодорожного транспорта.

Saparov D.D.

DIFFICULT WAY TO THE NORTH: THE QUESTION OF CONSTRUCTION OF THE MURMAN RAILWAY (REV.: N. REINHARD, MURMANSK RAILWAY (1915-1919): MILITARY NEED AND ECONOMIC CONSIDERATIONS. – SAINT-PETERSBURG: NESTOR-HISTORY, 2011. - 320 P.)

Summary: this work is a review of a book by N. Reinhard, a well-known researcher of the Russian railways, dedicated to the construction of the Murmansk Railway. The author of the review gives a critical assessment of the monograph, first published in 2003, and passed through two editions in 2007 and 2011. The paper raises the problem of the development of railway transport in Russia during the First World War, 1914-1918, the use of labor of prisoners of war, political and socio-economic events in the life of the region during this period are considered.

Key words: Murmansk Railway, World War I, Russian Civil War, Russian Railways, Romanov-on-Murman, Ministry of Railways, prisoners of war, Northern Railways, Transport.

Saparov D.D.

DIFFICULT WAY TO THE NORTH: THE QUESTION OF CONSTRUCTION OF THE MURMAN RAILWAY (REV.: N. REINHARD, MURMANSK RAILWAY (1915-1919): MILITARY NEED AND ECONOMIC CONSIDERATIONS. – SAINT-PETERSBURG: NESTOR-HISTORY, 2011. - 320 P.)

Санкт-Петербургский государственный университет. Институт истории. Кафедра истории народов стран Содружества Независимых Государств. Россия, 199034, г. Санкт-Петербург, Менделеевская линия, д. 5

St. Petersburg State University. The Institute of History. Department of History of the Nations of the Commonwealth of Independent States. 5. Mendeleev line, St. Petersburg, 199034, Russia

Яковлева А. Е.

(Россия. Санкт-Петербургский государственный университет)

ВЗГЛЯД ИЗ ПРИНСТОНА НА СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ ДЕЛ В РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИХ ОТНОШЕНИЯХ. РЕЦЕНЗИЯ НА КНИГУ АМЕРИКАНСКОГО ИСТОРИКА С. КОЭНА «ВОЙНА С РОССИЕЙ? ОТ ПУТИНА И УКРАИНЫ К ТРАМПУ И РУСОГЕЙТУ» (STEPHEN COHEN: WAR WITH RUSSIA? FROM PUTIN & UKRAINE TO TRUMP & RUSSIA GATE PUB. 2019 (RELEASED NOVEMBER 27, 2018) BY SKYHORSE PUBLISHING, INC.

Аннотация: в рецензии рассматривается одна из последних книг американского специалиста по России, профессора Принстонского университета С. Коэна. В ней представлена эволюция воззрений классика американской советологии на новейшие конфликты в российско-американских отношениях.

Ключевые слова: американское россиеведение, Стив Коэн, новейшая история России

Один из ведущих американских специалистов в области советской и российской истории, профессор Принстонского университета С.Коэн, издал книгу на злобу дня под броским названием «Война с Россией? От Путина и Украины к Трампу и Русогейту». С.Коэн не «новичок» в изучении российской истории. Он прекрасно владеет фактическим материалом и знаком с историографией проблемы. И если эксперт такого уровня берётся за столь неблагоприятную тему, то это лишь следствие того насколько далеко зашёл сегодняшний кризис в российско-американских отношениях. Как профессионал С. Коэн вынужден начинать с предыстории. Он проводит ревизию российско-американских взаимоотношений за последние четыре года с 2014 по конец 2018 года.

Автор утверждает, что отказ американской правящей элиты объективно рассматривать отношения двух держав может в конечном итоге вылиться в настоящую войну. В книге подробно рассмотрены такие вопросы как: действительно ли президент России Владимир Путин хочет дестабилизировать США; как новая холодная война влияет на США и американскую безопасность; существует ли вообще эта война?

Нужно заметить, что изданные ранее работы С.Коэна «Провал крепостного похода: США и трагедия пост-коммунистической России» и «Вопрос вопросов»: почему не стало Советского Союза?» также посвящены исследованиям истории России и СССР. Его новая книга вышла, что называется, на злобу дня. Кажется, не проходит ни одного выпуска новостей без упоминания США в России и наоборот и отношения между этими странами действительно очень напряженные, чтобы почувствовать это, не надо быть историком. Стоит отметить, что Стивен Коэн, один из самых противоречивых российских экспертов в Америке, много лет занимался исследованием этой темы по обе стороны фронта, являлся близким другом Михаила Горбачева и консультантом президента Буша. Однако, в отличие от большинства своих соотечественников, он не свято верит в то, что ему говорят СМИ, а исследует вопрос гораздо шире. В этом и заключён главный посыл книги «Война с Россией?» – изучить вопрос более профессионально и объективно, чем его преподносят в СМИ.

С. Коэн подчеркивает, что после распада Советского Союза осталось противостояние двух держав. Россия и США находятся в политической конфронтации от конфликта на Украине до войны в Сирии. В СМИ Америка очень тщательно и избирательно выдает информацию о России, и это очень тревожный факт, по мнению автора. Медиа активно популяризируют мнение о том, что президент России Владимир Путин - настоя-

щий диктатор, стремящийся подорвать американские институты. Для рядового американца руководство Кремля представляется какими-то темными силами, желающими захватить власть над миром и подчинить их государство. В качестве доказательства приводятся вмешательство в выборы США и помощь Дональду Трампу. Автор утверждает, что выбор Трампа президентом – это выбор американцев, и проблемы США лежат внутри самой политической структуры.

Сейчас можно утверждать, что это действительно так. И Стивен Коэн вновь предсказал будущее. Книга вышла в начале 2019 года, а в апреле 2019 года был опубликован доклад спецпрокурора Роберта Мюллера, на котором выяснилось, что «Россия вмешивалась в выборы в США в 2016 году, но ни избирательный штаб нынешнего президента США Дональда Трампа, ни кто-либо еще из американских граждан не принимал участия в этой деятельности и не состоял в сговоре с властями России». Таким образом, Стивен Коэн, называющий себя патриотичным еретиком, в книге обращает внимание читателя на проблемы пропаганды внутри страны. Он подчеркивает, что США неоднократно вмешивались в выборы в других странах, и это – доказанный факт. Для американского читателя такой подход в изложении материала будет наверняка революционным.

Стоит отметить, что при обширном приведении различных фактов, имен и событий, Коэн не дает четкого ответа о причинах начала новой холодной войны. Аудитория книга – явно очень широкий круг лиц, не обладающий иными, кроме телевизионных, представлениями о России и Путине. Автор объясняет причины поведения Владимира Путина как руководителя страны в конкретных ситуациях, его путь от прозападного политика до современности. Он прибегает к перечислению тех сюжетов, которые имеет возможность опровергнуть, в частности, о причастности Путина к каким-либо громким делам и во многом его оправдывает. Коэн подчеркивает, что нет никаких веских доказательств, прослеживающих связь нападения на журналистов и Путина. Он показывает, что многие из обвинений, предъявляемых президенту России, основаны на заблуждениях. В качестве примера Коэн приводит обвинение Путина в приверженности к сталинизму и подчеркивает, что в таком случае было бы невозможно установить в центре столицы памятники жертвам сталинских репрессий.

Книга, после вступительных глав, имеет хронологический порядок и, таким образом, является историей новой холодной войны, восходящей к 2014 году. В первой главе рассматривается, кто такой Владимир Путин и кем он является в нынешних условиях. Упоминается о сравнении Путина

с Гитлером (что, по мнению автора, останавливает любую дискуссию). Далее Коэн говорит о неоднократных нарушениях обещаний и договоренностей со стороны США, начиная с объединения Германии. Вероятно, наличие таких нарушений является большим открытием для рядовых американцев, но не для российского читателя, поскольку российские СМИ активно тиражировали данную информацию. Но стоит отметить, что и с российской стороны также идет активная пропаганда против США. Вопрос Украины и Крыма еще больше обострил российско-американские отношения, в том числе и на бытовом уровне. Вмешательство в жизнь другой страны и диктат своих условий – так это видит американский читатель. Защита своей территории и русского населения Крыма – версия среднестатистического россиянина.

Коэн подчеркивает, что стремления Трампа доказать, что он не является марионеткой Путина (как-то утверждают некоторые источники) вкупе с антироссийском политикой СМИ может привести не просто к новой войне, но к ядерной войне, что представляет собой невероятную угрозу всему миру. Автор подробно останавливается на этом вопросе, подчеркивая, что нельзя так беспечно атаковать власть страны, обладающей оружием массового поражения. Коэн говорит о своем несогласии с политикой Дональда Трампа и о необходимости мира с Россией.

В книге можно заметить четкую связь между поведением России и реакцией США, которая, по мнению автора, и является причиной холодного отношения россиян к американцам, а не случайная ненависть к ценностям Запада. Другими словами, в холодной войне между странами виноваты именно США, что, вероятно, радостно подтвердят россияне и с негодованием отвергнут американцы. Но, Стивен Коэн утверждает, что это действительно так и приводит свои доказательства. В его трактовке событий новая холодная война началась в 1999 году бомбардировками Сербии. В то время как американские СМИ фактически не возлагают никакой вины на американскую сторону. Дескать, Кремль начал эту войну и в особенности Путин. Автор подчеркивает, что сейчас в США нет оппозиции ядерной войне или холодной войне. Ее нет ни в основных средствах информации, ни в Госдепартаменте, ни в главных политических партиях, за исключением одного-двух человек, ни в студенческих городках, которые хранят молчание.

Какие же решения данной ситуации предлагает Стивен Коэн? Автор утверждает, что, несмотря на ориентацию СМИ на народ и избирателей, внешняя политика уже давно стала прерогативой элиты. Поэтому, чтобы до-

биться изменений, необходимы лидеры мнений, которых пока нет. Коэн допускает, что они могут появиться в рядах авторитетных, состоявшихся и даже крайне консервативных представителей элит, как это неожиданно произошло в середине 1980-х годов с Рональдом Рейганом и Михаилом Горбачевым, которые стали выступать за разрядку отношений между США и СССР. Однако в настоящий момент ситуация осложняется тем, что времени у противоборствующих сторон совсем мало, а лидера все нет. К тому же власть обоих президентов ограничена, и они уже не могут рассчитывать на ту свободу выбора, которая была у Рейгана и Горбачева. Тем не менее, Коэн не дает четкий ответ. Его книга призвана, прежде всего, поднимать важные вопросы и выносить их на обсуждение. Уже это может помочь США найти новые пути решения сложившейся ситуации, поднять общественный резонанс и найти, наконец, лидеров мнений.

Таким образом, книга Стивена Коэна, по его собственному утверждению – это попытка пробудить в американском читателе желание критически мыслить и выходить за предложенных прессой стереотипы, когда мы говорим о России. В условиях тотального медиавлияния, взгляды Стивена Коэна скорее выглядят исключением из правил. Более популярны его воззрения в университетской среде, особенно в тех центрах где преподают и изучают русистику как науку.

Выход в свет книги Стива Коэна оптимистично воспринимался читателями, которые жаждали увидеть в ней «оборотную сторону медали» американских стереотипов восприятия России. Более негативную оценку ей дали те, кто привык на Западе видеть в России империю зла. Они сочли книгу Коэна пророссийской, а её автора не перестают обвинять в предательстве интересов собственной страны. Дэвид Гордон, редактор «Мизес Ревью», считает, что Стивен Коэн оказывает услугу американскому читателю, доводя до его мнения, что представление о России в США формируется «злыми силами», однако единственным путем решения текущего конфликта является возвращение США к политике невмешательства. С.Коэн же довольно пессимистично предрекает ядерный конфликт, как неизбежный результат холодной войны, которую некоторые обозреватели отказываются признавать – как в России, так и в США.

Российский читатель, который активно смотрит телевидение и не изучает вопросы взаимоотношения США и России дополнительно при помощи сети Интернет, не имеет возможности сравнить разные точки зрения, после прочтения данной книги, очевидно, удовлетворенно кивнет: «Да-да, я так и знал. Это все Штаты организовали, мы им еще покажем кто главный». В такой ситуации, пожалуй, нам необходим русский

Стивен Коэн, который скажет: «Нет, российская сторона тоже виновата в этой войне. Давайте изучим факты и разберемся». Российский читатель также страдает от своих идеологов и пропагандистов. Нельзя отрицать одностороннюю позицию официальных российских СМИ при освещении событий на Украине, при описании позиции США. В этом смысле и США и России есть о чём крепко задуматься. Изучение фактов и поиск консенсуса при решении российско-американских противоречий в условиях ядерного вооружения – это одно единственное и безальтернативное решение для всех стран.

**ТРАНСГРАНИЧЬЕ:
ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА
СОЦИОКУЛЬТУРНЫХ КОНТАКТОВ**

Сборник статей по итогам международной
научно-практической конференции
25 марта 2021

Подписано в печать .2021. Формат 60x84/16.
Печать на ризографе. Бумага офсетная.
Усл. п. л.15,125. Тираж 100 экз. Заказ №

РИСО Брянского государственного университета
имени академика И.Г. Петровского
241036, г. Брянск, ул. Бежицкая, 20.

Отпечатано в типографии ООО "Полиграм-Плюс"
241037, Брянская область, г. Брянск, ул. Крахмалева, 29